

Александр Мильштейн

КОНТОРА КУКА

ОСтальгический вестерн

АСТРЕЛЬ

Трансактор
Leinbräu Keller

Александр Мильштейн

Александр Милштейн

КОНТОРА КУКА

OSTальгический вестерн

АСТРЕЛЬ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М60

Художник – Александр Шабуров

Мильтштейн, Александр Моисеевич

М 60 Контора Кука : [роман] / Александр Мильтштейн. – Москва: Астрель, 2013. – 412, [4] с.

ISBN 978-5-271-45552-0

Александр Мильтштейн – уроженец Харькова, по образованию математик, ныне живет в Мюнхене. Автор романов «Пиноктико», «Параллельная акция», «Серпантин». Его прозу называют находкой для интеллектуалов, сравнивают с кинематографом Фассбиндера, Линча, Вима Вендерса.

Новый роман Мильтштейна «Контора Кука» сам автор назвал «остальгическим вестерном». Видимо, имея в виду, что герой, молодой человек из России, пытается завоевать Европу, как когда-то его ровесники – Дикий Запад. На глазах у читателя творится динамичная картина из множества персон: художников, программистов, барменов, русских эмигрантов, немецких писателей и совсем каких-то странных существ...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 23.11.2012. Формат 84x108^{1/32}.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 2000 экз. Заказ № 9083.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ISBN 978-5-271-45552-0

© Мильтштейн А.М.
© ООО «Издательство Астрель»

Есть за границей контора Кука...

С.Машиак «Мистер Твистер...»

Собеседование

Паше Шестопалову приснилось, что он бродил по зоопарку и на одной из клеток разглядел табличку с собственными ФИО.

Ниже более мелкими буквами и той же красной краской были написаны прочие данные, как то: вид, отряд, ареал обитания, на Земле осталось, размножается в неволе...

Или не размножается; понятно, что подробности текста, так же как и само животное, Паша по пробуждении помнил смутно.

Судя по всему, зоопарк был зоопарком в его родном N-городке на Волге, а зверь был не очень большой и покрытый длинной чёрной шерстью или иглами.

«Да, это мог быть и дикобраз, и черно-бурый песец... И что? Что означает этот сон?» — думал Паша, стоя в душе.

Он вытерся отведенным ему полотенцем и пошёл в гостевую комнату, где, прежде чем начать

одеваться, осмотрел чужую одежду, лежавшую на кресле, с таким тревожным видом, как будто за ночь что-то из неё могли, передумав, забрать обратно.

На самом деле предмет его тревоги был один, и Паша обеспокоился, не увидев его в первый момент, не столько из-за того, что он мог исчезнуть, сколько — развязаться.

Ну как-то там самораспуститься... вот это была бы беда, потому что завязать узел самостоятельно Паша бы не смог. И помочь было бы некому: Ширины ушли на работу.

Опасение оказалось напрасным: повязанный как будто на шее самой пустоты, галстук нашёлся под полой пиджака, и это ещё раз напомнило Паше что-то давнее и весьма странное, но он решил, что не время для реминисценций, как-нибудь в другой раз, если уж не рассказал это вчера... Он не жалел теперь, что его прервали, — рассказ наверняка вышел бы слишком длинным, Ширины потом бы смеялись, как это бывало уже в двух-трёх подобных случаях, повторяя: «Несло-несло нашего Остапа»...

И вообще-то Паше не свойственно было толкать этикие телеги перед большим скоплением народа, совсем наоборот... у него был типичный «сценический синдром», но тут, очевидно, он таким образом подсознательно, что ли, пытался заговорить более серьёзное волнение.

Но его прервали на полуслове, и всё это как-то потом забылось.

Да, накануне собеседования в квартире Шириных было шумно — настоящий балаган там был... Пашу одевали всем миром по нитке: пиджаки принесли одни друзья Шириных, брюки — другие...

Сам Ширин был раза в два толще, чем Паша, и при всём желании не мог бы поделиться вещами — разве что галстуком...

Рубашки и туфли были принесены в каком-то уже комическом количестве.

Кто-то принёс даже запонки, вероятно, такой же толстяк, как и Ширин, — ну чтоб не с пустыми руками... Ясно, что это у них стало как бы поводом для «парти». Хотя... если бы Ширины и не кинули клич, а просто позвали всю компанию на огонёк, без всякого повода, явка вряд ли была бы меньшей... Но так интереснее, *что ли*, а Паше ведь в самом деле надо было идти на интервью в чём-то приличном.

Жена Ширина Лиля и соседка Вера в четыре руки повязали на нём малиновый галстук в серебристую крапинку, после чего кто-то из гостей затянул: «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры...»

— Последний раз я надевал эту штуку на выпускной... — начал было Паша, когда пение смолкло, и в свою очередь замолчал, потому что ему приказано было повернуться кругом.

Он думал, что сказал очень тихо, почти про себя, и никто не услышал... Но его всё-таки спросили:

— Выпускной — вечер?

— Нет, — охотно стал объяснять Паша, стоя ко всем спиной, — на вечере я был уже без галстука — свобода... А вот во время выпускного экзамена... по литературе... он был на мне... это я точно помню... потому что только благодаря ему... я и написал выпускное сочинение...

— Повернись! — сказала Лиля Ширина. — Нет, полностью... вот так... ну и какая же связь между литературой и *хальзтухом*?

— Самая прямая, — сказал Паша и хотел продолжить, но в этот момент Вера приказала ему повернуться, и тема как-то забылась сама собою, перебитая более актуальными: наряжавшим Пашу женщинам надо было много чего уточнять при этих примерках, и они меняли ему пиджаки, брюки, то и дело требуя, чтобы он поднял руки, опустил руки, раздвинул локти в стороны...

После чего Пашу попросили сесть на специально поставленный в центре комнаты стул, чтобы понять, «как ведут себя брюки», хватает ли длины носков, не оголяются ли голени и т. д.

Всё это было непривычно, как-то неудобно, иногда даже щекотно, но ничего, он терпел, не такой уж он был кисейной барышней... При этом вспоминал он, скорее, ёлку, которую наряжали в детстве «в несколько рук», если праздновали

Новый год в гостях, с другими детьми, — вот этой самой ёлкой он себя теперь, кажется, почувствовал, чтобы потом, уже во сне, — дикобразом или кем там он был — во сне, ну да...

«Ни пуха ни пера!» — говорили ему его благодетели, прощаясь, и Паша всех посылал к чёрту, включая и тех, кто желал ему «перелома ноги и боли в горле», предварительно объясняя, что это немецкий аналог «ни пуха ни пера», но на вопрос, куда в ответ немцы посылают, ответить толком никто из них не мог, вот Паша и посылал их туда же.

«Или даже “кость в горле”?» — пробовал он вспомнить, немного ослабляя узел, а потом снова затягивая и требовательно оглядывая себя в зеркале.

«Грюс гот. Их бин Пафел Шестопалофф», — сказал он, протягивая своему отражению руку, и вспомнил ещё одно пополнение своего словарного запаса: немцы, по словам Шириных, называют собеседование *Vorstellungsgespräch* — «представительской беседой».

«То есть “воображаемой”, — шутили Шириные, — потому что “форштеллунг”* — это и в смысле “воображения”...»

И ещё... Сам не зная чего вдруг, Паша вспомнил это «ещё что-то»... стоя перед зеркалом...

* *Vorstellung* (нем.) — представление, спектакль, воображение. (Здесь и далее — примеч. автора.)

а вот — то самое... что недавно назвал про себя «категорическим императивом», даже не зная, насколько при этом «как в воду глядит», да и не помня толком, что в точности подразумевал под этими словами Кант*.

— Паша, я понял, что тебе нужно сделать, — сказал Ширин примерно две недели тому назад. — Тебе надо трахнуть Веру.

— Как это?

— Так. Соседку мою, Веру Комаровскую.

— Лев, ты шутишь?

— Если ты хочешь, чтобы она устроила тебя в свою фирму. Она это уже делала для одного юноши, он продержался там почти год — пока вдруг не сорвался и не улетел.

— В каком смысле?

— Да так, — Лев помахал «крылышками», — всё вдруг бросил и уехал обратно, вспомнил какую-то зазнобу... В фирме это не очень понравилось... Но главное — прецедент был. Ну что ты так на меня смотришь? Всем известно, что Вера любит молоденьких. У каждого свои слабости.

— Но я... Я не могу так, — сказал Паша.

— На комм,** — сказал Лев, махая рукой теперь уже назад — через плечо... После чего обернулся и увидел, что жена вошла в гостиную.

* Который писал в определении: «...всегда... как к цели и никогда не... как к средству...»

** Да брось (нем.).

— Лиль, оставь нас, — сказал он, — у нас тут мужской разговор.

Паша был уверен, что Лиля ему сейчас за такие слова выдаст по полной программе, он даже автоматически втянул голову — как всегда, когда между Шириными разражалась буря...

Но тут почему-то всё произошло иначе, Лиля сказала:

— Всё-всё, меня уже нет, — и так быстро покинула комнату, что Паша понял: они это обсуждали между собой.

Очевидно было, что его пребывание в доме Шириных затянулось.

Костью в горле он себя пока что не чувствовал, но... Может быть, он просто был недостаточно чувствительным, когда ставил себя на чьё-то место?

Но он и так понимал: затянулось.

Ширин не мигая смотрел Паше в глаза (в голове его при этом проносились достаточно банальные мысли: «Вот этот мальчик — это ведь я сам, Лев, только что двадцатилетней давности...»).

— Но я же не...

— Не?..

— Не плейбой, — сказал Паша, и Лев расхохотался:

— Это как? Умри, но не отдавай поцелуя без любви... Ну тогда как знаешь, братец. Но я советую всё же подумать. Тем более что Вера — жен-

щина не только с большим аппетитом, но пока что и сама вполне аппетитная, — Лев поднял указательный палец, как будто рассказал очередной свой анекдот — про «О!».

— Она же мне в бабушки годится.

— Ну, это ты, положим, загнул.

— Да она и в молодости была не в моём вкусе!

— А это ты откуда знаешь?

— Да ты ведь сам показывал мне фотки, ваш архив... Нет-нет, — решительно помотал головой Паша, — вы меня, конечно, извините, я понимаю, как я вам надоел...

— Да... не так уж ты нам и надоел, — поморщился Ширин, — своих детей нет, ты видишь, а жилплощади — хоть отбавляй... После нашей московской каморки как-то даже чересчур — пусто, пустынно, как-то безлюдно... Можешь жить пока что сколько хочешь. Мы о твоём будущем беспокоимся, Паша. Взять на нормальную работу без разрешения на неё... Да и без визы — она у тебя давно истекла... Такое может только Вера.

— Она что у вас там — царь и бог? Это что, её собственная фирма, что ли?

— Нет, но...

— Ну так и что она там может решить, если работает «на дядю»?

— Не скажи. Её влияние велико... в том числе и на «дядю». И был уже прецедент, дядя понял, как это классно...

— В каком смысле? — сощурился Паша.

— Да нет, — засмеялся Ширин, — не в том. Выгодно!

— А...

— А ты что подумал? Ну, то есть да, Вера — женщина активная, и шефа она в своё время, может быть, тоже попользовала... но любит она молодых: когда-то они были на десять лет младше, а теперь уже в два раза как минимум, время ведь не стоит на месте... И ты, Павел, сейчас как раз подходишь... по всем статьям. Я уж, поверь, знаю её вкусы: ты, Павел, просто стопроцентный вариант! Да после того как ты её трахнешь...

— Нет! Лучше уж я уеду в Москву или вообще... домой.

— А где ж твой дом... — проворчал Ширин, — где ты будешь получать в десять раз меньше за ту же работу и где у тебя вообще не будет никакого будущего, кроме козлов, от которых ты и сбежал... Хочешь, чтобы они тебя там добились?

— Ну, это мы ещё посмотрим. Во всяком случае, с вашей Верой я этого делать не буду, прости.

— Ты что... боишься, что не встанет? Ну и напрасно! Комаровская у нас девка... ещё это... как говорится, в самом соку!

— Вот сам и... свою Комаровскую!

— Мне-то зачем?! Кому нужно на работу устраиваться? — засмеялся Лев. — У меня с Комой прекрасные дружеские отношения, мы и в Москве были соседями, я знаю её с пелёнок. Она мне как сестра! Мы такие закадычные друзья, нам

секс не нужен, чтоб доказывать друг другу вновь... Разве что когда мы ещё были в детском садике, хе-хе... Ладно, я же хотел как лучше, ну извини старика, если что не так... И не думай: никто тебя не выставляет за дверь... и тем более — на панель, нет-нет... ты свободный человек, так что вставляй кому и куда сам захочешь, — Лев снова было рассмеялся, но заметив, что Паше не смешно, сказал:

— Всё, забудь тогда этот наш разговор, просто сотри его из памяти и всё... И давай мы с тобой тогда партейку сыграем, а, блиц-блиц?

— Не хочу я, — сердито сказал Паша, — хватит с меня на сегодня твоих комбинаций.

— Фору даю, бля. Ферзя!

— Тем более не хочу, — помотал головой Паша.

— Ну ладно, давай тогда ещё выпьем. За тебя, братец... Ну, вздрогнули.

Через неделю разговор о возможности трудоустройства в «фирму Веры» возобновился, но уже без сомнительных «императивов». Ширин просто сказал, что он поговорил с Комой, и она считает, что попробовать стоит. Ручаться она, разумеется, не может, но какие-то шансы, по её мнению, имеются, потому что для фирмы сейчас важно найти риелтора для стран СНГ, который одновременно и программист: по отдельности две такие должности за нормальную зарплату фирме сейчас не по карману, не те она переживает в данный момент времена... «Короче, цуг-

цванг-миттен-дрин-дранг-нах-остен, — тараторил Лев, — в результате чего ты, Паш, можешь очутиться без разрешения на работу и вообще без визы, без знания немецкого... на довольно-таки привлекательном месте, что для людей с визой, что для аборигенов зогар*. А как уж они там это всё оформят, их дело, главное, что прецедент был, значит, это находится в пределах искусства возможного... При этом то, что я тебе говорил в прошлый раз... Забудь, считай, что я пошутил.

— То есть ты считаешь, что можно поюзать старушку, не пользуя её при этом?..

— Да, — Лев засмеялся, — только Кома не старушка, и это неблагодарность с твоей стороны, чёрный риелтор!

— Ну, во-первых, никакой я ещё не риелтор и даже не программер, ни чёрный, ни белый... А во-вторых, это так, сорвалось, больше никогда я так не скажу, даже заглазно, моё слово железное... Но вот скажи ты, как я могу быть риелтором, ездить куда-то там в СНГ — без визы? Я же не смогу вернуться!

— Нет-нет, — сказал Лев, — не надо забегать так далеко вперёд, надо разбираться с трудностями по мере их поступления... Это они потом будут решать, ну сделают тебе визу, зелёную карту или

* Sogar (нем.) — даже. Справедливости ради стоит заметить, что Ширин почти не вставлял в речь немецкие слова — за редкими исключениями.

что-то типа того... а до тех пор ты будешь работать здесь, не надо забегать... Нет, ну не думаешь же ты в самом деле, что это — многоходовка каких-то сил... анонимных... антииммиграционных сил... чтобы выслать тебя из Германии? Смешно!

— Нет, — сказал Паша и подумал, что если бы Лев не отказался от своих слов о необходимости переспать с соседкой, то он бы именно так и подумал, но только не об «антииммиграционных силах», а... о вполне конкретной разводке с небольшим количеством ходов: соседке — ходка, ходоку — фигу, в придачу к... Впрочем, зачем это нужно Льву, Паша и сам бы не смог ответить, и он тихонько встряхнул головой и сказал:

— Нет. Не думаю.

— Ну, так что скажете, юноша? — Лев потирал руки, и очевидно было, что он уже собрался по этому поводу «накатить» превентивно грамм по сто — сто пятьдесят...

— Прикольно, — сказал Паша, — а вдруг возьмут и... возьмут?

Собеседование проходило на английском.

Несколько раз Паша пользовался присутствием Веры — она переводила слова, которые не переводились у него с ходу...

И в обратном направлении — её шефу тоже не всегда приходили на ум английские слова, и Вера тогда с нескрываемым энтузиазмом переводила с немецкого на русский.

Всё остальное время эта упитанная тётка в крупных роговых очках явно скучала.

Во всяком случае, зевала, не прикрывая рта, как бы подтверждая своё определение, о котором знать не могла, — что Паша занёс её с первого взгляда в категорию «жаб», откуда, впрочем, он её теперь уже вычеркнул за её добрые дела, так сказать, и... так никуда и не вписал: «Ну тётка и тётка... когда улыбается, становится похожа на какого-то еврейского классика, но на какого именно — не вспомню...»

К концу беседы шеф вспомнил Пашиного предшественника и совсем уже было перешёл на свой родной язык, при этом ярость, так и гудевшая в его словах, была бы понятна и без перевода...

Господин Гогенблейхер явно был рад наконец излить накипевшее: «Всё бросил и смылся, подлец... ищи-свищи... ветер в поле...» — со вкусом переводила Вера — *перекладывала*, можно сказать, с больной головы на здоровую...

И когда в конце собеседования Паше сказали, что ответ дадут в течение недели, он понял, что тут нельзя ничего предугадать.

Невозможно.

Верил он, скорее, в худшее, естественно, но все же при этом говорил себе, что, может, ещё не все потеряно, его просто предупредили заранее — как в притче, которую он слышал в младших классах от дурака-учителя, — о цыгане, ударившем ребёнка прежде, чем тот разбил кувшин, потому что

«когда разобьёт, будет уже поздно»... Паше тут ещё вспомнилось из последних новостей — о выселении румынских цыган из Франции...

Он подумал, что хорошо, что он не во Франции и не цыган...

Хотя тут же он подумал: а что, собственно, хорошего? Тем мало того, что есть куда и откуда и потом снова — куда, так ещё им подъёмные дают. Правда, какую-то дребедень, копейки, но всё равно, сам факт... тогда как ему... разве что подъёбные.

Ну да, пинком под зад.

Он немного ослабил... и снова затянул узел галстука, глядя на двух дородных парней, которые сели напротив него и заговорили по-русски, наперебой тыкая пальцами в новомодный планшет. У него не было никакого желания их слушать.

Ему было душно, он решил было полностью снять с шеи удавку, но почему-то «завис» — рука, то есть кисть левой руки, осталась лежать на узле, а потом и он весь *завис*, веки опустились, *как свинцом налитые*.

Да-да, последний раз — на выпускном...

Благодаря галстуку Паша смог скатать сочинение с «гармошек», которые каким-то чудом раздобыл в авиамodelьном кружке при Дворце пионеров у мальчика, дед которого был писателем, про отца никто ничего не говорил, может быть, гены отдыхали, но во внуке проснулись: все знали, что внук замечательно хорошо пишет

сочинения, так что эти «гармошки» были просто бесценным приобретением...

Хотя Паша слабо надеялся ими воспользоваться — они были слишком уж длинными и не слишком-то узкими — и думал, что берёт их скорее для моральной поддержки, ну как пистолет уверенности придаёт, когда просто тихо лежит за пазухой, или там нож за голенищем... Примерно так он себя почувствовал, когда начинил ими пиджак, — увереннее. Больше он надеялся на то, что у него у самого развяжется язык и «пойдёт писать губерния» — читать-то он ведь почти всё читал, по крайней мере из обязательной программы...

Но пробежав несколько раз глазами список тем, написанных на доске, понял, что если не попытается списать «Образ Пьера Безухова в романе Льва Толстого» (из перечисленных только это было у него с собой на шпаргалке), то всё, пиши пропало.

Потому что собственные мысли теперь разбежались в разные стороны — и какой уже можно было слепить из них текст...

Если от всего гигантского «образа Пьера» в голове остался один толстенный мудозвон, который, обезьянничая, грозился выпить бутылку рома, сидя на окне с опущенными наружу ногами, но так никогда и не выпил...

Причём ясно было, почему из всего «массива безуховых» (массива в матричном смысле, алгебраическом, то есть с индексами страниц, на ко-

торых эти самые безуховы возникали и снова исчезали в толще... страниц... Да, надо заметить, что, в отличие от литературы, из алгебры Паша знал не меньше, а больше школьной программы, будучи в этой области как бы автодидактом), почему из всех из них остался именно этот — даже не потому, что он был начальный...

Какая-то уже и вовсе... или — вовсею — *безмозглая* Пашина мысль перескочила на крышу шестнадцатизэтажки, где он со своим одноклассником Лунёвым распивал газированный коньяк...

Да-да, в качестве сиропа в сифон заливалась бутылка четырёхзвёздочного коньяка, а потом уже вода и углекислота...

У Лунёва дома был маленький компрессор, привезенный его родителями из-за бугра, так что не надо было идти в пункт заправки — где коньячок в качестве сиропа им, конечно, не залили бы.

Паша тихонько достал «гармошку» из кармана, положил на свою тощую ляжку и быстро накрыл полый пиджака... Всё просматривалось насквозь, учительница ходила между рядами, Паша был почти уверен, что его сейчас разоблачат и с позором выдворят из класса.

Но делать уже было нечего, он выпрямил спину, тем самым приподняв полу пиджака, и перетащил снизу вверх первое предложение: «Образ Пьера Безухова проходит красной нитью сквозь роман Льва Толстого», — после чего снова накрыл полоску бумаги, лежавшую на ноге, полый пиджа-

ка, потому что «русачка» уже шагала по его ряду — он думал, что прямо к нему, но нет, она прошла мимо, а первые слова таким образом были *телетайпированы, или графированы*, — так он тогда подумал и сразу же вдогонку: «На самом деле это обратный процесс, потому что в телетайпе бумажная полоска выползала на выходе... телетайпом была такса от Парижа до Лондона... а теперь мы имеем то же самое, но вместо таксы — граф...»

И вот всё это *открыло* Пашу, он понял, что может незаметно задвигать шпаргалку обратно — галстуком...

Да-да, кончиком галстука... Двигая шеей, Паша, когда надо было, задвигал шпору под крыло... ну то есть — под полу... А надо было каждые две-три минуты... Но главное, что не руками, руки были — вот они, ручки, где... Одна пишет, другая придерживает лист, обе всё время на парте, и всё осуществляется движением «третьей», шёлковой руки (*классная руководительница: «Чтоб были у меня как шёлковые!»*) и других частей тела, микроскопическими сокращениями мышц, ну на сколько там нужно вытянуть шею или поднять плечо, чтобы из-под полы высунулись два-три сантиметра бумажной полоски... А потом спрятались обратно, подталкиваемые кончиком галстука, который на время, пока писалось сочинение, сделался как бы прямым продолжением Паши Шестопалова.

То есть всё тело Паши стало на время чужим, отличным от себя, ни до, ни после он не смог бы

это повторить: он пробовал только что — прямо вот здесь и сейчас, в немецкой подземке, и голубые «штрайфены»*, похожие на шпоры-гармошки — только поплотней бумага, что для таких поползновений, казалось бы, даже ещё и лучше...

Ан нет — синеватая «гармошка» никуда не двигалась по его ноге, а потом вдруг слетела на пол, Паша поднял её, снова положил на ногу, и снова она никуда не двигалась, зато со стороны, например, камеры слежения всё это было более чем заметно и выглядело так, как будто парень танцует сидя эдакий... брейк-дэнс городского невротика.

Короче говоря, теперь бы Паша вряд ли сдал экзамен.

Не то чтобы в последующие годы он стал недотёпой — просто тогда, во время выпускного сочинения, в Паше, очевидно, просыпалась какая-то другая — нечеловеческая — ловкость...

И не в смысле ловкости в превосходной степени, нет... а в том смысле, что Паша ощутил тогда своё физическое тело как систему блоков, приводных ремней, грузов, ну да, из учебника физики для восьмого класса...

* *Streifen* (нем.) — сложная разновидность билетов для общественного транспорта в Мюнхене: это длинная узкая полоска плотной бумаги, разделённая на двенадцать частей. Пробивать их нужно в специальном автомате, например, при входе в метро, сгибая так, чтобы количество полосок, находящихся ниже прокомпостированной, соответствовало количеству концентрических зон города, которые пассажир собирается проехать.

Сидя в метро, он видел закрытыми глазами кинематическую схему, первоначально нарисованную мелом на доске, где до этого были темы сочинений, — теперь уже объёмной, и то же можно было сказать о бороде, повисшей над доской... как будто, покинув портрет, автор «Капитала» превратился в автора «Мира» и стоял теперь за чёрной ширмой, как в кукольном театре, дёргая за ниточки, — приводил в движение всю протяжённую систему подвесок, блоков, противовесов, всё Пашино тело — тело сновидения...

Сновидец же тем временем сидел в немецком метро и видел, как приходят в движение тени... забытых братков.

Нет, это пришло ему в голову чуть позже, а в тот момент ему ещё казалось, что это тени ветвей, которые шевелит ветер за окном, или — что это лучи солнца, бьющие в окно, просветили, как рентгеновские, насквозь его *буклированный пинджачок*, и уже даже не схема, а сама эта его полуподпольная машинерия спроецирована на белую стенку классной комнаты, он форменным образом разоблачён, *слышь, как скрипят доски под туфлями русачки...* И тут зазвонил будильник.

Ну то есть телефон, хотя, может быть, Паша и проснулся в тот момент, потому что ночью он спал плохо и через некоторое время после собеседования, когда прошло действие кофеина и адреналина, остро ощущал недосып...

Судя по звуку, это мог быть его телефон, хотя такой ретрозвонок, войдя в моду, был в том году ещё довольно широко распространён — как у старых аппаратов с вращающимся диском или как в школе с урока... Паша лениво ожидал, пока другие посмотрят, — он ведь ещё частично находился в десятом «А» средней школы № 59...

Несколько человек достали мобильники и сразу положили их обратно, и только после этого Паша достал свой, но было уже поздно, он перестал звонить.

Двое русских по-прежнему сидели перед ним, теперь уже молча. На звонок они никак не отреагировали, очевидно, у обоих телефоны звонили как-то по-другому. «Может быть, напевают “Пусть бегут неуклюже...”» — подумал Паша... Телефон зазвенел снова — его телефон, и он нажал кнопку.

Вспомнив, что его понимают эти двое напротив, Паша сразу почувствовал себя скованно и, быстро сказав, что перезвонит, убрал старенькую «Нокию» от уха.

После чего впервые встретился взглядом с тем парнем, что сидел слева.

А потом с тем, что справа, который, собственно, и спросил у него:

— Слышь, пассажир... Ты чё, всё слышал?

— Что слышал? — переспросил Паша. — Вы имеете в виду объявление, которое сейчас передавали? Нет, я не знаю немецкий... Ну, я думаю, просто поезд задерживается на несколько минут...

Электричка стояла посреди тоннеля, и, как раз когда Паша как мог лаконично отвечал Ширину по телефону, вагонные динамики передавали какое-то сообщение.

— Ты слышал, о чём мы говорили с Петром?

— Значит, вы — Пётр, — сказал Паша, глядя на левого парня. Он думал было протянуть руку и представиться, но их манера общения... как-то не вдохновляла.

— Нет, — сказал он, — я ничего не слышал, можете не беспокоиться.

— Ну ты даёшь, — сказал Пётр и шумно вздохнул.

— Я? — удивился Паша.

— Да ты понимаешь, что при таком уровне изоляции транзакций... — начал второй, но Пётр его прервал — положив руку приятелю на плечо, как бы нажал там на какую-то кнопку...

После чего они с минуту оба молчали, а потом стали говорить о Паше в третьем лице, так, как будто его самого там уже не было: «Он всё слышал». — «Говорит, что нет». — «Ты в это поверишь?»

— Послушайте, — сказал Паша, — вы меня простите, конечно, но мне выходить на следующей. Прощайте, хлопцы!

— Ты слышал про схему?

— Не советую вам нервничать из-за такой ерунды, тем более что я действительно ничего не слышал. Я спал, можно сказать, грезил... Школьные

годы чудесные... Чего и вам желаю, — и он уже пошёл было к выходу, но тут из динамиков снова слышалось какое-то сообщение. Понять его Паша не мог, но тем не менее он вернулся и неожиданно для себя забормотал скороговоркой — с удовольствием замечая, как у парней ползут наверх брови: «Знаете, что передают? “Желаем увидеть козла и осла, осла — на полночи, козла — до утра, спокойной вам ночи, приятного сна!..”»

После этого Паша снова пошёл к выходу.

* * *

Он свернул с тротуара направо, но не вошёл в магазин (то ли оптика, то ли ювелирный), а остался стоять возле зеркальной четырёхугольной колонны, чтобы взглянуть на себя и, что ли, прочесть на своём челе то, что не смог понять при помощи внутренней логики, — чем кончилось собеседование.

Но внимание переключилось на другую перспективу — обратную... Паша заметил в ней двух русских. Они тоже остановились.

Непонятно было, откуда они вообще здесь взялись... Паша не заметил, чтобы они выходили вместе с ним, значит, сошли тихо и пошли следом... А это уже было чёрт знает что такое!

Паша увидел, что они снова тронулись с места, но сам он стоял неподвижно.

— Красавчег! — сказал один из подошедших.

Паша молча смотрел на них посредством всё того же зеркала.

— Мы тут с Глебом подумали, — сказал Пётр, — что встретить соотечественника и не выпить... как-то нехорошо. Не по-людски... К тому же нам есть что отмечать. Как ты насчёт того, чтобы зайти куда-нибудь? Мы приглашаем.

— На троих придумано недаром, — пропел второй, потирая ручки, — на-троих-при-ду-ма-но-не-зря...

— А вы хотите есть, — спросил Паша, отворачиваясь от зеркала, — или только пить?

— Чего мы хотим, Глебушка? — спросил Пётр и сам ответил: — Сначала пить! А потом уже есть!

— Точно, — сказал Глеб, — можно зайти выпить для начала. Ты случайно не знаешь тут поблизости что-нибудь попримечнее?

— Случайно знаю, — сказал Паша, — и мы уже почти пришли.

— Ну вот и ладушки, прекрасно. Щас накадим! — оживился Пётр, ускоряя шаг, так что Павел и Глеб шли теперь за ним следом, едва попевая.

— Не сюда! — крикнул Паша, когда Пётр начал было заходить в бар. — Немного дальше.

— О'кей, — сказал Пётр, неохотно возвращаясь на улицу, — а что там такого особенного будет, а?

— Пиво не разбавляют, — ухмыльнулся Глеб.

— Ну, что-то типа того, — сказал Паша, — по крайней мере, я бывал там не раз, можно сказать, завсегда...

— Девчонки, наверно, там, — предположил Глеб.

— Это тоже, — кивнул Паша.

— Да вроде и там были ничё, — задумчиво сказал Пётр, оглядываясь, — я там сразу несколько мочалок засёк.

— Просто хорошо там, где нас нет, — вздохнул Глеб, — но было. Правда?

— Правда, — кивнул Паша, — вот мы и пришли.

— А вывеска где? — удивился Пётр.

— На самых тёплых местах нет вывесок, — сказал Глеб, — нам, Пётр, просто повезло, что мы его встретили.

— Ага, — ответил Пётр, и они, по очереди раздвигая чёрный парчовый занавес, ступили в заведение.

Паша следил за их лицами, ожидая увидеть разочарование или возмущение: облупленные стены, покрытые разводами, похожими на чёрную плесень...

Деревянные столы были неотёсанными, стулья — с исцарапанными железными спинками — как будто снятые с проржавевшего насквозь древнего трамвая...

Но двое не удивились, а уважительно покивали головами, сели за столик и стали спорить, с чего начать.

— Да ну, какие коктейли, нах, — сказал Пётр, — коктейли для тёлок, давайте пивка, пацаны, по-

том водочки... Не, ну в Мюнхене надо пиво пить, я не прав? Вот, товарищ не даст соврать...

Кроме них, в баре вообще никого не было. Официантка, дождавшись конца их короткого диспута, вышла из-за стойки и подошла к их столу. Паша показал ей три пальца и сказал:

— Драй хелле, битте.

— Чё-то пусто как-то, — сказал Пётр.

— Просто ещё рано, — объяснил Паша, — «движение» здесь начинается гораздо позже, ближе к полуночи.

— А говорил, немецкий не знаешь, — улыбнулся Глеб.

— Это всё, что я знаю, — пожал плечами Паша, — светлое пиво, числительные и хэнде хох.

— А как же тут живёшь?

— Да я пока что здесь не так чтоб и живу... И кстати, довольно неплохо знаю английский.

— Да, это кстати... Мы вот с Глебом мычим-мычим... А нас мало кто понимает — только избранные, хе-хе...

— Пока мне английского хватает, а если я останусь, выучу немецкий.

— Останешься, останешься, — сказал Глеб. — Мы поможем.

— Это было бы неплохо. А кто вы, если не секрет?

— Ну, это потом, потом, кто мы, кто вы... Мы же тоже не знаем, кто ты... Ты хороший парень, это сразу видно, но так уж получилось...

— Это не твоя вина, — погрузнев, сказал Пётр, — а твоя беда... Да, но мы никуда не спешим. Можешь ещё пивка заказать. И водочки заодно.

Паша встал и подошёл к стойке.

Вернулся с тремя стопками, девушка сразу вслед за ним принесла три кружки «Августинера».

— Мы, конечно, сами виноваты. Ну, расслабились немного, думали, немцы в городе, кто ж знал, что ты русский... Мы тебя не вычислили, хе-хех...

— Вы тоже были не в косоворотках, — сказал Паша.

— Ну да, — криво улыбнулся Глеб, — но ты же слышал всё.

— Ну и что?

— А то, что... Мы для тебя раньше стали русскими, чем ты для нас.

— Это имеет значение?

— Ещё какое... Ты всё слышал, понимаешь. Всю новую схему потоков мы с Петром при тебе озвучили — так уж получилось, брат. Мы не часто по границам шляемся, вот и зарпортовались, ты уж прости нас, — совсем грустно закончил он и допил пиво, — это наш прокол, фак... Но нам больше ничего теперь не остаётся...

— Как что? И я чёт не понял — за что это я вас должен простить?

— Да так...

— Видишь ли, Паша, — сказал Глеб, — то знание, которое ты случайно получил в метро... как бы это поточнее выразиться...

— Несовместимо с жизнью, — подсказал Пётр. — Метро — это вообще такое место... Вот грипп там можно подхватить, птичий или даже свиной...

— Вы сами-то понимаете, что несёте? — спросил Павел и, сам себе удивляясь, стал оправдываться: — Да не видел я никакой схемы! И не слышал! Я же сто раз вам уже сказал, что я был в тот момент очень далеко, сон мне снился про Толстого...

— Про Толстого? Слышь, вообще-то он и правда с закрытыми глазами сидел, — сказал Глеб, резко повернув голову к товарищу.

— Но не с ушами же, — апатично заметил тот и сделал глоток. — Что, совсем ничего про Гибралтар не слышал?

— Даже про Гольфстрим! Ну что вы, с ума сошли, какие потоки!

— Ну и ладно. Но ты знаешь вообще, где это, Гибралтар, Гольфстрим, а?

— А вы... знаете что, — сказал Паша, — мне это надоело. Я не собираюсь больше перед вами оправдываться. Всё, всё, хватит абсурда. И платить за меня не надо, себя только не забудьте... — С этими словами Паша встал, чтобы пройти к стойке, но Пётр тоже встал и наглово приобнял его за плечи.

— Да идите вы нах!.. — Паша попробовал скинуть руку Петра со своего плеча, но это у него не получилось. Глеб громко поцокал языком, Паша

перевёл взгляд на него и увидел, что тот крутит пальцем у виска. Кому он это показывал, ему или Петру, Паша не понял, но вдруг почувствовал, что в левый бок ему упирается что-то твёрдое. Он не сразу понял, как это может быть, потому что одна рука Петра лежала на его плечах, а другая держала кружку. Но тут он заметил, что кружку рука больше не держит, а вот ему в рёбра и в самом деле упёрлось что-то узкое и твёрдое... *И тут я третьей рукой, лежавшей у пояса... Но не будут же они прямо здесь...* Однако он сел на стул.

Пётр тоже сел, Глеб, ещё два раза цокнув языком, улыбнулся и сказал:

— Стоп, стоп, стоп... И правда: мы что-то зациклились, да, Петь? Шутка больше не катит. Мы хотели тебя разыграть, Пашенька! Ну, чтоб веселей было, да? Знаешь, программа такая была «Розыгрыш», по Первому? Вот мы решили свою серию снять, хе-хех.

— Прости, Паш, придурков, — сказал Пётр, — это у нас от переутомления. Много было всего за последние дни, не спали, весь этот брейнштурминг, или как его... это нервный смех такой теперь у нас, фак... Ну да всё теперь, пошутили и будет. Пистолет игрушечный, брызгалка, детям купил. Всё. Пойдём покурим? Здесь же нельзя? А курить после пива ох как хочется... На улицу выйдем, да? Или в соседний дворик, я видел по дороге, тут славные дворики такие достоевские... Или тебе Ясная Поляна, говоришь, снилась?

— Здесь на кухне можно курить, — сказал Паша, сам не понимая, зачем он это говорит. Видимо, от «придурков» — как они сами себя назвали — исходило какое-то заразное безумие... Недаром он неожиданно для себя забормотал ещё там, в метро, на прощанье (как он думал) стишок про козла и осла, который не вспоминал с детства, ну да, сам же себе и накаркал...

И вот так же он сейчас ляпнул, не думая, про кухню.

Тут же он опомнился: зачем идти с психами в полностью замкнутое пространство?

— Хотя нет, — сказал он, — я забыл, там для своих — «приват».

— Так а чем мы не свои, приват-доцент, — сказал Пётр, — у меня в роду немцы были.

— Да при чём тут, — сказал Паша, — я имею в виду: друзья заведения.

— Ну а ты-то как туда попал?

— Я вам говорил: я был завсегдаем, меня пустили.

— Ну так если тебя пускали, то и нас пустят.

Паша кивнул, подумав, что новая барменша их всё равно не пустит, но она не обратила на них никакого внимания, а тяжёлая железная дверь с надписью «Privat» на поверку оказалась не заперта.

— Это ещё что, блять, — сказал Пётр, оглядываясь.

Всё вокруг теперь было из металла: поверхности шкафов, часть из которых, вероятно,

представляла собой холодильники и морозильные камеры, а часть была просто шкафами, шкафчиками; Пётр открыл один, другой – выдвижные ящики из матового металла, и освещение было не просто тусклым, но из-за многократного отражения от многочисленных матовых граней свет был таким, как будто в кухню напал туман какого-то лимонного цвета...

Хотя на самом деле никакого тумана или вчерашнего дымка... там как раз не было, и даже табачного запаха: вытяжка была мощной, что-то больше похожее на аэродинамическую трубу грозно нависало над газовой плитой, а потом, сужаясь, зигзагами входило прямо в противоположную стену.

– Где мы, пацаны? – сказал Глеб. – В камере хранения? Я имею в виду автоматической, не ручная кладь, а эти, б.., ячейки...

– Смешно... я тоже, когда впервые здесь очутился, так подумал, – сказал Паша.

– Ну так правильно, похоже ведь на камеры.

– А знаете, как я тут впервые оказался? – спросил Паша. – Раньше была другая официантка, Софи. У неё, между прочим, было двадцать четыре татуировки, причём там пятнадцать человеческих лиц, довольно больших...

– Ух ты, – сказал Глеб.

– Между чем, между чем? – недоверчиво спросил Пётр.

Паша улыбнулся: он вдруг почувствовал себя в компании старых друзей, и его понесло:

— Я однажды, — сказал он, — сидел тут, ну, в смысле, в баре, пил пиво, ещё там было в тот момент человека два-три, все мужики. И вдруг она нам из-за стойки: «Кто со мной?» — и помахивает в воздухе здоровенным таким косяком... Те двое, или трое, отказались, а я пошёл с ней и впервые оказался в этом затерянном мире...

— И что, что дальше-то было? — сказал Глеб.

— Дальше как раньше? — сказал Пётр.

— Косяк оказался супер, — уклончиво сказал Паша, — совсем без табака, и такая правильная в нём была зелень, что я...

— Верю, — прервал его Глеб, доставая что-то из пепельницы, — вот смотрите, это ж недокуренный косой... Во дают фрицы... прикурить, хе-хех, совсем разжирили боши, б., косяки в пепельницах оставляют недобитые...

— Да это табак кто-то не докурил, — сказал Пётр, — они нищие, я ж видел, как они самокрутки крутят с махрой, — сигаретки-то дорогие, простым фрицам не по карману, вот и выкручиваются...

— Ты мне будешь говорить? На, смотри!

— А и правда, — удивлённо сказал Пётр, понюхав довольно длинный окурочек без фильтра, — вот так кухня...

Он достал золотистую, а может, и золотую за-жигалку, зажёл свалившийся с неба косяк, затыкнул три раза и протянул Паше.

— О, хорошо, — сказал Глеб, приканчивая пяточку, — вот так и пыхнули, теперь посидим ещё на дорожку... Может, ты ещё официантку позовёшь? Очень хочется посмотреть на татуировки — между прочим...

— Так это же не та, — сказал Паша, — у неё нет тату.

— А ты откуда знаешь? — сказал Пётр. — Ты же говорил, что её видишь впервые? А теперь оказывается, что ты знаешь, что у неё там есть, а чего нет?

— Да он вообще знает больше, чем видит! — засмеялся Глеб.

— А видит больше, чем слышит, — сказал Пётр.

— А слышит больше, чем нужно, — сказал Глеб.

— Вы летите сегодня? — спросил Паша.

— Не-а, это ты сегодня летишь... Ты нам тут не путай тяжёлый дым с лёгким паром.

— Я не понимаю, — покачал головой Паша, — вы что, опять шутки шутить?

— А то! — сказал Глеб.

— Да не, какие шутки, — сказал Пётр, — в каждой шутке есть доля, иногда даже горькая...

— Она же судьба, — сказал Глеб и достал из-за пазухи предмет, похожий одновременно на водяной и на настоящий пистолет — с глушителем...

— Так это не брызгалка? — равнодушно спросил Паша, чувствуя, как дым распространяется по телу... как бы по каналам, которые он видел на схеме в кабинете иглотерапии в своём род-

ном городке, где лечили не только иголками, но прижигали точки какой-то камышовой, что ли, полынью...

— Брызгалка-то брызгалка, — сказал Пётр, — только ты ж не знаешь, чем она брызгает...

— Ну да, воды здесь нет, — сказал Паша, — краны перекрыты... Так что, царской водкой?

— Типа того. Действует мгновенно, б., так что не ссы.

— Да я и не ссу... Хотя на самом деле охота. Ну, спасибо, что предупредили.

— Да не за что, брат, — улыбнулся Глеб и вдруг соорудил гримасу и хлопнул Пашу по плечу, — ты что ж, ещё не привык к нашему казарменному юмору?!

— Привык-то привык, — сказал Паша, — но вы подождите меня минутку, я сейчас. Мне тоже надо брызнуть.

— Чего-о?

— Ну, отлить, неужели непонятно. Я сейчас.

— Э-э, — сонно сказал Пётр, — а он не сбежит? Ух, трава хороша у бошей... Дрова...

«Вот пойдя их разбери, когда они шутят, когда нет?» — думал Паша...

Дверь закрывалась медленно, как будто на гидравлике, — так же было теперь у него и в голове всё устроено, но вокруг — ещё медленнее...

Он медленно подумал было, что если бы они не шутили, то не выпустили, а там бы и замочили... Он обернулся и увидел, что Пётр смотрит

на него — оттуда. А может быть, показалось, освещение и в коридорчике было тусклым, и на кухне... Паша толкнул дверь, вошёл в туалет, подошёл к окну с непрозрачными стёклами, открыл его и увидел толстую решётку.

Это было примерно как во сне...

Он знал, где висят ключи, он видел, как их вешала Софи, целую связку, на гвоздь за дверцей технического шкафчика... Он ещё немного поколебался и решил: «Да, сто́ит. Однозначно: if это шутка, then они не страшны, даже если потом встретимся... Если же они в самом деле бандюки... и эта штука у них стреляет или плюётся... тогда пусть полежат в сейфе, а я уж постараюсь с ними больше не встречаться, забуду дорогу, мало ли в городе кабаков, в этом я уже насиделся».

Ключи были на месте, Паша взял связку и вернулся к железной двери. Она была немного приоткрыта, видимо, кто-то из придурков придерживал, подставив ногу, но с этим Паша справился, резко нажав на дверь рукой, а потом плечом, навалился всем телом, одновременно вставляя ключ в замочную скважину.

Уже после того, как он провернул ключ — для уверенности несколько раз, он услышал стук. Довольно глухой, дверь была — тот ещё бундесбункер... К тому же за спиной Паши зазвучала музыка...

Толстый, низкорослый, квадратный какой-то... сорокалетний, наверно, мальчик в клетча-

той кепке и массивных роговых очках приступил к работе...

Бар был маленький — танцевать особо негде, но диджей, тем не менее, каждый вечер туда исправно приходили и приносили с собой квадратные чёрные чемоданчики или серебристые и честно пахали винил до последнего посетителя... Не очень громко, фоном так... Но стук в толстую дверь... в тупике коридора... в самом баре... благодаря этому фону — не будет слышен...

И диджей, хоть он и стоит ближе к двери, тоже не услышит — он в наушниках...

Переступив некую черту, Паша сравнительно легко решил на следующий шаг: он не стал вешать ключи обратно, а положил их к себе в карман. Думал было отделить тот, что от кухни, прихватить только его, но потом решил, что там могут быть два дубликата, некогда ему их было сверять-прикладывать...

Он вдруг услышал слова той песни, что поставил диджей...

Но надо сказать, что он не слишком-то удивился, потому что, несмотря на молодость, Паша был знаком со «сгущенкой», как он называл эти зоны концентрации совпадений, не понаслышке... Паша знал, что туда — на сгибы «как бы двойного бытия» или складки субстанции... которая в эти моменты — как сон в руку, только наоборот — из руки... Что туда можно попасть где угодно и когда угодно, а тут он ещё и «пых-

нул» предварительно, так что вообще ничего удивительного... не было в том, что диджей поставил эту песню:

Let me sleep all night in your soul kitchen
Warm my mind near your gentle stove
Turn me out and I'll wander baby
Stumblin' in the neon groves*.

Паша только тихонько повторил: “I let you, I let you”, но на другой мотив — «Мишели» Битлов... подошёл к стойке, положил на неё десять евро, помахал рукой в том смысле, что сдачи не надо, и вышел из заведения.

«Их не скоро отопрут, — думал он, на всякий случай всё-таки ускоряя шаг, — и хорошо, пусть посидят — будет время подумать, как шутить, с кем, когда... ну да и разберутся там наконец... с этой своей брызгалкой, а заодно и с кошкой Шрёдингера...»

В голове у него уже заработал «внутренний диджей», не слишком отличавшийся, надо сказать, от внешнего — он там поставил ещё одну песню The Doors... А потом уже Паша достал «внешний» источник, маленький МРЗ, вставил

* Позволь мне остаться на всю ночь на кухне твоей души,
Подогрей моё воображение на своём медленном огне,
А потом выпроводи меня, и я отправлюсь бродить,
Спотыкаясь в неоновых рощах.
(“Soul Kitchen”, The Doors. *Перевод с англ.*)

в уши наушнички, похожие на беруши, и включил альбом под названием «Террариум», который давеча скачал у Ширина. Подбив ногой пустую банку из-под «рэд була», он услышал голос Бутусова: «Гибрал-тар, Лабра-дор, из трубы свисает вор...»

* * *

«Знаешь, что мне это напоминает?»

«Нет, откуда мне знать? Это ты у нас тёртый перец... тебя то зарывали, то закрывали... тебе теперь в каждой *ситуации*, наверно, мерещится... что это уже было».

«Я имею в виду не ситуацию... Да какая там, в пизду, ситуэйшн, Глеб, откроют нас сейчас, курить кто-то пойдёт из этих их “своих” — и отопрут».

«А Пашечку где искать? Ведь не догоним, сука-блядь, он уже дворами, дворами... Вот какая теперь изоляция транзакции...»

«Да хуй с ним. Я уверен, что он на самом деле ничего не слышал... Да и слышал бы, не запомнил».

«Так, а на хуя было тогда всё это?»

«На всякий пожарный, Глебушка, я уверен-то уверен, но и на старушку бывает шняга... Акция устрашения не повредит — да ты же сам так сказал, ты — первый, забыл, что ли?»

«Ну вот тебе, блядь, и транс-сакция... Устрашили, нах. Смешно, да? Замуровал нас лох в лох»

хотроне... Эта труба, смотри, желоб, как для шариков лото, по которому скатываются... Ну только шарики большие... Да, так а что тебе это напоминает, ты говоришь?»

«Да вот это всё – вот и вот... Всё из железа, б., все дверцы, приборы какие-то, компасы, стрелки... Похоже на рубку звездолёта».

«Ой, я не могу... Я думал, карцер тебе это напоминает... Но компас в звездолёте – это круто, Петь».

«Да какой карцер, ты вообще видел...»

«Нет, не видал и не нюхал... Петь, ты чего? Что мы такого нюхали, чтобы в звездолёт попасть? Ой, я не могу...»

«Да из книжки, дурачок... в детстве я такую книжку читал, понял... как они полетели с собачкой Тимошкой, или Тотошкой... я ещё помню: в анабиозе они все были во время полёта, в саркофагах таких...»

«Ой, я не могу... “Чертежник Сеницын, устав на работе, желая скорее уснуть, всегда представлял себя в звездолёте, летящем сквозь Млечный Пу-уть...”»

«А это ещё откуда пурга?»

«Песня на стихи Казакевича, ну банда у нас была в школе, ВИА “Фабрика снов”... Я в конце ещё там такое соло заделывал, закачаешься... И ударник у нас был боец, вот так вот, трам-там...»

«Да оставь ты черпак, ложечник, б... Или лучше в дверь им поколоти, чтоб открыли! Вот так. Ещё! Ещё!»

«Не слышат... Щас передохну и продолжу...
А дурь ничё так...»

«Ну вот, то была фантастика такая научная,
для детей...»

«Ты о чём?»

«О звездолёте, нах. Там рисунков было до
хрена чёрно-белых, и вот точно такая же рубка
была у их звездолёта, понял, да?»

«Я всё понял, Петя, я всё понял...»

«Хватит ржать».

«А если серьёзно, Петь, то у меня совсем дру-
гие ассоциации».

«Какие другие?»

«Холодильники в трупарне... Вот такие вот
там камеры хранения...»

«Да пошёл ты...»

«Ага. Но мы вместе... Причём сам знаешь
в каком».

«Не п...ди... Сейчас откроют. Эй вы, боши,
гребаные фашисты, открывайте, нах..! Ахтунг,
ахтунг! Русише танки!»

«Неужели не слышат?»

«Хэ зэ. Может, он с ними в сговоре? Настучал
Пашечка, там, мол, русский мафия сидит, поли-
цию зовите, улов будет ого-го...»

«Нет, я не думаю. Он же нелегал, да? Ну и на
хрен ему полиция эта сдалась, если так поду-
мать».

«Хэ зэ! Но вот что... волыну надо бы скинуть
на всякий случай... если нас отопрут и впрямь
менты».

«Но куда, б... Просто в ящик положить?»

«О, стучат! Ну, ну, ну?!»

«Похоже, они тоже не могут открыть. Павлик ключик с собой прихватил... Хорошо, что машина у Гофмана только завтра... Ну, открывайте, вы! Вшивые боши!»

«Молчи, а то точно не откроют».

«Да там... не слышно ничего... Смотри, замолчали... Ну точно клоун ключ унёс!»

«Но теперь они вызовут, наверно, слесаря или типа того... они же так это не оставят, Европа всё-таки...»

«У тебя, б..., преклонение перед иностранщиной... Хули им открывать, если кухня не работает, могут и не торопиться... Слушай, а чё, если его в дымоход заложить?»

«Это вытяжка».

«Один х..., вытяжка, оттяжка... Надо туда залезть... Смотри, какая толстая труба, ты пролезешь вот досюда, да?»

«А дальше?»

«А что дальше? Ствол там оставишь — и обратно. Туда они точно не попрутся».

«А может, и дальше удастся — наружу с концами...»

«Нет, ты что, здесь же узко совсем... ты чего?»

«Смотри, забеспокоился, хе-хех... А чего мне тогда лезть, когда неизвестно, что там вообще, может быть, это то самое... что в песне нам пелось... “Не думал о премиях и хозрасчете, взвалив одеяло на грудь... Но как-то проснулся он

в звездолёте, летящем сквозь Млечный Путь! И с ужасом понял, что бездною жуткой несется в железной трубе... Эх, парень, мечтания — это не шутка, счастливой дороги тебе-е-е!..»

«Ты чё, совсем?!»

«И тут я соло такое фью-ю-у-у...»

«Ну ты даёшь... Кто из нас обкурился, бл...»

«Да не, ну копоть там всякая, я же тебе не трубочист, нах... Может, лучше ты полезешь? Ты ж толкнул рацуху. А, чертёжник Синицын?»

«Сам ты, б.., чертила! Не, ну ты посмотри на него! А потом на меня! Я не пролезу, б..! А так он выпадает, вот, смотри, видишь? Опа — выпал опять...»

«Опа-опа, срослась езда и жопа... Так, может, он и оттуда выпадет».

«Ни хрена. Секи, здесь наклон уже в другую сторону, вот на этом промежутке, угол отрицательный...»

«А ты силён в начерталке, Петь, хоть и не учился... Но что же ты, самородок, в мировой проход меня загоняешь...»

«Ну не в канализацию же».

«Спасибо! Но в кишку...»

«Но не в прямую же... Давай-давай... а то сейчас как откроет... полицей... А у меня нервы не того... пальну в замкнутом пространстве, рикошет...»

«Слушай: “Пустили пулю в чёрное окно, метаться там ей долго суждено... И скачет пуля от стены к стене... И вместе с нею прыгать надо мне...”»

«Это тоже из вашего репертуара?»

«Ну да, наш вклад в русский рок... Зачем ты вообще его взял с собой?»

«Кого? А, ну попросили пацаны передать Гофману, ты же знаешь, что мы от них тут зависим. Лезь давай!»

«Не командуй тут, б... Смотри, пожалеешь, если я наружу выскочу, а ты останешься в заточении. Будешь кричать: “Василий Иванович, блядь, таз не проходит, б..!” Хе-хех».

«Не п...ди».

«Сигареты у тебя хоть остались?»

«Есть ещё, но дам, когда ты наконец слазишь... Я не шучу, они могут войти в любой момент, и п...ц».

«Ты, по-моему, на измену сел с этой полицией, чего они сюда вдруг попрутся... Ну ладно. Да подожди, не толкай меня, хоть костюм сниму на всякий пожарный, если там копать, б...»

«Ты представляешь, что они подумают, если сейчас войдут?»

«И смешно, и смешно, б..., ему... смешно-о-о-о, да-а-а... А ты не дай им войти, ногу подставь к двери, навались массой... А если они войдут, когда я в трубе буду, тогда что?»

«Нормально, они тебя не увидят, пересидишь. Вылезешь, когда мы выйдем, подождёшь ещё, а потом спокойно догонишь меня...»

«Ладно, я пошёл. Чтоб только ты не нудил... Э-хе-хех... И с ужасом понял, что бездною жуткой летит он в бездонной трубе...»

«А всё лучше, чем твой холодильник в морге, Глебушка... Давай-давай, пошевеливайся там...»

Паша *слышал* эти диалоги не слишком часто, и он бы не стал просить Ширина, чтобы тот сходил в бар, где он полгода назад их оставил... если бы они не стали мерещиться уже визуально посреди бела дня, где они рисовались быстро, но чётко, в отличие от их появлений в снах, которые он помнил смутно, или — голосами — в межеумочном мороке, который, случалось, наползал на Пашу и на рабочем месте...

Ну да, примерно через месяц после того, первого интервью Паша устроился-таки «чёрным программистом», но только не в ту фирму, куда его сватал Ширин посредством своей соседки...

По случайной «наводке» Паша позвонил в другую контору, назначили встречу, был похожий на предыдущий «форштеллунгзгешпрех», и так же Паше сказали, что дадут ответ в течение недели, всё было так, да не так: ответ на этот раз был положительным.

“Yes!” — сказал Паша, повесив трубку, и сделал соответствующий жест, а потом ещё и подпрыгнул в воздухе...

Так вот: два призрака показались на поверхности примерно через месяц. Паша плавал после трудового дня в бассейне с металлическими стенами и дном — что, возможно, и вызвало видение,

так он сам себе сказал (ну, чем-то похоже было на кухню, где он оставил пацанов, только выросшую и наполовину уже затопленную...). Но в тот момент, когда он вынырнул из воды у одного из бортиков и решил немного отдохнуть, снял водные очки — и в этот момент увидел, как из жерла трубы (напоминавшей непропорциональную размерам кухни вытяжку, нависавшую там над газовой плитой) выпал большой и явно взрослый человек, что сразу привлекло Пашино внимание: он думал, что там катаются только дети...

Паша был в этом бассейне впервые и не заметил ещё, что там это делают и взрослые, и наоборот, слишком маленьких детей туда не пускают: горка была огромной, её блестящие чёрные зигзаги находились за пределами здания, а потом уже на выходе кишка возвращалась, проходя сквозь стену, в зал и выплёвывала очередного человечка в маленький бассейн, или скорее ванночку; Паша чуть позже всё это рассмотрел внимательнее и даже сам проехал сквозь.

Он видел, мчась по чёрной спирали, что там на отдельных участках сверху как бы рассыпаны звёздочки... и больше ничего, то есть никаких препятствий в виде человеческих тел он там не встретил, — после чего выпал в мелкую ёмкость, встал, фыркая, и сказал: «Померещилось».

Забавно было, что в начале чёрной трубы — или «дыры» (аттракцион называл себя на табличке «чёрной дырой») — было предупрежде-

ние: «Если у вас бывают головокружения или неустойчивые состояния психики...»

Паша подумал, что вот что-что, а крыша у него — ого-го-го.

Но тут же вспомнил нечто, что не столько колебало его уверенность, сколько вызвало череду флешбэков (потянувшуюся, кстати сказать, далеко за пределы этого дня): он явственно вспомнил Котова — известного человека в их городке, это был своего рода «центр циклона»... Во всяком случае, центр всевозможных сходов, бесконечных растаманских посиделок...

Котов был похож на индейца, переодевшегося цыганом, а иногда — наоборот...

При этом Котов был тем, кого называли «человеком бывалым», ну то есть он бывал и в местах отдалённых, причём никто так и не узнал, за что, почему, так же как никто так и не вспомнил, как и когда Котов залетел в их городок и так там и остался, без паспорта, без постоянного места жительства, хотя бездомным Котов не был ни одного дня: всегда находилось «женское сердце с жилплощадью», как однажды он выразился, и он на год, на полгода, а иногда всего на месяц — менял адрес, и сразу же туда пролегала новая «народная тропа», без всяких там звонков и эсэмэсок, да у него и мобильного никогда не было, не только паспорта... Котов только и успевал наливать да забивать... и не успевал закусывать, а отказать не мог, он считал, что всем «путникам» у него долж-

но быть место, дверь его всегда была открыта, да к этому он и баб своих моментально приучал... Так что когда он и в самом деле умер так называемой своей смертью, все почувствовали, что эта смерть только так называется — «своя»...

Но ещё до этого: когда однажды Паша зашёл к Котову на очередную его квартиру, точнее, его очередной хозяйки-любовницы, и Котов со смущённым видом и с порога объявил что у него, у Котова, давеча ехала крыша.

«Что угодно может у меня отказать, — сказал Котов, — так я думал всегда, то есть ноги, лёгкие, ливер... Но крыша, крыша-то у меня — железная! И тут вдруг вот такое...»

Случилось, что Котову стали мерещиться люди... Он хорошо слышал их голоса, они шли его валить, он это своими ушами слышал, их было несколько, человек шесть, и они сговаривались, стоя под окном: «Ты пойдёшь направо, ты отвлечёшь... а потом ты...» — и Котов в конце концов не выдержал.

Он позвонил Вите Семёнову — своему самому близкому и в то же время самому влиятельному приятелю (достаточно сказать, что Семёнов в тот момент был без пяти минут мэра, это уж потом минуты превратились в вечность, в которую ушёл Семёнов) — и рассказал, что его тут собрались убивать...

Ну да, идут валить его на хер, какие-то люди обложили дом, собираются дверь выбивать...

И Семёнов не сказал что-нибудь вроде «приспись-проспись», а приехал — ночью, или даже под утро. («Вот — человек!» — уважительно говорили потом немногочисленные знавшие эту историю члены тусовки...)

Приехал с большим чёрным пистолетом или даже автоматом защищать Котова, который всегда — не только во время эпизода (который Паша не видел своими глазами, но после рассказа Котова — несколько более подробного, чем мы здесь привели, — как бы и увидел воочию) — казался Паше, при всей его, котовской, бывалости... как бы сказать... таким неотмирным, что ли... что, когда Котов умер, Паша невольно подумал: «Зачем? Зачем *ещё* умирать? Зачем он это сделал, если он и так был... как тот кадр... полувосхваченный, как вот именно дух, серо-белый призрак в цветных фильмах...»

И когда он это говорил кому-то из общих знакомых, все соглашались: всем казалось, что он был бессмертный, Котов... А Котову казалось, что у него по крайней мере «железная крыша»...

В общем, всем что-то кажется, неудивительно, что и Паше что-то такое теперь слышалось-мерещилось, клоуны Петрушка и Глебушка...

«Да и вот теперь, когда и Котова, и Семёнова... на самом деле уже нет, — думал Паша, — странно это вспоминать... как один ехал спасать другого... от шести, что ли, злодеев, которых... на самом деле уже тогда не было».

При этом Паша плыл под водой, глядя на свою тень, скользившую по металлическому дну...

Светло-серый металл напоминал кухню, где он запер двух живых людей, и, скорее всего, именно поэтому ему и померещилось, что один из них здесь вынырнул... или не вынырнул — выпал из трубы, за ним второй... И Паша не стал долго думать, а просто быстро присел под воду, развернулся и долго плыл — свой личный рекорд пребывания под водой... А когда вынырнул, в голове наступила как бы такая ясность, как после короткого замыкания, запахло вдруг не хлором, а озоном... он сказал себе, что это вряд ли те двое, но пошёл всё-таки к водяной горке и убедился «на собственной шкуре», проехав горку насквозь, что там на самом деле никого...

Да-да, он прошлёпал по ступенькам, по винтовой лестнице, на самый верх, где был вход в трубу — «чёрную дыру», перед которым висела табличка с предупреждением и как бы такой светофор там был, но Паша не стал дожидаться зелёного света, поехал на красный — ему казалось, что эти двое, или кто-то из них... спрятались там, в глубине трубы, но не то чтоб так сильно казалось... Может быть, это он уже так про себя *шутит*, над собой, ну да, стоя на площадочке с перилами, у входа в дыру, почти под куполом бассейна, но всё же, пролетев по зигзагообразной тьме и не обнаружив там никаких препятствий в виде человеческих тел, он вздохнул облег-

чѐнно, и потом в дѹше, увидев на спине какого-то парня странную татуировку: огромная голова быка с острыми рогами — на всю спину, а над ней надпись: “Made in Russia”, и ещё чуть выше, уже на загровке, — как бы полоска штрих-кода... Паша сразу понял: это не тот, — ещё до того, как услышал, что «штрих» с приятелем бубнят на немецком.

Просто субстанция тоже как бы подшучивала теперь над ним — Паша это сразу просѐк и подмигнул, стоя под душем, но не «штриху», а кому-то невидимому — он стоял лицом к кафельной стенке и не боялся, что эти двое, скажем, его неправильно поймут... «Да, судя по всему, они были и не гомики, скорее стриптизѐры в каком-то клубе для женщин, — так он тогда ещё подумал, — что, во всяком случае, даже если это русские (что тоже вряд ли — какого рожна тогда говорить меж собой на немецком?), то не те русские, которых он запер на «кухне души» — под соответствующую музыку.

Те вынырнули ещё раз на парти, куда его пригласили коллеги, но опять же, чего бы тем делать на немецком сабантуе, не говоря о том, что они были в Мюнхене транзитом и тогда же собирались ехать дальше.

Но тем не менее в какой-то момент они снова «совершили промельк», в тех же костюмах, с тем же айпадом, а нырять Паше при этом было уже некуда, дело было не в бассейне, и Паша

решил, что бережёного бог бережёт, и незаметно, не попрощавшись, он сбежал с вечеринки.

Оказавшись на улице, он хотел поймать такси, но увидел недалеко от подъезда лифт, который даже не пришлось вызывать — тот уже стоял наверху с открытой дверью...

Вообще-то Паша избегал такие лифты: нередко там воняло, как в общественном туалете, если не похлеще, и так же всё было из матового металла... Но сейчас он вошёл туда и — поневоле вспомнил о кухне-ловушке, не сумевшей остановить периодически догонявших его человечков, прошлое... И этот металл был теперь повсюду, как в бассейне, то ли сталь, то ли дюраль, вроде бы экранирующий, обволакивающий всё пространство — и под водой, и под землёй... Лифт не шёл до перрона подземки, только до промежуточного уровня, где были переходы с ветки на ветку и стояли компостеры. Паша, пробив «штрайфены» (засовывая край голубой бумажной «гармошки» в щель компостера, он вспомнил шпаргалку с «Образом Безухова», и вся эта схема списывания промелькнула у него в голове и наложилась на схему метро, которую он после этого разглядывал с минуту, намечая маршрут и ощущая в то же время какой-то смутный смысл в образе бесконечной машины, запускаемой бумажной полоской), и вот он уже ехал на эскалаторе, борта которого поблёскивали тем же самым металлом, играли мелкими волнами, оптически дребезжали

полосками, отражая ступени транспортёра, и Паша плавно вплывал в металлическое марево, вспоминая слова речитатива, который крутил недавно Ширин: «Ветер море подметал, как будто море есть металл...» — под звук какой-то... что ли, шарманки... Ну да, «кухня души» вывернулась наизнанку, и её так разворотило, что развёртка казалась Паше бесконечной... А когда кажется, надо креститься — что он и делал теперь, стоя у входа — или выхода — из дурной бесконечности, на перроне, мелко так, незаметно, два или три раза, после чего нажал на железную ручку, дверь отъехала, и он вошёл в вагон подъехавшей электрички.

В вагоне было не так уж и душно, ну чуть-чуть душновато, он скорее вспомнил эти приступы клаустрофобии на грани с удушьем, которые бывали у него пару раз после каких-то примесей (тут ведь тоже он не исключал, что в косяке, лежавшем в пепельнице, была и какая-то химия, DMT, например, или что-то в таком роде) ещё в родном городке, один раз в компании как Котова, так и Семёнова... И подумал, что двое — на кухне — могли задохнуться...

Он решил, что надо будет обязательно уговорить Ширину зайти в бар «Без Названия» и что-то разузнать о судьбе двух дураков...

В сущности, это были измены, конечно, у него, у Паши, после чего никакого такого удушья не наступало, нет, и стены не сужались, и *не раз-*

давливало его, как персонажа древнего хоррора — потолок... Он это понимал, да, что это просто его проекции, экстраполяция его N-ских страхов, и тем не менее эти периодические перебранки, которые он слышал, — опять же, понимая, что это точно звуковые галлюцинации, говорящие человечки, что его плющит, но при этом плющ прорастает сквозь чей-то сон этими железными листьями... или листовым железом... хотя он уже видел где-то и пальмы с железными листьями, когда гулял в перерыве в округе своего офиса... «Но не убудет от Ширина, если он зайдёт и разведает, как там, что там, было, не было... а мне бы легче стало на душе... как-то так...» — думал Паша, когда услышал «Здравствуйте, молодой человек!» из уст не самого Ширина, но всё-таки его соседки... «Так что тоже своего рода *субстанция*», — подумал он и сказал:

— Здравствуйте. По-моему, мы с вами были на ты.

— Ну, это же было на правах социалистического общежития, — сказала она и рассмеялась каким-то другим... то есть не тем противным «мадам-брошкинским» смехом, который он не переносил, когда жил у Шириных.

Да, надо бы уже сказать, что Паша, найдя работу, вскоре нашёл и квартиру, в которой он и обитал теперь — уже несколько последних месяцев, но подробнее о его квартире поговорим, наверно, в следующей главе...

— Социалистического общежития? — машинально переспросил он, отметив про себя, что Кома вообще какая-то другая...

Слишком какая-то лучающаяся, помолодевшая... И не то что даже «скинула годков с десятков», как говорят в таких случаях, «баба ягодка опять» и всё такое... нет, Кома, больше того, как будто совсем ускользнула от времени, и эта её новая улыбка, и это что-то светлое, то ли нимб, то ли капюшон, накидка прозрачная, ну да, вокруг головы, вокруг плеч, которой на самом-то деле и нет, конечно, но надо бы пощупать, чтобы убедиться...

Так или иначе, но Пашу вдруг потянуло... так сильно, как будто вокруг Комы образовалась область низкого давления... как будто, став «женщиной без возраста», сделав свой тайный прыжок *out of time*, Кома одновременно сделалась неподвластной пространству, которое особенно действовало Паше в тот день на нервы своим метаматематическим блеском...

Разговор в метро был, насколько он потом помнил, ни о чём, или нет... О самом метро, ну да, хотя на самом деле уже было не важно, что говорить... Ну, Кома несла там, кажется, какую-то чушь о камерах наблюдения, и в первый момент ему показалось, что это — на всякий случай, как бы предупреждая его и предохраняя себя — от каких-то диких его поступков, слишком уж отморозенный вид у него был, наверное, в тот момент, когда его окликнула эта ухожен-

ная дамочка, как бы разные миры соприкоснулись в тот момент... но сразу же он понял, что это только его мнительность, а на самом деле она просто всё это слышала в новостях культуры и вот пересказывает, как некая художница сделала видео для биеннале, получила доступ к материалам камер наблюдения, оказалось, что они сняли её путь, через весь Нью-Йорк или там Лондон... подробности Паша не помнил, включая и пересадки, то есть снято было *абсолютно всё*... «И что?» — «А то, что мы все на самом деле уже давно играем в кино! — сказала Кома. — Но не все это знают»... Ну да, открытие... Но в самом деле было уже не важно, о чём говорить, когда они шли от остановки, они вообще молчали, и если их и продолжали снимать камеры наблюдения, то при просмотре впечатление было бы ложным, выглядело бы это так, будто Кома тащила мальчика к себе домой на цепи, а на самом деле у него была такая упрямая эрекция, что неудобно было идти, вот он и отставал от неё то и дело...

А за порогом её квартиры, *как с цепи сорвавшись*, набросился на неё... так, что в первый момент на самом деле немного испугал эту выдавшую виды женщину... Ну и как бы там ни было снаружи, но в домах камеры наблюдения... пока, во всяком случае — в частных домах, всё-таки отсутствовали.

Потом, когда они перешли из холла (где у Комы стоял мягкий уголок, и так не слишком-то

удобный, к тому же разделившийся, как бы в пику хозяйскому *соитию*, на две разъехавшиеся половины) в спальню, он подумал, что давно так не трахался, а может быть, и вообще никогда...

Нет, меньше всего ему хотелось в данный момент перебирать в памяти «старые акты», но ощущение было именно такое... что все предыдущие телодвижения... в ночных подъездах, на скамейках детских садов, в пустых — до прихода родителей — квартирах, на забытых фазендах... были не то чтобы ложными, нет — они были по-своему прекрасны, конечно, но... никогда не доставляли ему такого... чисто животного, что ли, кайфа, или вот ещё было такое словосочетание, забытое: «плотская любовь»... Ну вот, да, они все были какие-то не такие плотные в тактильном смысле... как будто, вращая пальцем диск зелёного родительского телефона, он на деле вращал калейдоскоп... но тут надо бы объяснить, потому что образ пришёл Паше в голову давно, в тот момент, когда он ещё думал, какой номер набрать, а уже крутился диск, как бы сам собой, раздавалось тихое жужжание, и заодно с диском вращались в Пашиной голове другие цифры и соответственно «личики» — как стёклышки в калейдоскопе, — пока не складывались в одно... а если по этому номеру — лица — ещё и удавалось дозвониться и ответом было «ДА» в этот день... всё равно лицо оставалось — и при встрече — каким-то... не совсем *сложив-*

шимся, что ли, немного бестелесным... впрочем, как и всё остальное... но правды нет и ниже... каким-то слегка эфемерным, ну да... потому, наверно, отчётливее всего в памяти Паши и запечатлелось не одно из нескольких десятков личиков... а диск телефона, заедавший немного на некоторых цифрах... кажется, на тройке... впрочем, Паша в этом уже был не уверен, и тут же он подумал, что память устроена не совсем так, как он сейчас представляет её... На самом деле память зависит от многих параметров, в том числе — от момента запроса... Ну да, «держишься за здесь и теперь, сквозь которые будущее погружается в прошлое...» и там ещё что-то про ягодицы, кстати... как она сейчас кричала: «Держи крепче!» — и он сжимал их... понятно, что сразу после одного акта совсем не хочется вспоминать другие, точнее, они просто *не вспоминаются*, а так... не такие уж они и эфемерно-бестелесные были, лица... и не безличные — тела... Особенно то, что было в крапинку... Ксения... сама же заразив его ветрянкой... сосредоточенно ставила на нём эти точки — повсюду, в том числе и на члене, который она так смешно переваливала из стороны в сторону... а потом он потребовал, чтобы она и ему дала себя «дорисовать», и хотя у неё — и так уже всей пятнистой — это не нужно было делать, всё зажило — пятнышки были бледно-зелёными, размытыми, и Ксения была как рисунок акварелью... но согласилась,

и вот это он запомнил навсегда: кисточка-спичка, что-то белое и худое, руки как спички, и ноги, как руки... и эти зелёные точки, переходящие с тела на тело в калейдоскопе, вращающемся вместе с телефонным диском...

Ну вот как-то так там это всё и крутилось, приводные колёса энтелехии, зелёнка, ветрянка...

— О чём ты думаешь? — спросила Кома, тихонько погладив его по щеке.

— О старом родительском телефоне... Ну, помнишь, такие, с вращающимся диском...

— Почему вдруг?

— Откуда мне знать? Это ж как ветер — крутит флюгер в голове без царя... Да, вот вспомнил старый анекдот, слушай... «Это 33333?» — «Да, а вам кого?» — «Скорую вызовите пожалуйста, у меня палец в дырке застрял!»

— Смешно. Если не задумываться о фрейдистском толковании...

— А зачем? Это же вчерашний день теперь... Скажи лучше, зачем тебе два телевизора в гостиной? Да ещё таких больших...

— Ага, началось! «А зачем тебе бабушка...»

— Да ладно тебе, тоже мне бабушка, — Паша рассмеялся ясным смехом, и Кома тоже улыбнулась — вполне беспечно...

— Глупенький, — сказала она и прислонила к нему голову, — глупенький замечательный мальчик... А у меня вообще всё в двойном числе. Даже попа. Не веришь?

— Ха-ха-ха, — сказал Паша, — ты врёшь, она у тебя одна, просто две части... как у твоего мягкого уголка в передней...

— Тсс... Нет-нет, — Кома приподнялась на локте, взяла его руку и положила к себе на грудь, — вот она, моя вторая передняя...

Она легла на спину, Паша сел на неё сверху, подвинулся повыше, упираясь ногами в кровать... Кома сдвинула руками свои крупные груди, и он, пободав их, подумал, что она хочет, чтобы он там и остался, между ними, и он был не прочь, потому что там тоже у неё всё было... достаточно *плотно*, но она вдруг их резко раздвинула — как раздвигают ноги...

— По правде говоря, про вторую попу я прочла недавно, — сказала она, — в одном модном романе, там это один из лейтмотивов... но там была одна ошибка.

— Ну и романы же ты читаешь...

— Ну да, любовные романы, что ты хочешь от старой тётки? Впрочем, этот был не совсем мусорный...

— Что же тогда было в других? И какая же в этом могла быть ошибка? — засмеялся Паша. — При таких глубоких прозрениях!

— Там говорилось, что вторая женская попа ведёт в никуда, что она, как там было сказано, «самореферентна»... А это неправда.

Паша вдруг понял, что так он сейчас не хочет... что она же своими устами или, точнее, словами

прежде, чем устами, — что она делала, кстати, как раз не так *плотно*, как ему сейчас хотелось... и до этого пробудила словами другое желание...

И так это всё продолжалось, с бормотанием: «...Ты волшебный... с тобой можно этим заниматься всё время, да? Да, мой мальчик? Круглые сутки, да?..» — приговаривала она, пока не спохватилась: «Давай спать, завтра на работу... И потом... нельзя же тебя всего съесть сразу, мой мальчик...»

Но посреди ночи он проснулся от такого сильного столбняка, что решил овладеть спящей, то есть он нагло разбудил Кому и, коротко спросив согласия, как бы «для порядку», и даже не дождавшись ответа — «молчание знак согласия», снова проник в её «закрома»... При этом он подумал, что наверняка этот акт начался во сне — с кем, теперь уже неизвестно, но вот же — хорошо иметь рядом с собой такую тётку... чтобы так вот закончить начатый во сне акт, для этого, может быть, стоит даже когда-нибудь жениться, наверно, только для этого люди как раз и женятся...

Да, всё более резко двигаясь в Коме, Паша, прежде чем перестать думать совсем, невольно вспомнил, как ему когда-то не дала одна... звезда района, но... так раззадорила при этом, что он... со стоящим органом... добрался до квартиры другой знакомой — пересёк при этом весь микрорайон по диагонали... и вот что за странное чувство было у него тогда, когда он кончил... *в другой вер-*

шине квадрата — это уже была не ветрянка какая-нибудь, а чуть ли не начало дезинтеграции...

Сейчас же всё было настолько уютно, удобно — начал с одной во сне, кончил с другой наяву, но на том же самом месте...

«Это и есть гармония», — то ли подумал, то ли прошептал Паша и вышел из неё, после чего Кома сказала: «А поговорить?» — от чего Паша рассмеялся, чувствуя себя при этом уже совершенно счастливым человеком.

— Чего смеёшься, — произнесла она тем же делано ворчливым и немного хрипловатым спрoнья голоском.

— Ну, ты смешно сказала.

— А. Опять изнасиловали... Везёт Марье Иванне... Нет, но правда... Я забыла тебя спросить — я хотела ещё по дороге, потом решила, что лучше дома, налью тебе чайку или чего покрепче и спрошу... но ты мне не дал, — Кома зажгла торшер и даже нашарила, не глядя, на тумбочке свои очки. — Что случилось, Паша? В метро, когда я тебя встретила, на тебе лица не было.

— Да ну, лицо... это такое дело, — сказал он, — десятое. Да ничего. Это просто внутреннее было, как бы сказать... — Он замолчал, подумал и сказал: — Слушай, ты же на самом деле хочешь спать дальше. Спи, а? Ну всё, спросила, я оценил. А то как начну отвечать, ты не рада будешь — такая покатится телега...

— Скажи-скажи, — потребовала она.

И действительно вскоре снова заснула, и часть слов Паша проговорил в пустоту, но что-то она вроде успела услышать и даже как будто понять... где-то там — посреди сцены, в которой его старшие друзья заспорили с винтовками в руках, стоя у камина, о том, как поступить с каким-то новым для их городка рэкетом... а потом как-то плавно их спор перешёл от феномена отморозков к разговору о главном, философскому, по сути, разговору, очень эмоциональному, с толканием друг друга в грудь — да так, что один при этом чуть не залетел в камин, искры... Кома устало сказала, послушав немного:

— Мне кажется, мой мальчик цитирует Фёдора Михалыча Достоевского... что мило, конечно, для разговоров в постели... вот только не могу вспомнить, откуда это именно, я не так что вот прям «среди ночи меня разбуди»...

— Да нет, — сказал он, — скорее Шекспира... Потому что ключевая во всём этом — фраза, которую как-то сказал мне Котов и которая до сих пор меня догоняет *ab und zu**... Из-за неё я всё это и вспомнил, прости...

— Ничего, только не мешай языки, — заметила она, — я сама иногда... но это дурной тон...

— Прости, я знаю, просто иногда трудно удержаться, так смешно звучит и в то же время... это пройдёт, я же только учусь...

— Но ты отвлётся...

* Урывками, порой (нем.).

— Очень трудно быть, — говорил Котов, — если узнал, что можно не быть.

— Да уж...

— Как ты думаешь, а мы вообще-то... А может, нас и вправду... просто нет, а, Кома? Нет, и всё?

— Это, — сказала она, — неправда. Мы есть. Мы есть, Паша. Мы. Есть. Мы есть... — повторяла она всё тише и тише...

Потом он долго лежал без сна и думал о том, как сюда попал, вспоминал запёртую кухню и такой же металлический бассейн... и все эти свои... «метания между наковальней и будуаром»... ну да, барыньки... и до этого — очертания собственной тени, скользящей по серому дну... и трёх «предсказательниц» в розовых шапочках, которых недавно видел в круглом пуле, где были джакузи и голубой водоворот, касательными к которому лежали три спящие, совершенно неподвижные, с закрытыми глазами, девицы... и он, сколько ни порывался, так и не решился ни с одной заговорить...

Он такое видел только в кино “Minority Report”*, три оракула женского пола лежали там в солёной воде, а здесь был хлор, остальное же точь-в-точь: освещение, голубой пул, расположение тел... И что-то ещё мелькнуло у него в голове в тот момент — когда он это вспоминал, лёжа рядом с Комой, перебирая в памяти события фильма, эти встречные потоки времени,

* В российском прокате «Особое мнение», режиссёр Стивен Спилберг, 2002 год.

предотвращение преступлений и «отказ от памяти в пользу жертв катастрофы» и т. д. и т. п. Всё это позже нахлынет на Пашу и, можно сказать, захлестнёт не по-детски, вот тогда мы и будем пытаться по крайней мере пересказать... А здесь, в квартире Комы, поскольку он всё равно не спал, то мысли о фильме повлекли за собой желание посмотреть что-нибудь глазами — он вспомнил о больших экранах в гостиной, стоящих напротив друг друга, как огромные пластины: Анод и Катод... Адам и Кадмон... и вдруг сполз с кровати и пошёл туда, взял с журнального столика пульт и сделал такое движение, как будто забрасывает удочку — сначала в один тёмный омут, потом в другой...

Оба засветились, но из одного Паше ничего не удалось выловить, кроме помех, и он его погасил, а в другом, немного полистав каналы, он услышал русскую речь.

Хотя Кома говорила ему, что русского ТВ у неё нет... Но это был немецкий канал, показывавший в тот момент фильм о Гагарине... Впрочем, не только о Гагарине, вообще, как оказалось, о «русском космизме» — Паша понимал немецкий перевод наполовину, но русский язык, на котором говорили собеседники автора, то и дело прорывался, перевод не заглушал их полностью... И это был очень странный — для Паши по крайней мере — текст и вообще фильм, где, скажем, после разговора с космонавтом Леоновым или с дочерью конструктора Королёва шёл совершенней-

ший сюр... при этом документальный — как бы из серии «нарочно не придумаешь»...

Вот автор фильма, постучав в высоченные железные ворота (фильм так и назывался: “Knocking on the Heaven’s door”), проник со своей камерой во дворик, где царит обычная для частного сектора разруха... посреди которой пасутся куры и какая-то чёрная то ли овечка, то ли дворняжка, и вообще... всё похоже то ли на стройку, то ли свалку... и посреди всего этого до боли знакомого хаоса-отечества... молодой человек в чёрном деловом костюме и с чёрным наушничком, называющий себя «трансгуманистом», ходит и на неплохом (в первый момент Паше показалось, что и вовсе родном) английском рассказывает о своём странном «хозяйстве»...

«Что, и вот прямо здесь у вас лежат мозги?» — спрашивает его документалист...

Парень приоткрывает толстую крышку чана и говорит: «Да, и головы, и отдельно мозги здесь, всё это наши пациенты...» — «Вы что, называете их пациентами?» — «Да, мы не сомневаемся, что в будущем технологии позволят...»

Разруха в головах, головы в разрухе... И что-то ещё он там нёс о «загрузке сознания в компьютер», про сетевого человека, и всё это было бы ещё не так странно... если бы, говоря это, парень не продолжал ходить по двору и, сгоняя кур, открывать другие крышки, из-под которых сразу же начинал клубиться дымок хладагента... И потом снова шли сюжеты, связанные с космо-

навтикой, наукой и техникой, пока вдруг автор не вспоминал о другом измерении фильма и спешил на встречу с членами «Федоровского общества», сонный Паша даже не заметил, как член общества или даже его председатель провёл документалиста в металлическую комнату, которую он назвал при этом «зеркалом Козырева»...

Дядечка с бердяевской бородкой сказал, что комната служит для контактов с космическим сознанием... Паша уже проваливался в сон и так и не смог врубиться, в чём там была суть, почему, экранируя кусок пространства, получали «контактную комнату» — где документалист провёл полчаса, причащаясь откровениям Мировага Духа... Но Паша ясно запомнил, что комната была вся алюминиевая: и стены, и потолок... А потом стали показывать рисунки, которые делали тамошние тётки после пребывания в этой комнате, и Паша погасил экран... Оба сюжета как бы возвращали его к тому, от чего он только что, казалось, сбежал, и его, казалось бы, не пристрелили при попытке к бегству...

Он вспомнил свою квартиру, не просто всё ещё никак не обставленную, но в которой вообще ничего пока не было, кроме кухни, оставленной предыдущим жильцом. Вспомнил первые дни, когда он ещё даже не пользовался холодильником или, точнее, он своеобразно им пользовался... то есть ел он вне дома, как-то так получалось, кроме того, ему хотелось, чтобы холодильник постоял открытым, ну чтобы выветрился оттуда дух преды-

дущего хозяина, точнее, его еды, ну да, мы есть то, что мы едим... Но Паша сам при этом частично залезал в холодильник — он помещал туда ноги просто потому, что их больше некуда было деть, когда он писал на холодильнике письма или просто шарил по сети... Никакой другой поверхности, возвышавшейся над плиттусом, в доме не было — спал Паша на полу, на матрасе... А холодильник был маленький, в половину человеческого роста, — вот Паша и использовал его в первые дни как письменный стол... Удобнее при этом было ставить в него ноги, иначе колени упирались в стенку холодильника, и было неудобно, — и вот так, с ногами внутри (проволочные полочки он, конечно, перед этим оттуда вынул), он и сидел в первые дни перед сном...

В общем, понятно, что этот непонятный док-фильм, и этот трансгуманист районного масштаба, и эти тела, и эти головы, эти мозги в бочках... вызвали в Паше довольно своеобразное ощущение... Ему как бы показалось — ну, на какую-то миллисекунду... но потом ещё на одну-две-три... что он там и лежит, у себя на родине, в чьём-то частном секторе, ну или его мозг, что тоже не слабо, согласитесь... А его «аватар», так сказать, смотрит на это по телевизору, по особой программе... по подписке... special for you... Это — что касается телесной составляющей, you know... ну так а духовная была не менее впечатляющей: алюминиевая комната как итог его металлического трипа, вот ведь из какой перспективы...

Спасало то, что всё это было смешно. Испугаться алюминиевых «чайников» было бы трудно и в том случае, если бы Паша был в тот момент один в пустой чужой квартире...

И всё-таки хорошо было то, что можно было пойти в другую комнату, лечь под одеяло и, припав к тёплой тётке, как к печи, удостовериться, что вот он ты, существуешь, ощущаешь тепло *всем телом*, всё тут оно, и ты при этом не совсем суккуб, сукин сын, хоть и прижимаешься к ней как-то слишком крепко со спины... но только на мгновение... и можно самому уснуть наконец, как бы погасив один за другим все уменьшающиеся чёрные экраны, вложенные друг в друга в бесконечной перспективе, как зеркала в старом трюмо в доме у родителей...

Когда он проснулся и вспомнил ночной — предутренний — фильм, то хотел спросить Кому, не может ли она посмотреть в программке, было ли это на самом деле по какому-то каналу или это ему приснилось... Но Комы нигде не было, а на тумбочке лежала записка: «Не смогла тебя разбудить, мой мальчик. Позвони на работу, скажи, что берёшь отгул, если поздно проснёшься. Ты говорил, что у тебя уже набрались Überstunden*, — вот и воспользуйся ими. Или скажись больным. Я тебя целую — и уже поцеловала, но так нежно, что ты не услышал».

* Сверхурочные часы (нем.).

День пока что был довольно хмурый, и, глядя сквозь сетку, охранявшую балкон Комы от голубей, на стальное немецкое небо, Паша и без подсказки понял, что ничего ему не приснилось: ни металлическая комната, растянувшаяся аж до глубины России... ни то, что они с Комой вытворили по эту сторону экрана... где тоже было много металла, но не того... не матового, а сверкающего — никель, хром... Только сами сны в тёмных промежутках... он забыл, но и это не страшно — он верил, что когда-то их вспомнит, да-да, все свои сны...

Он только не мог теперь уже вспомнить, подумал ли об этом до или после того, как налил себе кофе, включил стоявшее рядом с кофеваркой маленькое радио и услышал, как слезливый — и в то же время знакомый до слёз — голос поёт:

Just another lonely broken hero
Picking up the pieces of my mind...*

* * *

Ширин понял, что так оно и есть, точнее было, что он бывал на этой улице, но чёрт его знает когда, теперь уже не вспомнишь, сколько лет

* Всего-навсего очередной одинокий сломленный герой, Подбирающий кусочки моего распадающегося сознания. ("Running out of Time", Ozzy Osbourne. *Перевод с англ.*)

прошло, тогда она была совершенно пуста, на ней не было ни одной «кнайпы» (ну бара то есть, одно из редких немецких слов, которые проникли всё-таки в «язык Ширина»... впрочем, слово это было и не только немецким, но ещё и польским, например). Ну, может быть, что-то и было в самом начале, какое-то отстойное заведение, как будто перенесённое туда с пыльной окраины вместе с парочкой пивных пенсионеров, с этой их игрой в дартс, что-то такое Ширин помнил, хотя никогда туда не заходил — просто, проходя мимо своей неторопливой, «перевалочной» походочкой, видел тогда сквозь стекло... кажется, вот здесь, да, где теперь вместо прозрачного стекла почему-то зеркало во всю витрину.

И теперь эта улица сделалась людной: сразу в нескольких местах она буквально запружена молодёжью — Ширин то и дело попадал в очень плотную толпу, а через десять метров толпа кончалась, улица снова была свободной, а потом была очередная «площадка молодняка»...

Все они не помещались на тротуарах у дверей своих «кнайп» и частично стояли на проезжей части, благо движение здесь было разреженным, края дороги были так плотно заставлены машинами, что бессмысленно было искать зазор среди них, да и вообще: сюда приезжали выпить, поэтому пользовались метро, или шли пешком, или, если уж приехали на машине, оставляли её где-то далеко, в двух кварталах, если не в пяти.

Разве что такси иногда быстро останавливались, высаживали пассажиров у дверей заведения и сразу же ехали дальше — толпа нехотя раступалась.

За несколько домов до того, где был теперь бар без вывески, куда его уговорил-таки зайти Паша, на втором этаже или, может быть, на третьем... Ширин когда-то побывал несколько раз в гостях у одной особы, но обстоятельства посещения были не такими, чтобы их стоило вспоминать... Вот он этого никогда и не делал.

Да, пожалуй, что ни разу — пока снова не попал на эту улицу, только сейчас, проходя мимо этого дома, он невольно вспомнил комнатуху, в которой стояла клетка с волнистым попугайчиком — Wellen-sitt-ich, ну да, ну да... Ширин ещё тогда заворожило новое слово, он сразу стал с ним играть: «О волны, о нравы... волны, быт и я... волна, разбивающаяся о быт... волнисто-нравственный»...

Ширин на самом деле был вполне постоянным в своих чувствах, почти «идеальным мужем», но если уж он попал к «модистке» (как он её про себя называл, потому что она училась в школе моды), то ему нравилось напоминание о волнах, о переменном токе и напряжении.

Но дальше всё было так, что можно было бы пропустить, перемотать — «искры» не было, что ли, и он — ну разве что ещё раз убедился, что однолюб — он и в Африке однолюб.

Поставил где-то там в своей невидимой «Книге жизненных опытов» как бы такой крестик...

Лиля была в тот момент в Москве, ну было такое дело...

Ширин уже давно прошёл мимо этого дома и теперь достиг своей цели — которую узнал вот именно по отсутствию у неё названия...

Он уже привычно как бы даже протиснулся сквозь толпу курящих на улице молодых людей и постучал в закрытую дверь с застеклённой дырочкой, похожей и на глазок, и на окошко: «Амбразура», — подумал он, увидев в бесшумно открывшейся двери огромную лысую голову.

«Тюрштеер», то есть привратник, или как его назвать, торшер без абажура с голой светящейся грушей, тыквой... Ширин так сразу не смог это перевести, а он всегда всё про себя переводил на русский — как будто бы опасаясь, что если проживёт один день на одном хох-дойче без перевода, то этот день будет *переведен* в другом смысле — его потом не будет в той самой «Книге», вещество памяти испарится, да... и окажется, что ничего и не было, о как. И не только дней, но и лет... Кто это недавно вспоминал, что сказал Куприн, вернувшись в Россию? «Двадцать лет — коту под хвост»...

Привратник или просто вышибала... уставился на Ширину профессиональным взглядом, смерил-взвесил и, отступив назад, открыл дверь.

Ширин понял, что прошёл фейсконтроль, и подумал, что это, может быть, и не вышибала

вовсе, а хозяин, управляющий — Wirt... Какой-то у него странный взгляд, слишком не простой какой-то... И Паша ведь, подробно описывая бар, не говорил, что там кто-то стоит на дверях, а Паша там бывал не раз и не два... он был там, по его же словам, какое-то время завсегдаем, ну да...

Да, но с чего бы хозяину стоять самому на дверях...

Нет, это привратник, конечно, значит, поставили, значит, необходимость появилась, значит, может быть, был какой-то инцидент...

Да, но мало ли что бывает в распивочных, это вообще ничего не значит, просто ноль инфо, и глупо вот так сразу же у вышибалы спрашивать, что тут было... Ширин полностью отбросил эту мысль.

Он подумал, что заподозрил в швейцаре хозяина из-за его взгляда из-под массивных надбровных дуг, — таким примерно он недавно представлял себе хозяина другого заведения, которого не видел вовсе, но о котором прочитал, и вот теперь тот «вирт» тут присутствовал... не то что даже виртуально, или ради красного словца, но получил тут как бы живое воплощение...

На прошлой неделе Ширин возил в Альпы своих гостей — соученика, ненадолго приехавшего из Москвы со всем семейством, а за компанию они с Лилей сагитировали поехать ещё одну семью, здешнюю, где были дети примерно того же возраста, что у москвичей. Поехали

в горный посёлок на поезде по «баварским билетам», позволяющим путешествовать дёшево и многолюдно. Приехав, отправились гулять по горным тропкам, Ширин с удовольствием смотрел на всё как будто в первый раз глазами старых друзей, которые не только в Альпах были впервые, но, во всяком случае их дети, вообще в горах — в первый раз в жизни...

Потом они все стояли на перроне, усталые и счастливые, ждали поезд, который должен был выехать прямо из узкого ущелья, где, как всегда в это время, лежал туман или низкое облако...

Ширин любил этот момент, когда прямо вон оттуда, из облака, выкатывается маленький состав... Однако ждать надо было ещё минут двадцать, а Ширин хотел в туалет... Оглянувшись по сторонам и не найдя ничего другого, зашёл в станционный трактир с хорошей вывеской: "An der Endstation". «То есть "Последний кабак перед заставой" ... Впрочем, такое название больше подошло бы вот этому месту», — думал Ширин, попивая пиво и оглядывая заведение, которое было не в горах, а в предгорье, здесь и сейчас...

Да, так вот о том, другом — что было в горах... грозная официантка-валькирия там резко окликнула Ширину и сказала, что в туалет у них можно только посетителям. Ширин кивнул: «О'кей, айн хеллес», — подумав, что с удовольствием опрокинет кружечку, дело ведь одной минуты... Но выйдя из туалета, никакой такой кружечки он

не нашёл, ни на стойке, ни на столиках, вопро- сительно уставился на одну официантку, на дру- гую — их там было целых три за стойкой, а чет- вёртая что-то выносила из кухни... «Ждите, — сказали ему, — мы не можем всё сразу». «Стран- но, — подумал он, — такое маленькое помещение и столько персонала — и не могут сразу налить одну несчастную кружку...» Он посидел за столи- ком, тихонько барабанил пальцами по столу... ми- нуту, другую, третью.

Потом он встал, подошёл к стойке и сказал: «Послушайте, этак я и на поезд опоздаю, нель- зя ли немного быстрее?» — «Не надо нас подго- нять! Вы не один!» — «Да, но не так уж нас и много», — удивлённо пробормотал Ширин и обвёл рукой помещение, где было помимо не- го всего пять человек. «Ждите, — был ответ, — вам принесут». — «А если поезд уйдёт? Там мои друзья на перроне, и это последний поезд... Зна- ете что, не нужно мне тогда никакого пива, я по- шёл». — «Нет, вы не можете уйти, — сказала на- хмурившая брови официантка, — вы уже заказа- ли. А поезд — это ваши проблемы». Ширин ошеломлённо уставился на неё, но потом всё же вернулся за столик и сел. Просто чтобы получ- ше рассмотреть эту сцену оттуда: ему вдруг по- казалось, что он попал в какой-то старый, забы- тый фильм... И вот оттуда, да, из-за столика, гля- нув на официантку, а потом переведя взгляд с её каменного лица немного выше... он заметил на-

конец табличку на стене и, прочитав её, расхохотался.

Пиво принесли через минуту, на поезд все успели, да, и вот что было там написано — на табличке, на стене трактира под названием “An der Endstation”: «Если вам кажется, что наш персонал хмур и неприветлив, что как-то все здесь с вами особенно недружелюбны, с вами как-то не так обращаются... Знайте: это только потому, что вы ещё не видели нашего шефа!»

Вот о нём Ширин и подумал — о тамошнем невидимом хозяине, глядя на здешнего привратника с его свинцовым — не то что взглядом, но и затылком, да и вообще... со всех сторон казавшейся свинцовой в тусклом свете огромной башкой...

Однако официантка была здесь другая, вполне приветливая, и Ширин прикидывал в уме, с чего начать разговор, — он решил задать интересовавший Пашу вопрос именно ей — ну а кому ещё? За стойкой стоял ещё и юноша, но видно было, что герла тут главная... Но Лев не спешил, а так как делать было нечего, вспоминал табличку, что видел в горах, и даже улыбался при этом...

— Да-да, ещё одну, — сказал он официантке. Она нацедила ему кружку, поставила галочку на картонном кружочке, после чего Ширин наконец сказал:

— Могу я тебя о чём-то спросить?

— Конечно, — сказала она.

— Не было ли здесь такого полгода назад... Чтобы двое русских случайно оказались запертыми на кухне.

— Ну и?

— Что?

— А дальше что было?

— Так это же я тебя хотел спросить.

— Да, странный вопрос. Тем более что здесь вообще никогда не бывает... никаких русских.

— Что, неужели вообще никогда не заходили? — удивился Ширин.

— Ну, может быть, был один когда-то, такой симпатичный паренёк, заходил иногда... Но, во-первых, один, а не два... и, во-вторых, мы его на кухне не запирали, — она засмеялась, а потом сказала:

— Меня зовут Софи. А вас? Я надеюсь, что вы не последний раз к нам заходите, так чтобы просто знать ваше имя — когда записываешь, что вы выпили...

— Лев. Можно Лео. Скажи, а можно мне взглянуть на кухню, одним глазком, а?

— Вообще-то это не принято, кухня у нас закрытая. Но если тебе так хочется, то почему бы и нет. Ханс, я сейчас, — сказала она парню за стойкой и быстро оказалась по эту сторону...

Лев-Лео пошёл за ней следом, по дороге она взглянула в тёмный закуток, и в руке у неё зазвенела связка с ключами. Она резко открыла тяжёлую дверь, и Лев увидел людей в облаке дыма, кото-

рые, в отличие от него, совершенно не удивились, один из них обернулся и сказал: «Привет, Софи».

— Привет, — сказала она и обратилась к Ширину: — Вот она, наша таинственная кухня. Она давно не работает, как видите. Здесь иногда курят: вытяжка позволяет совершать такой грех, да мы ничего при этом и не нарушаем — в зале посетители дымом не дышат, здесь же собираются старые курильщики, тоже теперь довольно редко, только друзья, так сказать, заведения... Ну, вот и всё. Никаких других «скелетов в шкафу», как говорят английские друзья, у нас нет, и русских друзей мы здесь не запираем... Вы курите? — спросила она, зажигая сигарету.

— Нет, — сказал Ширин, — хотя, пожалуй... Если дадите одну, в счёт счёта, так сказать, после пива иногда хочется вспомнить старое.

— Да ну какого, к чёрту, счёта, угощайся. Единственный русский, который здесь бывал, — это тот молодой человек, о котором я вам уже сказала, как-то его звали... Па-ал, нет?

— Павел. Или Паша, не знаю, как он представился. Но откуда ты знаешь, ты же не каждый день работаешь? Может быть, это было просто не в твою смену.

— Дело в том, что я не просто официантка, — сказала она, — я ещё и помощница вирта, так что я в курсе всех событий, особенно *происшествий*. У нас вообще-то планёрки каждую неделю, знаете. Да-да, у нас серьёзное предприятие, это

не простой бар... В общем, я в курсе всех дел, — сказала она, — поверь. И если бы...

Она замолчала, потому что железная дверь приоткрылась и вошёл второй бармен...

— Софи, — сказал он, — там проблема небольшая, этот мексиканец снова не хочет платить, отчет снова в долг, говорит, что ты ему обещала...

— Я? — воскликнула она. — Вот наглец!

— Посмотри, а? Клаус его не выпускает... А я перекурю пока, ладно?

На всякий случай, когда они остались вчетвером — двое в дальнем уголке по-прежнему о чём-то быстро и тихо говорили — почти шёпотом, так что до Льва долетали только обрывки, по которым ничего нельзя было понять, — в первый момент ему даже показалось, что они говорят на русском, но нет, это были «звуковые галлюцинации», он давно уже заметил, что если громкость разговора не превышает определённый уровень, кажется, что говорят на русском, слышишь слова, которые на самом деле не произносятся...

На всякий случай он задал вопрос и Хансу.

Ответ был точно такой же, разве что без упоминания Паши — очевидно, Ханс тогда ещё здесь не работал...

Льва только слегка удивило то, что парень говорит так уверенно... Ну, как-то естественнее было бы ожидать, что в ответ на странный вопрос он просто пожмёт плечами или скажет: «Да вроде ничего такого...»

— Ты тоже не просто официант? — спросил его Лев. — Как и Софи?

— Ну да, — согласился парень. — На самом деле я актёр.

Лев рассмеялся, вспомнив снова трактир “An der Endstation”... и подумав, что как-то они и в самом деле связаны, эти два пространства, горное и предгорное... ну конечно... Там он ровно вот это и почувствовал — «мир — театр» — в тот момент, когда прочёл табличку над головой официантки... И ещё он вспомнил сейчас старый глупый анекдот про конец войны в немецком концлагере, начальник которого говорит узникам: «Все свободны, всем спасибо, можете расходиться по домам».

Парень улыбнулся и сказал:

— Да, я актёр... Скоро вот поеду в Гамбург, где меня ждёт роль Гамлета... В Париже есть такой анекдот: если человек говорит, что он художник, его сразу спрашивают, а в каком кафе?

Лев улыбнулся и сказал:

— Я просто тоже вспомнил анекдот... Но он не смешной, нет...

— Уходя, просто захлопните дверь и свет потушите, о'кей?

— Стоп, стоп, — сказал Лев, — а с чего это ты решил, что я хочу здесь оставаться? Даже и на несколько минут? Мы говорили о театре, но тут уже у вас как бы закулисное пространство...

— Ну, мне так показалось, что вы хотите ещё здесь побыть... Хотите сигарету? Пожалуйста.

Нет, это не закулисье, у нас всё — сцена, она дицентрична и она везде, и по обе стороны стойки, как я вам уже объяснил, и на кухне — которая как кухня и не работает давным-давно, так что всё это, конечно, декорации, — и он щёлкнул пальцами по металлу навесного кухонного ящика, а потом просто — в воздухе, двумя пальцами — щелчок... После чего этот «призрак Гамлета» как будто испарился, и Лев остался один на кухне — двое других курильщиков ушли перед этим...

На всякий случай он сразу попробовал дверь — она была не заперта, нет, и он тогда решил и в самом деле здесь немного помедитировать... Пожалел только, что не взял с собой пиво, но тут же обнаружил и кружку — прямо возле газовой плиты... Усомнился было, что это его, он как-то не помнил, чтобы брал с собой, но, махнув рукой, решительно взял её и сделал большой глоток. Поставил кружку, открыл выдвижной ящик, второй... И в третьем увидел картину... В массивной золотистой раме. Масло, холст... Лев достал её и поставил на железную панель, рядом с решёткой газовой плитки, прислонив к стене.

На картине была изображена Мария с младенцем на фоне какой-то лимоновой... или, во всяком случае, лимонного, щемящего цвета рощицы... При этом и у Марии, и у младенца были закрыты чёрными повязками глаза... Да нет, просто полосками — как на фотографиях, если

хотят, чтобы конкретного человека нельзя было узнать... Но тут-то не узнать было невозможно, ни один человек в мире, наверно, не смог бы их не узнать, значит, этими чёрными чёрточками, закрасившими глаза, художник явно хотел сказать что-то другое...

«На лучших картинах нет лиц и в лучших книгах — имён... — вспоминал Лев слова старой песни, — чтобы... как там дальше? Леди и джентльмены... могли спокойно продолжать... свой утренний кофе... или нет, чай, как-то так... хотя почему бы тогда уже и не вечернее пиво... по крайней мере, больше тут уже точно ничего мне не приходит в голову», — подумал Лев и сделал глоток. Он не мог бы сказать, художник ли это вообще, ну, в смысле, автор картины провёл две чёрные чёрточки, или это сделал кто-то другой, другой художник, поверх первого, сейчас ведь все — художники, в кого ни ткни, кого ни копни...

Впрочем, Лев даже не уверен был, что перед ним не копия какого-то *настоящего художника*, кого-то из старых мастеров, которого немного более образованный, чем он, человек узнал бы с первого взгляда. «Техническое образование», — говорил Лев, когда кто-то удивлялся, что он чего-то не знает, и даже уже не парился по такому поводу... Как, впрочем, и по всем почти другим: «Зрелость — это когда недостатки начинают выдавать за достоинства»... Он отвлёкся наконец

от картины и стал заглядывать в другие ящики, в многочисленные пустые холодильники... Но больше нигде ничего не было, хотя, по идее, там должна была бы «мышь повеситься»...

Да он, собственно, и сам не знал, что ожидал там увидеть — ещё одну картину или пистолет, о котором говорил Паша, — то ли детский, то ли нет... пистоль, да, или, скажем, две фигурки... оловянных солдатиков... или оффшорных рыцарей... или тогда уже богатырей... или, скорее, тогда уже — местных кобольдов... ну кто-то же тут живёт, наверно... природа боится пустот... Но все ящики, тем не менее, были пусты, и Лев снова обернулся к картине, зачем-то перевернул её — ах да, узнать, нет ли там подписи, названия... Но нет, там ничего этого не было — и над входом в заведение, кстати, тоже, никакой таблички, — вспомнил он, — то есть не стали писать “Ohne Titel”*, что правильно, конечно, зачем тавтология... Боязнь тавтологии...

Допив пиво, Лев напоследок оглянулся по сторонам, а потом закрыл глаза, выключил свет и попытался ещё раз представить море и белый кораблик, на котором он должен был уплыть в какое-то другое настоящее... Но, услышав звук, открыл глаза: на кухню ввалился явно что завсегда, судя по тому, как он уверенно в темноте нашёл выключатель.

* Без названия (нем.).

—О, — сказал он, — im Dunkeln ist gut munkeln*.

Лев кивнул и перевёл было это про себя как: «Темнота — друг молодёжи», и даже хотел об этом сказать незнакомцу, но подумал, что это выглядело бы так, будто он, Лев Ширин, что ли, примазывается к молодёжи — «молодится», какая он уже на фиг молодёжь... Он хотел сказать иначе: «темнота — друг молодости в том смысле, что, закрыв глаза и выключив свет, старый человек может эту самую молодость вспомнить...» — но это было уже как-то маразматично сложно... Лев просто промолчал, кивнув.

Сразу уйти ему было неудобно, как будто незнакомец ему чем-то помешал, ну, или не то что бы неудобно... Но он так или иначе не отказался от протянутой сигаретки, задержался и выслушал историю, даже сразу не заметив, что они уже не одни, в кухню вошли ещё несколько человек, и незнакомец — очень высокий и пластичный парень... в том смысле, что, рассказывая, он делал такие движения руками, как это делают рэперы, но более плавно, и получалось всё вместе довольно складно при всей абсурдности слов, которые он при этом быстро произносил...

Он долго жил за границей — в Афинах, вместе со своей греческой женой, пока в один пре-

* В темноте хорошо шептаться, сплетничать (нем.).

красный день она не ударила его палкой по голове...

— Да-да, — оглянулся он, когда кто-то из вновь прибывших на кухню курильщиков сказал со смешком: «Да ладно тебе заливать, Михи!»

— Палкой, — сказал Михи, — это последнее, что я запомнил. А потом всё — расплывчато, как в этом клипе «Роллинг стоунз»... Ну, неважно, я помню, что летел как-то странно, через Будапешт... Почему через Будапешт? Я понятия не имею. Всё в тумане, и только здесь он начал рассеиваться, этот туман, хотя он и был утрированным... Вот что бывает, когда человек женится. Не женитесь никогда и ни при каких обстоятельствах!

— А из-за чего она тебя так?

— Из-за денег. Была какая-то небольшая ссора, ничёго особенного, как лучше распределять семейный бюджет... я совершенно не ожидал такого, совершенно... Всё было как в бреду, очнулся — её нет в квартире, и что-то мне подсказало, что надо побыстрее смываться, что пошла за подмогой, родню звать... и я как был поехал в аэропорт, без вещей, без ничего, слава богу, эта тварь паспорт оставила и одну карточку, хотя, как покупал билет... я ничего этого не помню, и почему вдруг Будапешт, чёрт возьми? Но факт, что там я очнулся, в аэропорту, и всё как будто бы во сне... но при этом я в Будапеште, в аэропорту...

— Может, она тебе что-то подмешала, — предположил один из слушателей.

— Не думаю, — сказал Мухи, — она простая была такая деваха... фармацевтика не по её части, она вот — железной палкой по голове, это да... Вот её сестра младшая, та могла бы...

Перед тем как выйти, Лев ещё раз оглядел кухню, подумав, впрочем, что вряд ли последний раз — здесь и в самом деле что-то было, какое-то расслабленное, лёгкое безумие... «Как будто ты дома, — подумал он, — вот да, как будто ты дома... но на уровне какого-то более глубокого слоя, чем внешний... внешне — какой же это дом, это бог знает что, затерянный мир, как правильно говорил Паша, где кто-то исчезает, а кто-то появляется... после нуль-транспортировки, прямо из Греции... Ну, или транзитом... эттрактор...»

В баре теперь было тесно, публика была в основном совсем уже юная... Одна девушка просто даже смутила Льва — при его появлении она отставила кружку с пивом, распахнула объятия и воскликнула: «Папочка! Я наконец-то тебя нашла!» Лев криво усмехнулся и стал протискиваться к стойке. «Счёт», — сказал он официантке. «Уже, так быстро? — сказала она. — Вам у нас не понравилось?» «Да нет, — сказал Лев, — очень даже. Хотя я, наверно, немного староват для вашей кнайпы». «Отнюдь! — воскликнула Софи. — Посмотрите вон туда — у нас не только малолетки бывают. Отнюдь!»

Лев обернулся и в самом деле различил в зазорах между мельгешащими молодыми телами... столик, где сидели его седые одногодки или даже люди постарше... и вместе они там смотрелись довольно колоритно, на одном была кожаная шляпа с широкими полями, потом всё исчезло, а в следующий момент, когда в окружающей Льва толпе образовался зазор и стол «старой гвардии» стал снова частично виден, Лев понял, что они там играют в карты: «Судя по резким движениям — что-то простое, вроде нашего подкидного дурака...»

— А вот к ним мне ещё рано, — сказал он, обернувшись к Софи, которая протягивала ему сдачу, — да нет, у вас очень мило, чего там, и музыка мне нравится, и публика, просто я человек семейный, знаете, выпил — и пора домой, чтобы жена не беспокоилась... А то вот только что мне на кухне рассказали, что бывает, когда... жена сердится.

— А можно вашу визитку? — сказала Софи.

— Визитку? — удивился Лев. — Да у меня с собой и нет. А зачем вам? Давайте я вам просто телефон свой напишу, мейл, а вы мне... или мы на ты?

— Есть одно дело... Мне может понадобится частный детектив, — сказала она, — подавая ему блокнотик и ручку.

— Что? — сказал Лев. — А я при чём?

— Что, совсем ни при чём? — хитро улыбнулась она.

— А... я понял, мой вопрос тебя навёл на мысль, что я...

— А что, разве не правда?

— Да нет. Я просто так спросил... Ведь ничего же не произошло на самом деле?

— В общем, заходи к нам! — сказала Софи и устремилась вдоль стойки туда, где её уже с минуту нетерпеливо просили замутить коктейль с незнакомым Ширину названием...

Ширин с удивлением заметил, что джин-тоник здесь подавали с ломтиком свежего огурца — он никогда такого не видел, судя по всему, это была какая-то новая мода...

«Вместо того чтобы по-человечески... давать к водке солёный... они дают к джину — свежий, вот всё не как у людей, — думал Лев, выходя из бара. — Но в целом здесь и в самом деле довольно славно, Паша был прав... “Папа, я тебя нашла!” Почему было и не поддержать разговор... с дочечкой... но всё, теперь это поздно, или...» — На мгновение Ширин замер — уже стоя на пороге, точнее, за порогом заведения, где тоже, как и на кухне, толпились курильщики, так что сама кнайпа показалась Льву проходным — между двумя облаками дыма — двором...

Но что облака... это уже он просто снова заговаривал себе таким образом... зубы, ну да... Видит око...

Да нет, и зуб пока ещё... ймёт, да... Обернувшись, Ширин увидел «тюрштеера», который те-

перь уже не был в переводе «вышибалой» и даже реально улыбался.

И сказал на прощание не холодное «До встречи!», а «До следующего раза» — что по-немецки звучит как-то теплее, что ли...

А следующий день был субботой, и Лев долго не то чтобы спал — проснулся он примерно так же рано, как и Лиля, но, в отличие от неё, вставать не спешил...

Он думал было отказаться от утреннего кофе (он давно уже думал от него отказаться вслед за «вечерней сигаретой»), «...но не в этот раз, — решил он, — в следующий... тем более что и от сигареты накануне не отказался... впрочем, один раз ничего не значит, einmal ist keinmal*..., — подумал он, — завтрак не хочу, но кофе, и не просто кофе... а кофе вместе с Комой, вот что... давно не пил я с ней вместе кофе утром, а была ведь у нас традиция... и вообще, давно что-то мы её не видели...»

— Я зайду к Вере! — крикнул он Лиле, которая была, судя по звукам, где-то в гостиной.

Зашёл на кухню и взял коробку русских конфет или, точнее, украинских — «Вечерний Киев», да... Сласти, впрочем, тоже подлежали скорому запрету, как сигареты и «термоядерный», как он его называл, кофе по утрам... Но и дарить начатую коробку Кома было как-то глупо, а кро-

* Один раз не в счёт... (нем.).

ме того, она ведь тоже вечно худела, так что получится что-то из серии «на тебе, боже, что нам не гоже...». Лев положил конфеты на место и в задумчивости взял в руки чашку, которую раньше не видел. На ней было написано по-немецки примерно следующее: «В каждой тигрице скрывается трепетная кошечка!» «Смешно», — подумал Лев и крикнул:

— Лиль, что это за чашка новая?

— Мне подарили, коллега, на работе, — сказала Лиля, входя на кухню.

— Да? — сказал Лев. — А я вот тоже думаю её подарить — Кома...

— Вот и подари, хорошая идея.

— А она не обидится?

— С чего бы?

— А она не видела её у нас?

— Нет. Слушай, Кома и вправду куда-то пропала, зайди, узнай, что с ней.

— А позвонить?

— Я уже звонила с утра, она не берёт трубку.

— Ну так, значит, её нет... Поехала скупиться.

— Кома? Так рано? Я тебя умоляю.

— Впрочем, правда, зайду... благо идти недалеко.

В лифте Лев продолжал вертеть в руках чашку... Он подумал, что она слишком проста и груба для того, чтобы быть подарком, даже таким, между прочим... к тому же эта надпись... Кома подумает, что это они с Лилей её считают тигрицей, чербером... Тогда как она себя считает... светской

львицей, по меньшей мере? Или всё же котёнком? Я не львица, не тигрица, я, смотри, на поводке...

— Приветик, — сказала она, открывая дверь.

— О, ты жива. Кома, давай тогда вместе кофе выпьем.

— Давай!

— А куда ты пропала?

— Никуда. Вот она я. А, ты со своей чашкой?

— Ну да. Ну, не со своим же самоваром мне к тебе идти.

— Мог бы прихватить, — сказала она, — и самовар. Давно я Лильку не видела, соскучилась.

— Да, — сказал Лев, — так далеко живём, понимаешь... Она тебе, кстати, не смогла позвониться.

— Ну да, я спала, — сказала Кома, — имею право. Тебе крепкий?

— Да, как всегда. Ну то есть как раньше... Слушай, я хотел тебе рассказать эпизод. Ничего особенного. Про трактир «Конечная остановка» я ведь тебе уже, наверно, говорил, да?

— Да, ты рассказывал, — как-то рассеянно сказала Кома, и Льву показалось, что она посмотрела в сторону спальни, но когда он как бы понимающе кивнул — снизу вверх, она никак не отреагировала, и он продолжил:

— Вот, но я там вспомнил ещё кое-что... Это всё как-то связано... Это было в Алуште. Я туда скатился, можно сказать, с гор, по сыпняку Демерджи, может быть, но я всё остальное помню

уже довольно смутно... Ну, вроде бичевал с какими-то системными, спали все вместе, всё время на травке...

— Что? — спросила Кома, демонстративно поправив очки. — Свальный секс? Говори-говори, я тебя внимательно слушаю.

— Да не так чтобы... Нет, конечно, была у меня там одна...

— Ага. Ну хорошо, что хоть Лильку ты мне нашёл не на свалке.

— Кома, я сейчас совсем не об этом... Спустился я, значит, с гор, голодный, худой, пыльный, можешь себе представить...

— Почему представить? Я тебя таким хорошо помню.

— Дальше мне предстояло плыть в Ялту... А может, и нет... Так вот, я взял билет на катер, ну пусть будет до Рыбачьего — значит, он должен появиться справа, оттуда, — Ширин показал рукой в угол кухни.

— О'кей, — сказала Кома, — рисуем справа направо, из-за острова на стреме... Или что это у нас, севастопольская панорама?

— Панорама, ты умница... Но подожди, я её ещё не нарисовал... Я купил билет, посмотрел на расписание и понял, что я могу успеть поесть... рядом как раз была столовка, открытая... там эта раздача... и все виды блюд: компоты, котлеты... Я никогда не ел эти столовские котлеты ... А тут взял — такой я был голодный, как говорится, бы-

ка бы съел... Вот, я взял, сел и стал их уплетать... по-моему... с гречневой кашей... ещё я взял и суп, и всё, что там было, хотя ничего больше там, конечно же, не было... Ну, может, вялая капуста на блюдечке... Когда я проглотил суп, на горизонте нарисовалась белая точка. Вон там. Посадка через две минуты, там уже огромная толпа на причале, можно было и не успеть, понимаешь?

— Но ты успел... А ты не успел, кстати, зайти, куда я тебя уже две недели как прошу? В патентамт?

— Нет! Я вчера ходил, представь себе, в этот кабак — куда меня Паша попросил заглянуть, я тебе говорил... Слушай, что-то все меня что-то просят... Ну, в целях нейтрализации детского невроза, или купирования, или как там это называется... ну, я зашёл таким «частным детективом» — представляешь, меня за него там приняли, смешно, да?

— Да, и что там было? Расскажи лучше...

— Ах так! Лучше? Тогда я тебе вообще ничего не буду рассказывать!

— Ладно-ладно, ты чего... Я же слушаю. Вот, смотри, уши на макушке, продолжай, Лёва.

— Да ничего там не было — вчера, выпил пару кружечек, и всё... Никого там не запирали... А катер, стало быть, приближается, а я голодный, как стая волков, и вот я, значит, уплетаю эти кошмарные котлеты с огромной скоростью... И тут ко мне подходит женщина в чём-то синем...

— В чём синем?

— Ну в халате, наверно, не в бикини же... Работница этой столовой или, может быть, заведующая. Не молодая, но ещё и не старая... Зрелых лет. И говорит: «Вы не хотите сделать запись в нашу книгу жалоб и предложений?» Кома, я чуть не подавился. «Нет, — мычу полным ртом, — у меня нет никаких жалоб». А она и говорит — с такой улыбкой... просто как сейчас вот стоит перед глазами... «Я понимаю, — говорит, — но я подумала, что вы, может быть, хотите написать нам благодарность! Вы с таким аппетитом кушали наши котлеты, что я подумала...» И тут я в самом деле подавился, веришь. Отдышавшись, я не стал ей говорить, что просто спешил доест, я просто молча сбежал. Во всяком случае, я это сейчас так вижу: после её слов я глянул на море, увидел, что катер уже подходит к причалу, матросы разворачивают канат... И я тогда всё оставил, ну что — всё... кусок котлеты, немного каши, перепрыгнул через оградку кафе и побежал с рюкзаком наперевес, то есть в руках был рюкзак, иначе бежать неудобно, он же как наездник, получается, на тебе, когда бежишь, неудалой такой наездник, лупит по спине... Но я один раз оглянулся, и та женщина смотрела мне вслед... и такая у неё была при этом улыбка, понимаешь? Вот это мгновение — вот там оно всё и осталось, в янтаре, и котлеты, и мухи, и всё вместе, весь тот мир... Быстро успеть прожевать котлету, пока белый катер подплывает к причалу... Который увезёт

тебя неизвестно куда... Dahin, dahin*... Волны... Солнечный ветер... И в чём-то синем она там стоит, на пороге столовой, ты понимаешь? И улыбается мне вслед! Ты понимаешь, Кома?

— Да, Лёвушка, да, не волнуйся. Ну конечно, я понимаю.

— Лиле я даже и пытаться не стал объяснить это... я уже знаю — я слышу всё, что она скажет: «А хочешь, я тебе сделаю в точности те котлеты? А, чего молчишь? Ну так вот, хватит этой ностальгии по совку!» — и всё такое...

— Главное, чтобы ты понимал, остальное неважно... — проговорила Кома и, посмотрев сквозь Ширина, сказала совсем другим тоном:

— С добрым утром!

Ширин резко обернулся и увидел Пашу Шестопопалова, который стоял в коридоре в луче солнца, кутаясь то ли в простыню, то ли в тогу... и сказав «Привет!», через секунду исчез — прошёл дальше в сторону ванной, всё это так быстро, что у Ширина мелькнула было мысль, что это ему привиделось... Но в тот же момент он вспомнил, что посмотрел туда вслед за Комой.

— Я теперь вообще ничего не понимаю! — воскликнул он. — Что у нас здесь творится в подъезде, кто у нас здесь живёт, с кем и — зачем?!

* Туда, туда (нем.).

Торговые комплексы

Не только квартира была больше похожа на гостиничный номер, но и дом внешне не сильно отличался от построенной во время расцвета застоя гостиницы «Турист» «с видом на Великую Реку из доброй половины номеров».

Там и правда в окне блестело во всю ширь... и ещё Паша запомнил корабль на подводных крыльях, превращённый в шашлычную, в этом смысле его аналогом здесь была «кебабная», которую днём видно было из окна. «...А так она, конечно, на корабль мало похожа, разве что на кабину сухогруза...» — думал усталый персонаж после работы, глядя с балкона двенадцатого этажа на вечернюю панораму и вспоминая, что в его родном N-городке постояльцу, к которому он зашёл в гости по небольшому дельцу, показалось, что «ракета» — или «комета» — только что выбросилась на берег, как та рыба-кит...

Паша это запомнил, потому что постоялец уговорил его не уходить сразу после небольшого натурального товарообмена, а выпить с ним горилки.

И успел рассказать, как он, глянув в окно и увидев «ракету», впервые «зрозумив», откуда взялось выражение «выть белугой».

Паша сказал, что это странно, при чём тут одно к другому? Разве что корабль белый, ну и что... Но постоялец объяснил... хоть и не слишком разумительно: «Да глянул в окно, и при мысли, что мне тут десять дней самому куковать, я сам чуть белугой не завыл... Никого нет во всей округе, а пустота какая-то у вас давящая... И ещё этот корабль, бля, призрак на берегу, наклонный, такую тоску он на меня нагнал, “крылья” эти его, как культя... а утром, когда очи ще не продрав, показалось... шо та сама белуга из воды высунула морду — завоешь тут вид такого пэйзажу...»

Паша хотел сказать, а может, это не белуга, а белая горячка, но промолчал: коммивояжёр был нужным человеком...

А потом море стало водкой, а «комета», или просто сам Паша, — подводной лодкой, ага... они с постояльцем так быстро напились коричневатой перцовкой и беленькой (0,7 + 0,5), что продолжения разговора Паша вообще не помнил — в памяти остался только вой белуги...

Точнее, слова постояльца — о вое, который он «зрозумив»...

В его собственной новой квартире в Мюнхене (первой самостоятельной Пашиной квартире — где бы то ни было) вид из окна оказался менее живописен, чем в гостинице, которую напоминал фасад его теперешнего дома... Но, с другой стороны, в здешнем доме был один такой *прикол*... почти причал, ну да... который довольно сильно сказался на всей этой истории впоследствии...

Однако гарсон наш не сразу туда прошёл, когда въехал в эту квартиру... так что и мы не будем спешить, воссоздавая тем самым... хотя бы частичную хронологичность — ну, чтобы слово не сказывалось быстрее, по крайней мере, чем дело делалось.

Потому что обустроивался Паша очень медленно, вполне разумно направляя все силы на то, чтобы закрепиться на работе, а приходя домой, просто заваливался сразу спать — первые дни, потом он стал всё же зависать на некоторое время на кухне с лэптопом, читая почту и не только почту...

Вообще-то обстановка в квартире в первые два или три месяца Пашиного в ней приживания уже описана, но напомним: большая единственная комната казалась ещё больше от того, что в ней было, что называется, шаром покати, то есть вообще никакой мебели, и на кухне тоже — ни стульев, ни стола, только два навесных шкафа для посуды, которой, в свою очередь, тоже не было.

Холодильник не мебель, но мы и его уже успели описать, во всяком случае, его размеры и тот нехитрый способ, которым он превращался в письменный стол, вмещая в себя Пашины колени...

Сидел Паша при этом на раскладном садовом креслице, которое дали ему Ширины.

А спал, как мы уже тоже говорили, на полу — на матрасе, который привезли ему друзья всё тех же Шириных, и к ним, Шириным, мы в свою очередь тоже ещё вернёмся...

Стало быть, Паша...

Паша сел на креслице и, частично «вписавшись» в выключенный холодильник, ткнув пальцем, разбудил вздремнувший было лэптоп.

На экране возникла маска Гугла, и Паша набрал в ней слова, которые только что вспомнил на балконе, глядя на ландшафт, состоявший из немецкого «частного сектора» и вполне национальной «промзоны», в котором — ландшафте — по вечерам особенно выделялись огоньки многоэтажного пуфа, то есть дома терпимости, стоявшего довольно далеко от Пашиного дома, но перед ним — перед пуфом то есть — были только низкие деревца и одно- и двухэтажные домишки, вот пуф так поэтому хорошо и виднелся.

Паша, когда его впервые увидел, подумал, нельзя ли было за счёт этого «неудобного» вида из окна... немного сбить цену на квартиру... или хотя бы «провизион», то есть гонорар маклер-

ши... «Вы представляете себе, что я должен буду каждый раз что-то плести, когда у меня будут гости — особенно женщины... замечая, как эта деталь панорамы вводит их в неловкость...»

Но когда он осматривал квартиру, был день, пуф не горел полусотней красных окон, и Паша его не заметил, днём это было просто высотное серое здание в самом начале промзоны... «Да маклерша всё равно бы парировала, — подумал Паша, — да и что опосля... Ну, в шутку я бы сказал, и всё, а так не сбил бы ни фи́га ни одного цента... тут даже профсоюзы есть, что уж здесь может быть *inconvenient* или там *uncomfortable*... Скорее даже наоборот — удобно, пуф рядом, во всяком случае, она бы так и сказала, да ещё и попыталась бы надбавить... а и в самом деле пора туда пройтись на экскурсию... вот только пока что, как в том Ширинском анекдоте: “Вас работа удовлетворяет?”»

Ещё дальше, днём представляя собой утолщённый отрезок горизонта, ночью маркируя собой границу между небом и землёй, светилось — иногда точно таким же красным светом, как и «окна терпимости», — кольцо нового футбольного стадиона.

Впрочем, Паша смотрел на него скорее издали, чем сверху, и оно для него не выглядело тором — просто отрезок или, точнее, вытянутый вдоль горизонтальной оси прямоугольник из света.

Иногда красного, иногда синего, иногда просто белого цвета — тогда оно было похоже на тулбар, придавая виду из окна ещё бóльшую дигитальность...

Хотя Паша, как мы уже сказали, сидел теперь спиной к окну, возле выключенного холодильника, и перед его глазами был экран в прямом смысле и тулбар гугла, где он и набрал слова «выть белугой» и среди возникших ссылок выбрал наугад эту:

РЕВЕТЬ БЕЛУГОЙ

Это словосочетание – ошибка. Точнее говоря, в него вкралась как бы «устная опечатка». В морях водятся два совершенно различных живых существа: рыба белуга, самая крупная из семейства осетровых (как и все другие рыбы, она никогда не ревет, не воет), и промысловый зверь белуха – одно из китообразных животных, дельфин, обладающий белой голой кожей. Вот у белух есть голос: передвигаясь стадами в море, они испускают своеобразное мычание, нечто вроде бычьего рева. Двух этих животных язык спутал. Почему?

Вероятно, не без влияния одной особенности нашего русского произношения. Букве «г» у нас кое-где выговаривают как звук, несколько похожий на «х»: «хора», «бохатый». Так, возможно, произносили и слово «белуга» некоторые говорившие. Другие, по привычке исправлять неверный выговор, заодно переделали на «правильный» лад и похожее слово «белуха».

Впрочем, это объяснение никак не может быть сочтено беспорным.

Так или иначе, «реветь белугой», «вздыхать как белуга» значит: испускать громкие и печальные стоны. Это выражение, хоть оно и ошибочно, понимает каждый. А скажите вы правильно: «Реветь белой» – вас не поймут, да еще и поправят. Кто же будет при этом прав? Таковы причуды нашего языка.

Прочитав это, Паша слегка развеселился, ведь словосочетание употребил как раз человек, приехавший из «кое-где», ну то есть он говорил «г» на украинский манер и, может, это и имел в виду под «понял»...

«Да нет, он имел в виду совсем другое, “ракету”, которая напомнила ему белугу-белуху.. Шашлычная, кстати, к тому моменту уже тоже не работала, – думал Паша. – Дельфина с белой кожей или вроде того...»

После этого он постарался выбросить всё это из головы, потому что воспоминание стало стремительно приближаться – в том смысле, что Паша вдруг вспомнил о близости заправки, где водку можно было купить... да хоть бы и сейчас.

Заправка, в отличие от магазинов, работала круглые сутки и была совсем недалеко, на велосипеде, который ждал пристёгнутым к железной скобе возле подъезда, можно было обернуться всего за три минуты...

Но причин НЕ выпить было много. И завтра на работу, и наименее светлые воспоминания, связанные с водкой и... last but not least – цена

на заправке была раза в полтора, если не в два... больше, чем в дневном магазине.

Да и банальная установка — «один не пью», она тут тоже сработала, в общем, Паша поборол соблазн.

Другое дело, что настроение его после этого, мягко говоря, не улучшилось, более того: на сме-ну отброшенной идее пришла... Даже не идея, нет... Но как бы эхо, отголосок того странного чувства, которое он испытал не так давно в квар-тире Комы — за несколько дней перед тем, как они навсегда расстались... Хотя «расстались» — слишком громкое слово, наверно, ну разбежа-лись с негромкими словами: «Ну, я пошёл». — «Ну что ж, прощай, мой мальчик. Но знай, если тебе вдруг захочется поваляться в постельке у Комы...»

И вот там, ещё будучи у неё в квартире, он ус-пел испытать странное ощущение, для которого у него вообще не было слов... «and he had no idea»... что произошло в тот момент...

«Понял я давно и чётко: время не вода, а вод-ка...» — всплыло сейчас в голове, но Паша снова отбросил эту идею...

Хотя через минуту она попыталась вернуться, так сказать, через форточку, всё той же навязчи-вой песенкой: «Время меряется в граммах...»

«Бикфордов шнур», — подумал Паша, снова было направляясь к двери, но — останавлива-ясь... И пока он там борется сам с собой в тем-

ноте, попробуем понять, что же он увидел тогда... Может быть, квант времени? Или точнее, попал в него, вовнутрь... Во всяком случае, так он потом тоже думал, хотя эта мысль вскоре сменилась другой, уже гораздо менее физической — о том, что это были два потока без стока и истока, текущие навстречу друг другу так, как будто лет тридцать-сорок назад таки повернули вспять сибирскую реку... а потом наложили, как карты, одна на другую — страны, вот и получилось: два текущих навстречу друг другу, не смешиваясь, как слои в «Кровавой Мэри», потока... Бред? Ну так Паша и бредил тогда, а как это ещё можно было бы назвать?

Они, лёжа на кровати, смотрели телевизор, который Кома перед этим ввезла в спальню — панель телевизора была на подставке с колёсиками...

И вдруг там что-то случилось, какие-то помехи, точнее, сбои в трансляции, вызвавшие этот эффект — «стоп-кадра», ну, какой-то известный телеведущий с рыжей всклокоченной шевелюрой застыл с открытым ртом, после чего изображение его стало слегка подрагивать, нависая над столом, за которым он там сидел, как будто он теперь всеми силами порывался удариться лицом об угол стола, но при этом только тихонько дрожал, не приближаясь и не удаляясь от стеклянной поверхности: застыл, короче говоря.

И всё, и ничего сверхъестественного в этой телепародии на вечность, конечно, не было, такое бывало даже на Пашиной памяти («даже» — потому, что у Паши никогда не было своего телевизора, а в том ящике, что был ещё у родителей, таких явлений не было отродясь, там же был другой принцип трансляции, но вот у Шириных он такое видел несколько раз...).

Однако в этот раз у Комы, что-то такое произошло и вокруг экрана: Паша почти воочию, и даже без всяких «почти», увидел, как вокруг экрана с застывшим в дрожащем студне телеведущим пространство превратилось во время и тоже застыло, после чего всё это потекло в обратную сторону...

Это продолжалось недолго, точнее, Паша получил возможность это видеть совсем недолго, какую-то миллисекунду... но этого было достаточно, чтобы он заметил, как время расслоилось на два потока...

И вот дальше становится уже совсем трудно хоть как-то артикулировать его ощущения: с одной стороны, Паша понял, что очутился не в привычном потоке, а противоположном, да, но, с другой стороны, — события там, где он очутился, происходили в нормальной последовательности, хотя и медленнее и, что ли, дискретнее, чем... Что?

Чем раньше, дальше то есть было как раньше, ну да... но — медленнее и дискретнее.

В то же время Паша осознавал, что перескочил в другой поток — противоположный тому, в котором его несло с момента рождения...

Когда он попытался это рассказать Кома — просто чтобы объяснить ей оцепенение, в котором находился некоторое время, — мог только мычать что-то мутное (она вроде бы расслышала в этом: «ммикро» и «мммакро-космо...»), но могла и ошибиться), чем её немного испугал, конечно.

— Zeitlupe? — невозмутимо, тем не менее, сказала Кома и начала что-то искать в шкафу...

Паша подумал, что она ищет какую-то специальную лупу для разглядывания времени — ну, как для марок у филателистов.

Кома ничего такого не нашла, но объяснила ему смысл немецкого слова, как могла, то есть не свела его ни к русской «замедленной съёмке» (или, наоборот, «сверхускоренной»), ни к английскому “slow motion”, нет-нет, в немецком слове было что-то другое, что-то более фантастическое (во всяком случае, в гораздо большей степени, чем в гибриде, составленном из английского и немецкого слов, который Паше послышался и от которого он было перешёл уже в уме к старой теме фантастов: “time loops” and stuff like that*).

Но это не было и «увеличительное стекло», это Кома ему сразу объяснила.

* «Временные петли» и все в таком роде (англ.).

А он подумал, что, наверно, это всё-таки самое близкое... Хотя, конечно, не стекло, какое же стекло может увеличить... скажем, атом позитрония так, чтобы стало видно, как... на электроне время течёт нормально, а на позитроне — из будущего в прошлое, а?

Кома сняла с полки книжку — может быть, её она искала с самого начала, когда он ещё думал, что она ищет стекло... и показала ему книжку так, чтобы он прочёл слово «Антивремя» на обложке и сразу же протянул руку.

Но когда чуть попозже Кома ушла, оставив его одного, и он стал очень быстро поглощать текст — используя приобретённый в студенческие годы навык скорочтения, Паша понял, что это совсем не то, что он только что видел своими глазами.

В книге это «анти» было образом, ну да, «антивременем» там назывался... что ли, ретроспективный взгляд на жизнь, при котором она предстаёт чередой не случайностей, а закономерностей.

Да, при такой обратной перспективе живущий видит жизнь чёткой и внятной цепочкой причин и следствий, и даже «Следствие по делу о причинах» там было, и Паша его тоже пролистал, рассказ после романа, уже по инерции...

Нет, это не имело никакого отношения к тому, что он только что увидел.

Так он сказал себе, прочитав книгу... и вот ещё большой вопрос — ещё бóльший то есть, что бы он сказал, прочитав другую книгу...

А вот эту самую, если мы её с вами, конечно... то ли прочтём, то ли напишем...

Ну, хотя бы потому, что он не находил, да и не искал себя после своего «инсайта» в литературе любой степени художественности... Только в научной или научно-популярной, тут уже порой трудно было провести чёткую грань, и в последнее время Паша перед сном читал «Путь к реальности» Роджера Пенроуза, скачив её из сети в формате djvu — вот там он теперь периодически чувствовал себя как дома.

Дело было не столько в переключках, скажем: *déjà vu (per se)* — и формат файла или *Zeitlupe* — и лупы, кликнув на которую увеличивают размер шрифта, сколько в содержании текста, который Паша, впрочем, действительно увеличивал всё больше и больше, потому что перед сном глаза видели хуже, слипаясь...

Но пребывание, хотя бы и короткое, в этой книге — в самых разных её местах... давало Паше если не полное объяснение того, под какой такой «подол» он тогда заглянул, то чувство, во всяком случае, относительной безопасности — «радости, что всё в надёжных руках»...

После чего он мог наконец уснуть, а там уже начиналось что-то похожее на его университетские сны, когда... особенно в горячее время сес-

сий — в коротких разорванных сновидениях Паша тогда нередко становился значком в тексте учебника...

Да-да, лямбдой, мю, пси, сигмой, этой, каким-нибудь там коэффициентом в уравнении, или элементом матрицы, или тензора, или просто даже значком — дивергенции, лапласианом, да мало ли чем ещё... Он смутно помнил и то, как, выскочив с лёгким щелчком за скобку определения сопряжённого оператора $[Ax, f] = [x, A^*f]$, пустился порхать по тексту учебника тополиной пушинкой, присаживаясь то на одно, то на другое равенство...

И вот, если, засыпая с бумажным учебником на лице, Паша оказывался порой в том самом... *запущенном саде величин*... То теперь, когда текст не содержал свинца, и был на экране, и был уже почти из той же самой материи, что и сны... ясно, что переходить туда, засыпая, было теперь ещё легче, чем в студенческие годы, и, может быть, ещё и поэтому Паша пристрастился к чтению на сон грядущий «весёлого Роджера», во всяком случае, это была не менее веская причина, чем отголоски видений, которые он ловил там наяву: *«Попробуем несколько перефразировать сказанное. Предположим, что мы рассматриваем ситуацию с удобной точки в некоторый момент времени $t_0 (> 0)$ (“СЕЙЧАС”) и обнаруживаем в этот момент точку X в некоторой области V разумного размера. Затем мы следим, куда забредет кривая L*

в более поздние моменты T , и видим, что с ростом T она попадает в ящики всё большего размера. Это согласуется со Вторым законом и с принятым выше допущением, что точка X не испытывает “воздействия извне” в отношении выбора ящиков. Однако при взгляде назад во времени, начиная с момента T , когда точка X находится в области V , возникает впечатление, что точка X , двигаясь назад во времени, целенаправленно направляется к абсурдно малой области фазового пространства, которую мы обозначили как B . Поведение точки X при взгляде назад во времени, когда она отыскивает ящики всё меньшего объема, выглядит “навязанным извне”. Следует ли понимать это как “целенаправленный” поиск всё меньших ящиков под влиянием каких-то потусторонних сил? Нет, просто область B оказалась окруженной такими ящиками (см. рис. 27.8), поэтому если кривая при $T = 0$ должна достичь области B , то ей приходится встречать на своем пути ящики всё меньшего размера. Загадка состоит лишь в том, что один конец кривой L должен находиться в области B . Вот что мы должны понять, если мы хотим найти источник Второго закона. Область B представляет Большой взрыв в начале Вселенной, и вскоре мы увидим, сколь непостижимо мала эта область!..»

И так это продолжалось некоторое время: сон на полу, чтение в холодильнике, курение на балконе, откуда открывался удивительно бесцветный вид с вкраплениями красного, иногда

собиравшегося в дополнительную к дому терпимости полоску заката на горизонте...

Вообще, здешнее — «тютчевское», как его стал называть Паша после того, как заглянул к памятнику в Дихтергартене, — небо было красивым не только во время красных закатов-расветов... Зачастую облака отчётливо напоминали Паше узоры на морозном стекле, а когда становилось пасмурно, краски перетекали одна в другую, как на поверхности большой воды...

Иногда они летели по небу так быстро, как будто попали в течение реки, и хотя Паша не считал себя эмигрантом, вот эта типично эмигрантская поговорка, которую цитировал Ширин, что «уезжая, мы меняем только небо над собой», была теперь Паше как нельзя близка и понятна...

И в принципе ничего другого Паше пока что было и не нужно: днём — стеклянные стены в офисном здании... вечером — дом с одной стеклянной стеной, с крышей над головой и козырьком над балконом...

Даже дождь при такой диспозиции был приятен для глаза, даже ливень на открытом балконе воспринимался как лёгкая щекотка, ленивая лапта мыслей в голове при переходе в комнату при желании переходила через окошко поисковика — в лэптоп... Чем не гармония? Внешняя пустота легко заменялась внутренней, и наоборот, пустоты были если и не конгруэнтны, то равно-

велики, и ничего плохого поэтому в переливании из пустого в порожнее Паша не видел даже тогда, когда решил всё-таки заполнить... по крайней мере, пустоту внешнюю.

Изначально приступал к заполнению он, что называется, «без фанатизма», оставляя всё на волю случая.

В том смысле, что свою обстановку с самого начала решил вылавливать в «е-бухте», как он её назвал, — что выбросит волной на брег, то и его...

ЕВау, ну да: начальная цена за весь гарнитур там порой была один евро, порой десять, в итоге могла доходить и до двух сотен, а могла и остаться где-то на уровне двадцати-тридцати евро... просто «деревянный рай», да?

Только после недели участия в аукционах Паша понял, что так можно полностью «еВау'нуть-ся», — как он себе сказал, — торговаться там до дурной бесконечности...

И лучшим образом вписавшаяся в его комнату (с учётом миллиметров!) диван-кровать, и «дизайнерское» кресло, и лёгкий книжный шкафчик, и «стенка», или там «горка», да все вообще вещи, которые Паша уже как будто видел у себя на фоне белизны стен, — уплывали в чужие руки, и стены оставались по-прежнему голыми...

Разные, конечно, руки, но обладавшие очень похожей ловкостью, и в тот самый миг — между прошлым и будущим... За одну-две секунды, то

есть, они всегда ухитрялись накинуть самую малость, так что вещь проплывала мимо Паши, что злило его чрезвычайно, и чем дальше, тем больше — под конец уже так, как будто он и в самом деле тонул в ледовитой воде, а мимо проплывали доски, держась за которые можно было бы спастись...

Пока он не выяснил, что торгуются давно уже не только — и не столько — люди, но что есть специальные программы — для торгов... После чего скачал себе eBay Sniper, что-то там ещё усовершенствовал (у сапожника появились сапоги! — и в том числе его апдейт программы работал уже не с секундами, а с долями секунды, хотя Паша и не уверен был, что это играет роль... но — на всякий случай, довели, так сказать...) и запустил в своём рабочем компьютере.

Программа в фоновом режиме никому там не мешала, коллеги и даже шеф — не возражали, относясь с пониманием, а дома Паша предпочитал выключать лэптоп в своё отсутствие.

Программа «снайпер» перед аукционом должна быть включена круглосуточно несколько дней — сколько их до аукциона...

И первый же диван после этого Паша выиграл!

А потом и стол, и стул, и шкаф...

Довольно скоро квартира была, что называется, полностью обставлена.

Причём обстановка была не то чтобы новая, но никаких выбоин, царапин, да и вообще ни-

каких следов времени на ней не было видно даже с близкого расстояния, хоть с лупой... «Немецкая аккуратность, само собой... Но, может быть, это ещё потому, — пришло как-то в голову Паше, когда он включил торшер во время очередной бессонницы, — что эти вещи сами получены, можно сказать, с помощью деления времени? Но об этом ведь всем говорить не нужно...»

По инерции, что ли, Паша едва не пошёл дальше — туда, где уже к тому времени всё действительно решали не секунды, а доли секунды, которые можно было и дальше делить... Он хотел было поиграть с небольшой суммой в Fogex, но что-то удержало его в последний момент, может быть, усталость после десяти-двенадцатичасовой работы, необходимость всё-таки уснуть... а может, наряду с этим, своеобразное «эхо помех» в телевизоре, в котором он теперь жил в каком-то смысле «...то есть не в телевизоре — в каком-то смысле, — бормотал он, — а в эхе, in Echoraum — новое слово...» — вот это «что-то» не дало ему прыгнуть очертя голову в эти волны, в перепады валют, currencies... «Ау, Гольфстрим», — пробормотал он, закрыв лэптоп, и наконец провалился в сон.

А в другой раз, соскользнув по какой-то ссылке в довольно лихой чат и вступив там в диалог с незнакомой юзершей, Паша, получив после нескольких вопросов-ответов такой месседж:

«Я думаю, что ты — не реальный человек, а программа», усмехнулся и подумал, что это просто его письменный английский выглядит таким картонным... Думал было что-то ответить типа того, что может доказать в реале... Но вдруг подумал, что в самом деле неплохо бы сделать такую программку — для участия в чатах на сайтах знакомств, и точно так же, как он подправил eBay Sniper...

На какое-то мгновение его увлекла эта мысль, и он чуть было не начал писать код на C++, но потом решил, что погружаться *так* глубоко в темпоральную бездну пока что не стоит, вместо этого он решил пройтись или, точнее, проехаться наконец на велосипеде — на экскурсию — в дом с красными окнами.

В общем, до синтеза *живого* существа при помощи деления секунды Паша так и не дошёл, но, во всяком случае, ощущение у Паши, когда он смотрел на свой стол или на полки — таким взглядом, как будто впервые их видел... было именно, что и этот диван, и эти полки, и обеденный стол, и журнальный, и кухонный, и кожаные кресла — всё получено при помощи расщепления времени...

Людам он говорил как-то иначе... ну не станешь же ты говорить гостю, что в твоей квартире всё на самом деле состоит не из атомов, а из квантов времени.

Поднимут ведь на смех.

Нет-нет, в зависимости от того, кто в тот момент времени, или антивремени, egal*... — где бы он там ни был — и кто в тот момент был у него в гостях, Паша рассказывал про то, что всё это на самом деле — «б/у, намытое в eBay»... или не рассказывал.

Выглядело ведь всё как новое.

И это ведь не является пусканием пыли в глаза — умолчание о происхождении тех или иных полок, правда?

Особенно если никто об этом и не спрашивает...

«В его залив вкатило время...» — вспоминал Паша, потягиваясь субботним утром на балконе.

Он машинально попытался немного перефразировать, подогнать фразу к своему случаю... в том смысле, что *его время — выкатило from the bay*... «Всё, что зашло за волнолом... за молл, ну да...» — и тут он вспомнил о «приколе», который мы упомянули выше, но вслед за Пашей решили не сразу открывать эту дверцу.

В сущности, он узнал об этом сразу, но — забыл.

Не стоит удивляться: механизм вытеснения в его молодом организме в этот раз сработал чётко, так что Паша даже и не вспоминал об этом — просто не замечал эту кнопку, и всё.

Хотя ещё при первом осмотре квартиры, когда они с русской маклершей поднимались на

* Все равно (нем.).

лифте, она указала пальцем на кнопочку с буквой «М» и сказала: «Давай я тебе сразу же покажу этот лаз, этот ход... это очень удобно на самом деле и вообще... “махт шпас”*: выскочил из своей норки, схватил что нужно и — домой со свёрточком в зубах... Ну, ты сейчас сам всё увидишь».

Паша внимательно посмотрел на неё.

«А что там такого? — осторожно сказал он. — А может быть, сначала всё-таки квартиру посмотрим?»

«А это и есть часть твоей будущей квартиры! Я говорила тебе по телефону, что квартира у тебя будет необычная».

«Да? Я прослушал, я хотел самую обычную...»

Но маклер уже стояла снаружи и делала рукой такое упрямое наматывающее движение, что Паша потянулся вслед за ней... Они пошли по очень узкому коридорчику, похожему на предбанник в старой городской сауне... на родине, ну да, и кафель на стенах был того же цвета, только что не щербатый...

Паша подумал, что эта гиперактивная женщина зачем-то показывает ему пожарный выход, или даже не пожарный, но запасной, переход в какие-то служебные катакомбы...

Она остановилась перед дверью из железа и совершенно непроницаемого и явно пулене-

* От нем. macht Spaß — приносит удовольствие.

пробиваемого стекла, вставила ключ в замочную скважину, сказала «раз, два, три», взмахнула рукой, провернула ключ...

И произошла разгерметизация: в коридорчик волной ворвался другой воздух и вместе с ним — громкий белый шум...

Мимо них, на расстоянии вытянутой руки, шли нескончаемой толпой живые люди.

В чём-то она была права, в этом действительно было что-то поразительное: ни один из этих людей не повернул головы, не скосил глаза, никто не заметил, что открылась тайная дверца и на них смотрят из другого мира... не то чтобы «детского»... хотя в каком-то смысле это было именно так: Паша увидел из детского — взрослый мир, как тогда в Москве, как будто сквозь люк... Только теперь — в другую сторону, не вниз, а вбок...

Да, как будто сквозь канализационный люк, открывшийся посреди оживлённой пешеходной зоны...

Ракурс теперь был несколько другой: они не смотрели прохожим под юбки, но ощущение было примерно такое — что они заглянули под какой-то общий подол...

И Паша, конечно, сразу же вспомнил другой — московский, перевёрнутый вверх ногами, с оборками мраморных лестниц... подол... сквозь огромный люк... но об этом и правда лучше если и не отдельно, то позже.

Нет, это на самом деле было поразительно, только что в коридорчике перед закрытой дверью было тихо, как в забытом атомном бункере...

И у него, стало быть, будет от этой двери ключ — если он поселится в этом доме... И что?

«Нет-нет, — замахал руками Паша, — туда я не пойду!»

«Да я тебя туда и не зову, дурачок! — сказала маклер, отпуская его руку. — Я как раз наоборот: предлагаю теперь подняться в квартиру. Ну, это шутка, конечно, что вот это — всё это — часть твоей квартиры, такая же, как келлер*, как гараж, как комната — сушка для белья... Ну, ты понял, бандит? Ну, не обижайся, я всех, кому меньше тридцати, называю бандитами. Любя-любя!» — при этом она так засмеялась, что Паша, которого Ширин совсем недавно... подводил к той же теме — «зрелых женщин»...

Что теперь вот Паша подумал... а не отсюда ли такая... скажем так, прыть, такое внезапное участие... а ведь он не простой клиент — с его-то птичьими правами... а по её словам, она даже отменила сегодня другой «термин»** ... Он, естественно, ничего не имел против того, чтобы его внешность и его молодость... немного поработали на него... но при этом сама мысль о том, чтобы... хотя бы даже приобнять этот терминатор

* Keller (нем.) — подвал.

** Termin (нем.) — деловая встреча.

в юбке... — тут Пашу не то чтобы передёрнуло, но он вздрогнул, вспомнив, что они поднимаются в пустую квартиру, похожую на гостиничный номер, — и об этом она сказала ему ещё по телефону, а теперь он и сам видел — что дом похож на гостиницу, и они уже шагали по длинному коридору, под ногами у них был мягкий серый палас, на стене светились матовые плафоны, ряд тёмно-коричневых дверей уходил в тёмную перспективу.

«Собственно говоря, это была гостиница для спортсменов — Олимпийские игры, — сказала маклерша, как бы превращаясь в экскурсовода, — семьдесят второй год, расстрел израильской команды борцов... Есть даже фильм Спилберга об этом, называется “Мюнхен”...»

«Они что, жили прямо здесь?» — спросил Паша... «Нет-нет, — засмеялась она, — совсем в другом доме... Ты подумал, что я это выдаю за достопримечательность — чтоб цену повесить, хихи?» — «Да нет», — сказал Паша и подумал: «Что за дурацкие предположения... Ну точно терминатор...»

«Нет, здесь главная достопримечательность — самый большой в Европе молл. И не просто достопримечательность, а удобство! Квартира *со всеми удобствами*! Но почему ты так нервно реагируешь на него?» — «На что?» — «Ну, на молл — на торговый центр, от которого у тебя будет свой ключик, — просто от твоей квар-

тиры, тот же самый ключик, как, знаешь, в Лондоне, в Белгрейве, — это самый лучший район — там скверики такие есть, от которых ключики — только у жителей окрестных домов... Не для всех, не для всех... Калиточка, оградка, ключик... Ну, чего ты так — аж закричал “Не пойду!”... Как будто я тебя тащила... на сковородку, хи-хи... Чего ты, бандит?» — «Я ничего, — сказал Паша, — это старая история — почему я не люблю все эти центры, не стоит сейчас её рассказывать, она правда старая, длинная и бессмысленная. Сказка без морали... Ну, скажем так, я бы предпочёл лучше иметь ключик от скверика». — «Так тут вокруг столько зелени!» — и она снова громко засмеялась, и вслед за ней Паша попробовал улыбнуться... «А вы в Лондоне тоже работали...» — начал было он из вежливости, но тут из-за двери, мимо которой они в тот момент времени проходили, раздался такой вой, что маклер остановилась и положила руку на сердце.

За дверью снова была тишина, они молча прошли несколько метров, когда из-за другой двери раздалось такое же точно завывание, и женщина посмотрела на Пашу глазами, полными *неподдельного ужаса*... «Да это ветер, — сказал Паша, — просто ветер двенадцатого этажа... Смотрите, у этих дверей довольно большие замочные скважины, старого типа... А жильцы оставляют открытыми окна или даже балконные

двери... И вон та вон, ничья, тоже открыта, — он указал на дверь в тупике коридора (которая, как чуть позже выяснилось, вела на открытую всем ветрам площадку с заслонкой мусоропровода), — вот он тут и воет — ветер... Непонятно только, почему там внизу дверь так герметична, хотя тот же ключ её открывает...» — «А она толстая и специально устроена так, двойная... мне что-то говорили... Фух, ты меня успокоил, бандит... а то у меня прямо душа похолодела, это ж надо — так похоже на звериный... Хотя зверей здесь держать как раз и нельзя... домашних, то бишь, по условиям договора, в этих квартирах». — «Что, даже морскую свинку?» — улыбнулся Паша. «Свинку можно... но свинки же так не воют, а с другой стороны... волки ведь не домашние животные...» — она снова улыбалась, однако дверь его будущей квартиры открывала настороженно, хотя там уже никто и не выл, потому что и окна, и балконная дверь в этой временно нежилой квартире были наглухо закрыты... Но маклерша теперь стала вообще как-то серьезнее, не хихикала больше, может быть, потому, что после прелюдии приступала непосредственно к своему делу, а может, и потому ещё, что в прелюдию вошёл так напугавший её вой, казалось, она всё же не до конца верила Паше, что это был ветер, и была полностью уверена, что он теперь не возьмёт эту квартиру, с такими соседями, в таком зверинце...

«Устраивает», — кивнул Паша после довольно-таки поверхностного осмотра.

«Ну и отлично. Пойдём тогда вниз, — сказала она, — в молле сотни кафешек, сядем там где-нибудь и спокойно всё подпишем, но сначала ты всё прочитаешь, договор, все приложения к нему, я тебе всё это вслух переведу, зачитаю, это важно!»

«Вообще-то можно прямо здесь всё и подписать», — сказал Паша.

«Да нет, тут как-то... Даже сесть не на что», — видно было, что она всё ещё чего-то побаивается.

«Пойдёмте, — сказал он, — только не в торговый центр. Давайте лучше в кафе где-нибудь за пределами всего этого холла-молла...»

«Договорились. В принципе ты ведь можешь вообще не замечать молл, он только в длину большой... ну, улица такая с потолком и дневным светом... А так, ты видел, если не открывать эту дверь, если не останавливать лифт на промежуточном этаже...» — «Это было в каком-то фильме, кстати, только я не помню в каком — тайный этаж, кажется, шестой с половиной...» — «Ну вот, а здесь первый с половиной... Да, так вот, можешь просто не замечать его, и всё. Но ты расскажешь мне, что это за фобия такая, говоря научным языком, — она подняла пальчик, — ты, наверно, просто не любишь шоппинг? Что, подружки затаскали... по магазинам, а, бандит?»

«Да нет», — сказал Паша, когда они подписали договор и прилагающиеся к нему протоколы с перечнем помещений, которые входят в состав entity, в дальнейшем именуемое «квартирой»...

«Молла среди них нет», — сказал Паша, изобразив улыбку.

«А его вообще нет. Если ты не хочешь его видеть, он и не существует, он ненавязчивый, молл, — я же тебе говорю», — улыбнулась маклерша и так подмигнула, что Паша назвал её ещё и «бандершей» — как бы для симметрии... но только про себя — в отличие от неё, повторявшей это «бандит» каждую минуту..

И он не мог, конечно, знать, чем это слово — «бандерша» — отзовется, то есть что с другой стороны рядом окажется другой «прикол» — с красными окнами...

«Ну да, в каждой утке есть доля шутки», — приговаривал, бывало, отец Паши, читая газеты...

А среди объявлений в газете, по которым Паша звонил несколько дней и произносил заготовленную на листочке фразу на немецком — «их интерессире мих фюр айне айнциммервонунг»*, а потом предлагал перейти на английский... Так вот, среди объявлений было такое, по которому Паша хоть и не звонил, но оно ему запомнилось: *«Вместе с квартирой сдаётся полто*

* Ich interessiere mich für eine Einzimmerwohnung (нем.) — меня интересует однокомнатная квартира.

*ра километра парка, прилегающего к дому», — пере-
вёл ему тогда ещё Ширин... «Так что, если уж
парка полтора... — подумал Паша теперь, — то
почему бы и не километр молла в придачу...»*

«Нет-нет, — сказал он, когда она повторила
вопрос, — это правда скучная история, не о чем
там говорить... Расскажите лучше вы — про Лон-
дон, я же там никогда не был, хотя в детстве,
знаете, как бы и был... Ну, родители взяли мне
преподавательницу по английскому, частные
уроки, я тогда болел, отстал немного... ну и во-
обще, типа в жизни пригодится... да вот и при-
годилось, кстати, я ведь до сих пор тут живу на
английском, и на работе, и дома... ну или по до-
роге домой... На немецкий перехожу то есть
очень медленно, на ощупь, можно сказать... Да,
так вот мы тогда с Любовью Егоровной путеше-
ствовали по Лондону — по книжкам, по картин-
кам, пальцем водили и рассказывали друг друж-
ке, где там чего и как, вест-минстер-биг-бен-пи-
кадилли-сёркус...»

Паша уже был здесь, но совсем ещё крохой
и ничего не помнил про ту детскую столицу, ко-
торая столицей его детства не стала, конечно,
года три ему было тогда от силы, а уж у этого
возраста точно другие столицы... но что-то, на-
верно, всё же осталось в секретном архиве па-
мяти, где, говорят, всё хранится... Но, в общем-
то, можно было сказать, что он впервые в неё
въезжал — теперь.

Было ещё очень рано, пять или шесть утра, железнодорожный тряский морок не успел рассеяться, ещё перед глазами был линкруст купе, и Казанский вокзал казался Паше ещё сном, вставшим в себя предыдущий, купейный... Ещё было *ни свет ни заря*, и вокзал был странно пуст — не для Паши, ему-то было что... Но вот отец его этому удивился, привыкший, что Казанский всегда полон людьми.

Да, отец курил свою «Яву» и удивлялся этой внезапной пустынности, а для Паши она была естественным подтверждением, что это ещё не явь и не Москва... А только каменный шлюз, думал он, слушая, что говорит отец, когда они шли по привокзальной площади, — что это здание похоже на кремль, но не московский, а казанский, — ну так, конечно, ещё *не Москва*...

Паше тринадцать лет, это последняя его самостоятельная поездка, позже он не то чтобы этого чурался — ездить с родителями, просто у отца уже не было такой возможности — взять да и махнуть вместе с сыном... Дела, или точнее — дело, — «дело», которое позже стало семейным и единственной, пожалуй, пользой от которого для Паши... было то, что в результате этот «мелкий бизнес» в своём развитии, как раз в тот момент, когда он должен был стать, что ли, «средним»... сделался вдруг той самой катапультной, которая и вышвырнула Пашу прямо в эти «Афины на Изаре»... Но на этом мы если и остано-

вимся, то тоже как-нибудь попозже... А тогда — вскоре после поездки в Москву — новое дело поглотило Константина Сергеевича, так что это была последняя совместная поездка, хотя до этого они успели много поехать по стране, вообще, путешествия до сих пор прочно ассоциировались у Паши с отцом, без которого он сам по себе, кстати, не больно-то и путешествовал, скажем, теперь уже по новым окрестностям, которые для многих жителей этого города включают в себя не только Тироль, но и всю дальнешую Италию...

У матери же Паши и раньше возможности такой не было, да и вообще, она вполне откровенно говорила о себе: «Я не большая путешественница».

Хотя в Москву они с отцом приехали частично и по делу, но как бы ещё и не по делу — «дело» было тогда ещё только в зародыше, как бы ещё «бабка надвое»... и чтоб не жалеть потом о напрасной поездке, о потраченных зря деньгах... отец решил взять с собой Пашку: дело ведь точно уже не напрасное — показать сыну Москву...

Остановились у брата Пашиной матери, отношения которого с отцом всегда были не только родственные, но и приятельские, а теперь этот толстяк, нередко заезжавший к ним в гости поплавать в реке-матушке, порыбачить-посудачить под первачок... внешне хоть и похожий по-прежнему на разбуженного медведя... но не

шатуна, напротив, — весёлого такого косоногого, хотя на самом деле глаза у дяди Сани и не косили вовсе, а просто так быстро вращались... и были так широко посажены... что создавалось, в общем, такое примерно впечатление...

Он рано стал вдовцом и жил теперь один в довольно большой двухкомнатной квартире на Кутузовском...

Буквально не мог нарадоваться их приезду: долго тискал обоих, не знал, куда посадить, чем угостить «в первую голову»...

Пашу удивила больше не сама еда, все эти готовые салатикки... а дядин холодильник, доставший до потолка, хотя потолки в этой «сталинке» были те ещё...

А когда они отдохнули — «дав дрёму», навёрстали то, что недоспали в поезде, а потом снова отведали понемножку салатиков, сосисок... дядя Саня, которому не терпелось кормить родственников и дальше — теперь уже самой Москвой, долго не мог решить, куда повезти их «в первую голову».

Сначала, естественно, мелькнула Красная площадь, но потом мысль дяди Сани (ещё не обёрнутая, как чуть позже, в его подержанную «тойоту») свернула к другим местам, кажется, он хотел повезти их на какое-то представление... но и не в театр, а куда точно — Паша потом не помнил... Вроде какая-то выставка как раз кончалась или там уличный праздник, что-то такое...

а потом ещё что-то, и ещё, и так далее — всё новые идеи... так и сыпались из дядиных уст... это было смешно, и отец и сын Шестопаловы тихонько посмеивались-переглядывались... «Нет-нет, для начала мы с вами отправимся к Чистым прудам, начнём там знакомство с *настоящей* Москвы...» — воодушевлялся дядя Саня после минуты раздумий, и отец Паши с ним не спорил, пару раз только попробовал всё же уточнить, почему с этого необходимо начать, а не с того... Арбата, например... «Ты ещё скажи, с Калининского», — фыркнул дядя, и так продолжалось если не час, то не меньше получаса, так точно... пока дядя не ударил кулаком... или хлопнул ладонью по столу, так что зазвенела посуда... и громко объявил: «На Красной площади круглей всего земля!» — «Что и требовалось доказать», — засмеялся Пашин отец. «Поехали, земли дорогие. Поехали! — приговаривал дядя, теперь подгоняя их к двери. — Там и для тебя, Костя, новое есть!» — «Да? И что же там новое для меня-то?» — «Манеж!» — «Почему ж новое, — удивился отец, — в Манеже я бывал... э-э-э, да я смотрю, ты нас с Тоней совсем в провинциалы записал дремучие...» — «Нет-нет, — сказал дядя Саня, — ты увидишь, что я имею в виду, поехали, поехали».

Когда Шестопалов-старший узнал, что «новый Манеж» — это всего-навсего подземный торговый центр, он заартачился. «Нет, — сказал

он, — вернёмся лучше на площадь, мы же только заглянули на неё, Пашка ещё ничего и не видел толком... Зачем нам сразу лезть в чрево консьюмеризма, покупки-то мы ещё успеем сделать, а пока пошли гулять...» — «Там такой дизайн! — сказал дядя. — Там такое... подземное царство! А ты что, его в мавзолей хочешь сводить? Павлик, помнишь, как я тебе читал в детстве “Семь подземных королей”? Да там один зал автоматов игровых чего стоит!..»

Услышав про автоматы, Паша вопросительно посмотрел на отца, но тот был непреклонен: «Не полезу, — сказал он, — лучший вид на это вот отсюда. Действительно забавно, гум-цум, перевёрнули вверх тормашками... Но спускаться туда не хочу, увольте, в первый день по магазинам шлёндрачь... Ну что мы, Саня, бабы какие-то, в самом деле? Сколько не виделись, пойдём посидим по-мужски». — «Ну ладно, — уступил дядя, — как хотите. На аркане я вас туда не тяну».

Оказалось, что хоть недавно и ели, все не прочь уже снова «перекусить», а кое-кто и выпить... вот и сели в ближайшей кафешке возле невидимого торгового центра, который над землёй окружало кольцо заведений нового типа общепита...

Ели вроде бы пиццу, и Паша помнил, что пиво называлось «Туборг», и отец просил его попробовать, и он пригубил и скривился и выплюнул на землю, а отец рассмеялся и пожаловался

дяде Сане: «Не любит пиво, дурашка, я думал, может, хотя бы это ему понравится». — «Ну, так и радуйся, что не любит, чудак ты человек!» — сказал дядя Саня.

«Да что ж тут радоваться, один сын... и с тем пива не выпьешь, когда вырастет, — не любит... А это же лучше, чем водку...» — «Вот когда вырастет, тогда и полюбит, увидишь... Не, ну ты чудак-человек... Давай», — у них было «нолито» к пиву по сто, дядя Саня поднял в воздух маленький гранёный стакан: «Я пью за то, — сказал он, — чтобы ты, Костя, в следующий раз, когда приедешь в Москву, не смотрел на ценники, как вот только что ты их штудировал... Ты не обижайся, но я вот за это хочу выпить — такой у меня тост, в первую голову...»

Отец было нахмурился, но потом выпил...

А Паша подумал о том, что это странно: такие лестницы, уходящие под землю... хотя кажется, что они ведут наверх, а это ты стоишь на голове, всё вверх дном... ему хотелось туда, он подумал, не обидится ли отец, если он предложит, чтобы они всё-таки пошли внутрь, дядя Саня его поддержит, вдвоём они отца, может, и уломают...

Но тут как-то всё само собой по-другому решилось: дяде Сане на мобильный позвонил его приятель, оказалось, что его ждут возле гостиницы «Россия». «Это срочно, это по делу, но это минут на двадцать — всех делов-то, не больше...

а вы пока туда пешком пройдёте — через твою любимую площадку, как раз пацан всё рассмотрит, как ты и хотел... Встречаемся у центрального входа в «Россию». Не спешите, если что, я вас там подожду».

Вышло солнце — прежде, чем зайти, — когда они, осмотрев памятник Жукову, а потом ещё какие-то фонтаны, искусственный ручей и царевну-лягушку... пошли к площади, Паша увидел, как солнце вспыхнуло в арке ворот, и от этого ему стало как-то хорошо внутри — он почувствовал, что *попал* наконец в Москву, как вот это солнце — в эту арку, как нитка — в игольное ушко...

При этом ему показалось, что в точности то же самое произошло со всеми вокруг: все стали разом какие-то счастливые, по-хорошему раскованные... Вокруг было много народу, и почему-то в основном молодёжь, многие катились мимо на роликах... Паша подумал: «Наверно, вот так за границей...»

Отцу, кстати говоря, это солнце в воротах... напомнило что-то другое: «Смотри, — сказал он, — это же как древний каменный календарь вроде Стоунхенджа...» — «А по-моему, как Лондон», — сказал Паша, и отец рассмеялся: «Ну при чём тут Лондон, Пашка? Лондон же хмурый и дождливый...» — «Лондон — это так, Лондон — это не Лондон...» — «Ладно, пошли, долдон! Смешной ты, ей-богу, у меня юноша...»

И всё.

Когда они вернулись к Манежной, «другое солнце» — или что-то, что так поразило Пашу, что бы там ни было, — уже зашло-закатилось. То ли за землю, то ли за тучку, но было ещё светло, только начинались сумерки, и они увидели, объезжая Манежную, как на ладони десятки красных машин, оцепление, откуда-то всё это взялось... за те несколько минут, что они ушли оттуда...

Отец и дядя переглянулись, дядя нажал на кнопку, покрутил ручку приёмника, и они услышали «сообщение о взрыве в торговом комплексе “Манеж”».

О масштабах в тот момент почти ничего не сказали, и картинка, которая возникла при этом у Паши в голове, если бы её напечатали на цветном принтере, напоминала бы извержение вулкана, в жерло которого они втроем заглянули за минуту до того, как вулкан проснулся...

«Как раз в игровых автоматах, представляешь», — тихо сказал дядя. «А ты ценники, ценники...» — начал было отец, но продолжать не стал, он не любил говорить банальные вещи...

Полчаса выбирать, куда поехать, выбрать, поехать — как раз туда, куда... «на кудыкину гору», ну да... Очевидно было и то, что если бы не отвлечение отца «к консьюмеризму», взрыв вполне мог задеть их, потому что... Ну да, ну да, игровые автоматы, однорукие бандиты, революционные писатели... Последние, впрочем, мелькнули в сообщениях только на следующий

день, на месте взрыва была найдена записка: «Гамбургер, взорвавшийся в зубах обывателя, — это революционный гамбургер!»

Но ещё через день объявили, что «революционные писатели» не имели к этому прямого отношения, то есть взрыв устроили не они, а только оказались случайно в правильном — для них — месте, в правильное время, то есть сразу после того, как... и вотхватило у кого-то из них ума написать записку и там её бросить... Во всяком случае, так выглядела официальная версия, в которой виновных вообще пока что не было, перст указующий... Ещё не указывал тогда ни на какую сторону света, хотя слово «звери», кажется, Паша слышал уже тогда, сразу после взрыва, ещё в Москве, не от дяди Сани, но где-то рядом с ними... это слово уже ходило, а дядя и отец, слыша его, только мрачнели ещё больше, но никак не комментировали...

Это уже дома, в N-ске, когда донеслась весть о страшном — о втором взрыве, или уже даже о третьем, он слышал, как отец оборвал своего новоиспечённого компаньона на словах: «О, звери лютуют...» — «Это не звери, а люди, — сказал отец, — это уж точно. А вот что за гадина это делает, я не знаю, не знаю...»

Паша помнил, что всё это он слышал на стройке нового магазина, отец и его компаньон Харитонов стояли там, глядя, как рабочие медленно распаковывают и носят какие-то доски,

и ощущение было такое, что не время сейчас это делать, вообще что-то строить... и было странно, мягко говоря, вспоминать... как они выбирали, куда поехать в Москве «в первую голову»...

Ночью Паше примерно тогда же — где-то между вторым и третьим взрывами — приснились игральные автоматы, игровые, старые такие — какие были в городском парке, в ржаво-зелёном павильончике, когда Паша был совсем маленький и они играли там с отцом «в баскетбол»: под прозрачным куполом лежало белое поле, всё в глубоких лунках, как лоток для яиц, и для каждой ячейки там была своя кнопка, которую нужно было достаточно быстро нажать, чтобы мячик стремглав вылетел из ямки и полетел в сторону противника...

А если соперник тебя опережает, то мячик летит в твою сторону, не факт, конечно, что попадает в кольцо, но есть такая вероятность... а если нет, он укладывается в другую лунку, пока один из вас нажатием кнопки снова не вышвыривает его оттуда.

И вот во сне было нечто подобное, только вместо мячика была блестящая пузатая бомба, и целью было не кольцо противника, а просто не дать бомбе залежаться в твоей лунке, пусть она летит куда-то дальше, чтобы там уже реагировали другие: если у них хорошая реакция, полетит и дальше, в другую лунку, если нет, если она задержится... ну, тогда она взорвётся.

Паша вспомнил о «баскетболе», когда увидел на YouTube клип “Bastard” группы Metal on Metal: две женщины азиатского вида играли в настольный теннис лимонкой с выдернутой чекой.

За прозрачным пуленепробиваемым барьером за ними следили глаза жаждущих зрелищ, мимика которых составляла значительную часть клипа — сделанного в формате “Zeitlupe”.

Последние кадры — фонтан крови, заливающей не лица зрителей, как кажется в первое из последних мгновений, а заградительное стекло...

И потом ещё раз вспомнил — уже всё это вместе: и «баскетбол» с бомбой из детского сна, и пинг-понг с гранатой из музыкального видео, когда прочёл о проекте мюнхенского литературного дома — совместно, силами десяти, что ли, писателей, пишущемся в режиме online романе о Мюнхене, над которым построили прозрачный колпак, причём так давно, что жители «Города с сердцем» об этом забыли, пока колпак над ними не начал протекать, а тогда понадобилось послать гонцов из будущего (Мюнхен под колпаком был в 2111 году) — в прошлое, то есть как раз в «наше с вами настоящее», потому что материал колпака был создан здесь и сведения о его составе были только в «патентах» (прочитав это, Паша подумал: «Уж не Ширин ли это там развлекается? Но вряд ли, я ещё могу себе представить, что он подписался бы немецким автором... но сразу двадцатью? Кото-

рые не только названы, кстати, но есть их фотографии, библиографии... нет-нет, на такую мистификацию старик всё же не способен... да и на подобный бред, кстати...»). Почитав немного растущий на глазах читателей «соборный роман», как он его про себя назвал, Паша понял, что это тяжёлый случай. И он бы об этом сразу забыл, мало ли спама в сети... если бы не вспомнил прозрачный же колпак над белым с глубокими лунками игровым полем... а потом ещё этот садистский клип, манежи-арены, железо по стеклу, Metal on Metal и пр.

Всё это было... сиречь проносилось в голове персонажа, гораздо позже, чем первый осмотр квартиры, в которой он всё ещё живёт, кстати...

Но, в отличие от первых месяцев, теперь довольно часто нажимает на кнопку «М», открывает дверь молла своим собственным ключом и каждый раз замирает после этого на несколько секунд, глядя на разом открывающийся за дверью воистину *параллельный* мир.

Собственно, ради этого ощущения он туда поначалу и заглядывал...

Иногда ещё фантазировал при этом — как он обманет автоматику (лифт до открытия и после закрытия молла просто не останавливался на этом этаже — сколько ни жми на кнопку «М»), проникнет в ночной молл и там погуляет среди фиолетовых манекенов, развернув фольгу, раскурит с ними пару шариков гашиша... После чего

он закрывал дверь, возвращался к лифту и ехал дальше вверх или вниз.

Так было и в то утро, в котором мы его чуть не забыли — на балконе, потягивающегося и проносящего несколько раз, как мантру, вслух, парафраз, который и напомнил ему, собственно, о существовании «вытесненного» из сознания центра... куда он сразу же после этого впервые *занырнул*...

И здесь тоже был купол, как в романе о будущем или как в игровом автомате «Баскетбол» из прошлого, если угодно, большой, прозрачный, круглый, из-за этого непонятно было, какой тут свет, неоновый или солнечный... Хотя, если не бредить наяву вместе с группой писателей, сочиняющих роман про Мюнхен под куполом в режиме «реального времени»... то видно было, что купол мал не то что для города, но и для молла, конца и края которому, из этой точки во всяком случае, не было видно, а вот куполу очень даже, он был всего метров сорок-пятьдесят в диаметре, и когда Паша, впервые ступив за порог своей «личной» дверцы не в Детский и не во Взрослый, а просто — Чужой Мир, неуверенно прошёл несколько метров и поднял голову — он увидел над собой ярко-синее небо, и свет вокруг него оказался таким образом «двойким», а соотношение — солнечного к неоновому — менялось с каждым шагом, и это всё в свою очередь... Но стоп, мы кое-что забыли...

Хотя на самом деле не так важно, повлияла ли на Пашино решение осваивать пространство молла короткая записка, полученная им по электронной почте... не подтолкнула ли она его в смежное пространство — при первом её прочтении или при втором пришло решение освоить территорию до приезда гостя, чтобы потом уже показывать со знанием дела...

Хотя что там, казалось бы, показывать, в торговом центре?

Где ещё в такой степени аннулируется пространство и убивается время?

Нигде конечно; молл — это и было то самое *irgendwo im nirgendwo**, плавно перетекавшее в *überall***, — да-да, успехи Паши в немецком к тому моменту приобрели характер резкого скачка, описанного, например, Торнтоном Уайлдером в романе «Теофил Норт». Ну то есть немецкие слова являлись Паше теперь спонтанно и даже без необходимости — «везде расцвёл сплошной цурюк», и Паша Шестопалов шёл, как по доске, по моллу, который бурно праздновал самого себя... и повторял себя бесконечно, был какой-то явный период в этих вывесках, казалось, что это один и тот же фрагмент, один растянутый вдаль очаг потребления, как бы вытянутый курсором тулбар с падающим меню, то есть

* Где-то в нигде (*нем.*).

** Везде (*нем.*).

вывесками, фрактально размножающимися в виде кожаных папок других меню на столиках тех же кафе...

Этот свой первый проход по моллу Паша невольно вспомнил, когда ночью в сентябре в метро на Мариенплац вслед за своим зорким гостем увидел человека, который в буквальном смысле заиклился, попал в бесконечный цикл, — такое бывает, если в операторе «цикл» неправильно указать условие выхода из цикла... То есть дурная бесконечность воочию предстала перед ними — человек был, очевидно, сильно пьян, было три часа ночи, и несколько минут, пока Паша и гость на него смотрели, ожидая эску*, а гость его ещё и снимал при этом на свою камеру, хотя «тут разве что видео... могло бы передать...» — думал Паша, — впрочем, как и в другие такие моменты, когда гость его «останавливал мгновения»... так вот, человек упрямо шёл, сильно сутулясь, вверх по лестнице, идущей вниз, кажется, с закрытыми глазами, но это, по-видимому, не имело большого значения в этом его состоянии, при этом скорость его случайно совпала по величине со скоростью эскалатора и была постоянной, так что в системе координат Паши и его гостя человек шёл на месте, причём по всему было видно, что так происходило уже давно... Пока Паша не подошёл к нему и не увлёк вниз, чем спас от истощения сил.

* S-bahn — городская электричка в Мюнхене.

Однако гость появился позже, мы забежали вперёд... Пока что Паша идёт по моллу, уже просто из интереса: будет всему этому конец или нет.

Но раз уж мы упомянули раньше времени гостя, скажем и то, что накануне этого своего «расширения жизненного пространства» Паша получил СМС.

Или нет, это была не СМС — это был имейл, имя и фамилия отправителя которого вызвали у Паши лёгкий, скажем так, шок.

Ну да, в расширенном адресе он увидел: «Виктор Семёнов», после чего «Семёнов» просто повторялось латиницей, но с уточнением: “tot_semenov”, что на немецком означало «мёртвый», а на русском — «тот самый», ну и потом была «собака» и так далее точка com.

О Викторе Сергеевиче Семёнове мы с Пашей вспоминали ещё в первой главе, и там же говорилось о том, что Семёнов умер... Добавим: был похоронен, так же как и их общий друг Котов... в общем, можно понять, почему Паша не сразу прочёл письмо.

Он хотел было выключить лэптоп и снова включить... «Иногда это помогает...» — подумал он, но передумал, оставил всё как есть и ушёл курить на балкон, откуда, глянув вниз, заметил объявления на столбах, которые попадались ему на глаза последние дни, по дороге с остановки...

Он вспомнил, что там вроде бы говорилось о юбилее молла, какая-то круглая дата. И что?

И в связи с этим какие-то праздничные мероприятия, гуляния-братания — покупателей с продавцами, что ли... И что-то доносилось с утра, музыка, альпийские шлягеры... Но, глядя с балкона вниз на серый асфальт и куски бетона — в самом деле напомнившие ему сейчас разнонаправленные волноломы... а потом на ближнюю дорогу, на столбы с объявлениями... Паша увидел внутренним взором ещё и N-ск перед выборами мэра, на которые пошёл тогда Семёнов, увидел его портрет здесь и там, объявления носили ещё даже не предвыборный, а как бы рутинно-деловой характер: «Депутат городской Думы Семёнов В. С. принимает граждан по всем вопросам, часы приёма...» По всему городу висели, так что и в памяти Семёнов сейчас лучше всего был виден на тех фотографиях, что повсюду висели на столбах... С высоты балкона Паша не мог разглядеть, конечно, содержание здешних листков, кроме того, он смутно помнил, что речь там вроде бы о юбилее... или какой-то другой ерунде... И всё же после получения подобного имейла было странно на них смотреть сверху, они были повсюду, лежали на асфальте, как сброшенные с самолёта листовки, так теперь ему казалось, может быть, он принимал за них разбросанные ветром бесплатные газеты... минуточку-другую, то есть не то чтоб он так ясно видел Семёнова с высоты птичьего полёта, скорее всё-таки вспоминал, да.

Потом он вернулся в комнату, кликнул на последнее «входящее» письмо и прочёл: «Здравствуй! Твой адрес дал мне твой дядюшка. Надеюсь, ты меня помнишь. Мы как-то мило посидели в компании Котова и моего однофамильца, я вот помню... что ещё там были другие известные персонажи N-ска, припоминаю, например, дрессировщика, этого вашего записного-запашного... и какой-то он был к тому же ещё *залётный*... Да и чудный Котов наш был залётным, да... земля пухом. Если ты совсем меня забыл — мы тогда ужасно напились, ужасно... Но потом, кажется, ещё раз встречались в галерее “Октава”, которая, если ты помнишь, была в вашем городке, пока её не разгромили, как я слышал... Так вот: если ты всё ещё не можешь восстановить в памяти мой светлый образ :) — погугли, добавив к моей распространённой фамилии мою ещё более распространённую профессию ;). Надеюсь, однако, что ты всё же меня не забыл. Твой адрес мне дал твой дядя Александр Михайлович, ну да я уже это написал... Он передаёт тебе привет. Дело в том, что я буду в Мюнхене в сентябре, программа довольно-таки плотная, и всё же я рад был бы встретиться с земляком, помянем заодно и моего однофамильца, и Котова конечно. Родился-то я в том же самом N-ске, что и ты, Паша, но в Москву переехал так давно, что некоторые этот факт географии забыли. А можем устроить и фотосессию — можешь при-

гласить и друзей, подруг, с фотографа тогда красное вино и лёгкая закусь. Я, возможно, задержусь после выставки ещё на несколько дней — никогда не был на Октоберфесте, да и в Мюнхене до сих пор (хотя в Германии много раз), и больше всего хочется на Октобер. Ну так как, встретимся? Пиши тогда свой мобильный, землячок, дядя потерял твой номер, а родителей твоих я чего-то беспокоить зря не захотел, привет!»

Паша думал было выпить кофе в Segafredo — чтобы у итальянцев... но там не было нормальных кресел, да и газеты были не те... только AZ* и TZ** там лежали на красных пластиковых столах — таких высоких, что возле них надо было либо стоять, либо сидеть на идиотски высоком пуфике — «хокере»... Паше же хотелось, во-первых, нормально усесться, то есть по возможности вальяжно, да... и во-вторых, полистать субботне-воскресный выпуск SZ***. Отчасти он это делал как упражнение — чтобы продвигаться дальше в немецком... Ну и чтобы кофе был не совсем бурдой, конечно, кафе, по его мнению, должен был быть итальянским... Поэтому он дошёл до

* “Abendzeitung” — вечерняя газета, выходящая в Мюнхене.

** “Tageszeitung” — ежедневная газета, выходящая в Мюнхене.

*** “Süddeutsche Zeitung” — крупнейшая немецкая ежедневная газета с большим отделом культуры.

очередной Little Italy (маленькой Италии), огороженной лёгким штакетником, на этот раз это была gelateria, то есть «кафе-мороженое»... уселся в мягком уголке с пёстрой обивкой, напоминавшей весенний альпийский луг, и заказал себе чашку кофе, после чего пошёл и взял с тёмного деревянного комода, стоявшего рядом со столом для использованной посуды, субботне-воскресный номер SZ, скреплённый огромной деревянной прищепкой с железным крючком на конце, чтобы можно было вешать на стену, — это здесь газеты лежали на комоде, в других же местах висели, причём висели этак лет сто как минимум, потому что Паша недавно видел газету с такой же «прищепкой» на картине Генриха Клея: две ящерицы, или скорее, два ящера, сидящие за столом с подписью «Политики». Саламандры, ну да... и в огне почти не горим... Паша раскрыл было газету, но понял вскоре, что строчки проскальзывают, как будто он читает с айпада, а кто-то стоит у него за плечом и ведёт пальцем вниз... потому что мысли его ещё где-то там, далеко, — где и тот и этот Семёнов, то есть как минимум в «почтовом ящике» лэптопа, оставшемся наверху в пустой квартире...

— А вай-фай у вас есть? — спросил он официанта, который принёс ему чашку кофе, рюмку воды и крошечную овсяную «печенушку», как мысленно назвал её Паша перед тем как отправить в рот.

— Вай? Что-что? — соорстил раздражённую гримасу молодой итальянец с маленькими неприятными глазками и даже как бы такими желтоватыми... клыками, но не страшными — неправильный прикус, не исправленный в детстве, и... не «волчья пасть», но почти — подбородка у него, то есть, почти не было, и всё это делало его всё-таки похожим на мультипликационного вампирчика...

— Ну, ваелесс... коннекшн, — показал жестами Паша.

Официант пожал плечами, сказал «скузи» и исчез. А Паша подумал, что если уж включать, так сказать, весь этот молл... в жилую площадь... то надо бы заказать себе карточку, чтобы можно было сидеть тут где угодно... Задумчиво листая SZ, он наткнулся на статью, которую — единственную — прочитал целиком, несмотря на то что несколько раз повторил при этом слова «марразм» и «идиотизм»... Ну и не понял многих слов, в свою очередь, но это он умел — читать, не зная половины слов, затем он и читал SZ, собственно... незнакомые слова он понимал по смыслу и запоминал (иногда неправильно, но всегда ведь неизбежны некоторые издержки — так он себе говорил), и немецкий словарь его таким образом постоянно расширялся...

В статье же говорилось о том, что некий до-тошный «филателист» подверг анализу марку, которую якобы лизнул, прежде чем наклеить на конверт, Ингмар Бергман, — конверт хранился

в каком-то архиве, и вот анализ ДНК показал, что Бергман — не Бергман, ну да, Бергман против Бергмана... Ну то есть не сын своих родителей, потому что ДНК не совпало с ДНК его сестры и других родственников... которые, впрочем, потопки то есть, категорически отказались давать какие-либо другие конверты и вообще любые вещи из архива, участвовать в этих «расследованиях», и кто теперь даст гарантию, что именно Бергман наклеивал ту марку, а не его секретарь, скажем... Но дело было даже и не в этом — Паша вообще уже давно закрыл газету и отложил на соседний столик, — просто эта странная (хотя на тот день уже и не так чтоб очень странная — это было время лёгкого помешательства на анализах ДНК, о чём подробнее тоже чуть позже) история вызвала в памяти Паши строчки Бродского, которые он перечитывал много раз, пока «куковал» один дома у Шириных, — в первый же раз, когда он открыл том собрания сочинений, ему бросилось в глаза название «Новая жизнь», и он невольно — перечитав несколько раз — запомнил стихотворение наизусть и сейчас вспомнил, прочитав о «марке Бергмана» и пообщавшись с «тем» Семёновым: «...да и глянца в чертах твоих хватит уже, чтобы с той стороны черкнуть “привет” и приклеить марку...»

«Привет», вот именно, привет... Да, он посмотрел в Интернете, конечно... Он слышал об этом Семёнове, не мог не слышать, знаменитый

земляк... Просто однофамилец и жизнетворец Паше был настолько ближе, что полностью вытеснил из головы фотографа... И ещё странно было, что первое, что возникло в голове после того, как Паша получил мейл, были как раз фотографии... Семёнова на столбах... или уже не странно... А потом уже Паша смотрел фотографии другого Семёнова, которые выдавал поисковик и среди которых были как портреты именитого фотохудожника, так и его работы, и там, среди работ, он увидел серию «Братские могилы», а среди фотографий серии — фото памятника, на котором были высечены... или выскоблены, на мраморе, две фигуры в полный рост с одинаковыми фамилиями... Но эти-то были явно не однофамильцы, а братья... два родных брата, да... были изображены в полный рост на одном широком памятнике: Пётр и Глеб, Пётр и Глеб, Пётр и Глеб, Пётр и Глеб — Сальниковы.

Может быть, всё-таки дело было в их именах, может быть, если бы имена были другие, у Паши не было этого наваждения: что это те самые... которых он запер на кухне бара, в котором он сам с тех пор ни разу не побывал, в который уговорил-таки заглянуть Ширина — на кухню, ну да... и Ширин никого там не нашёл и вообще ничего о них не услышал, что было теперь и не так удивительно — как всё остальное, потому что вот они где, оказывается, Глеб и Пётр, Пётр и Глеб...

Он быстро написал Семёнову ответ — что будет рад, тра-та-та, почтёт за честь и всё такое... Но при этом спросил о памятнике Петру и Глебу и ещё зачем-то перевёл приставку в электронном адресе — “tot” и, уже отправив письмо, подумал, что вот это было лишнее.

Через минуту пришёл ответ, в «теме» которого стояло: «Привет с того света!»

«Ничего странного, — писал Семёнов, — подробности ты мне расскажешь при встрече, если захочешь, что там у тебя было с этими пацанами... Но это не так важно, слушай меня и не бери себе ничего такого в голову, я уверен, что Мюнхен, Паша, это не Сан-Франциско, где, как писал классик, можно встретить пропавших по другую сторону океана людей. После той фотосессии на кладбище в городе Ч. я долго голосовал на дороге, пока кому-то не оказалось со мной по пути, чисто бомбил там не было, они туда не заезжают, редко... А в тачках, которые останавливались, были те же самые братки, которых я только что видел — чьи изображения я переснимал с памятников. Жаль только, что они — те, что были в машинах, — плохо реагировали на камеру, поэтому предъявить снимки не могу, но ты уж мне поверь: в машинах были те же самые братки».

«Да, и помимо этого потустороннего КВНа по электронной почте, — думал Паша, сидя в том же кафе, — с тех пор прошло больше года, видел

я их совсем недолго, так что ничего удивительного, обознался, как говорится, богатыми будете... хотя они вроде бы уже и так были ничего — пели про Гибралтар, про хуё-моё...»

Подошедший официант взял его пустую чашку, поставил на поднос и опереточно-сладким голоском спросил, понравился ли Паше кофе.

— Да, — сказал Паша, — я вообще кофе только у вас и пью.

— А я тебя у нас никогда не видел, — сказал официант.

— Ну, у итальянцев.

— А, ну и дурак, — сказал официант, — этот кофе ничего не имеет общего с тем, что мы пьём в Италии.

Паша удивлённо уставился на официанта — с таким обращением он ещё не сталкивался... в общем-то нигде.

— А я уже тут не работаю! — сказал официант. — Меня уже тут нет! Последний день! Я уезжаю в Рим! Если бы я это не сделал, я бы сошёл с ума в этой проклятой стране! Ты знаешь, что я тут уже стал импотентом?!

— Нет, — сказал Паша, вжимаясь спиной невольно в мягкую спинку диванчика, — откуда я могу это знать?

— Так вот, знай! Это — мёртвое место, нечего тут делать живым людям!

— О'кей, — кивнул Паша, — я уже понял, это сегодня такой лейтмотив...

— Чего-чего? Может, ты имеешь в виду юбилей?

— Да это я не вам... то есть...

— А, так ты уже тоже с приветом. Добро пожаловать в наш клуб! Ха-ха... Говорю тебе: людям здесь нечего делать, отсюда надо смываться... Ещё этот чёртов юбилей молла придумали, слышишь? «Тридцать лет рассекая волны!» И так будет целый день, эта дьявольская музыка, слава богу, что это последний мой день здесь...

— Так-таки юбилей? — сказал Паша. — Я что-то видел в объявлениях, краем глаза... Молл-именинник...

— Вот-вот, и будь он трижды проклят, этот молл...

— Ну-ну, — потише сказал Паша, — я тут живу...

— Ах, так ты тут ещё и живёшь... — официант понимающе кивнул головой вверх, — недавно, наверно, иначе я бы тебя запомнил.

— Я просто не спускался сюда, пропускал всегда ваш этаж... Ну да, вообще-то не так давно, меньше года... А что, ты помнишь всех посетителей? Мне это интересно, я как раз размышлял о памяти на лица.

— Ты странный какой-то. Конечно, не всех.

Официант снял фартук и сел за Пашин столик, и похоже было, что он не соврал: судя по всему, рабочий день его был последним... Впрочем, день ведь ещё не кончился?

Паша не преминул об этом спросить.

— А, плевать, — сказал итальянец и показал всему моллу средний палец — обведя по кругу, — считай, что у меня пересменка.

— Да мне-то что считать, — сказал Паша, — мне-то всё равно... Но почему вы не делаете здесь такой кофе, как там?

— А зачем? Они и этот выпьют. И ты вот выпил. Они не чувствуют вкуса. Они вообще не люди, понимаешь? — сказал он, снова обводя рукой пространство, теперь уже без «пальца».

— Зачем тогда ты здесь живёшь?

— А ты зачем?

— Я-то не говорю, что они не люди...

— А я от армии спасаюсь... Не хотелось в армии служить, вот отец и позвонил родственникам, те ещё более дальним, и переправили меня — по цепочке. Эти — владельцы, почти не родственники, седьмая вода на киселе... Мороженое — это исторический наш бизнес в Германии, итальянский, национальный... Вот и вся история, дружище.

— А что, так плохо в Италии в армии? — поинтересовался Паша.

— Я не знаю, я там не был. Но я не могу спать в одной комнате с двадцатью чужими людьми... Не могу, и всё! — услышав это, Паша подумал, что надо перестать повторять за маклершей эти слова про молл, часть квартиры... чтобы лучше спать... впрочем, ночью молл пуст... — Так вот, знай, — говорил тем временем бывший

официант, — в Италии в автомате эспрессо в тысячу раз лучше, чем здесь в лучшем ресторане... А почему — я и сам не знаю. Ну, не со зла мы так делаем, ну я не знаю, почему... Вода другая, наверно.

— Вода, — удивился Паша, — те же Альпы, только с другой стороны стекает...

— Те да не те... Вот проедь на юг три часа, зайди в первое же итальянское кафе, выпей кофе — и сразу всё поймёшь — про вкус... Да, я думаю, дело всё-таки в воде, у нас кофе хороший, у варваров — пиво... Вода. Да, она виновата... Скузи, — сказал он, после чего встал, нацепил фартук и быстро пошёл к раздаче.

Паша тоже встал, вышел за оградку кафе и пошёл дальше по прямой широкой улице без неба (купол остался далеко позади), туда, где раздавалась оглушительная попса и над толпой возвышался гигантский торт.

Если это всё можно было назвать отдельным городом — а почему бы и нет (была ведь там ещё как минимум одна улица, перпендикулярная «авеню», по которой шёл Паша), — то впереди была центральная городская площадь — на которой стоял торт...

Точно такой, как во всех этих старых гангстерских фильмах, где оттуда — из-под двойного дна и обычно на дне рождения любимого дядюшки — выскакивал, как из табакерки, чёртик с автоматиком и делал «пиф-паф-ой-ой-ой».

Только этот был побольше, и в нём мог бы поместиться не один гангстер, а целый взвод какой-нибудь каморры... И к этому торту не надо было подходить вплотную, чтобы понять, что он не сладкий... что он вообще бутафорский, из какого-то материала вроде пластика, полый внутри, что не обязательно означало, что там сидят автоматчики, конечно, но что-то такое тревожное витало в воздухе, Паша это чувствовал, снова мелькнул Манеж-99... но дело было не только в детском воспоминании, ещё до того, как он выиграл главный приз — розовый «гутшайн», то есть чек на сумму 530 евро, который можно было отоварить только в этом молле, разумеется... Так вот, ещё перед тем как он, просто ради прикола, решил поучаствовать в розыгрыше, постоял в очереди и прошёл в нишу... Паша что-то чувствовал, какое-то неслышное дребезжание пространства, — оно «фонило»...

А в торте была ниша, да, как бы отрезанный от него ломоть, в полутёмной глубине мерцал пульт с кнопками, и надо было набрать последовательность из четырёх цифр, после чего торт медленно поворачивался на 360 градусов. Это должно было напоминать о рулетке, наверно, а так в этом вращении не было никакой надобности, просто если цифры совпадали, высокая черноволосая девица в красном сарафане громко объявляла об этом, глянув на какой-то экранчик.

Розыгрыши были щедрыми — даже угадавшему всего одну циферку что-то да вручалось, чек на пять евро — можно шампунь купить, например, и — гуляй, рванина... Но Паша — набрав недолго думая «1, 2, 3, 4, 5», приговаривая «вышел зайчик погулять», — выиграл главный приз, и вот в этот самый момент — когда девушка в красном сарафане, белой блузке и высоких чёрных сапожках произносила «сенсационную» новость — в микрофон, нарастающим, как у диктора за кадром ток-шоу, голосом, каким объявляют выход популярного телеведущего...

Таким примерно, да... И в этот момент Паша не то чтобы потерял связь с реальностью — это от чека-то на пять сотен? Нет, конечно, и даже смешно ему было бы такое наше предположение... Хотя помимо этого неожиданного, идиотски-сумасшедшего какого-то выигрыша была ведь ещё эта толпа вокруг, а у Паши был, был этот самый «сценический синдром», который мы упоминали в самом начале, — и странно, что тоже ведь во время обряда его *одевания*... ну да, и был ведь тогда уже этот портал, где натуралы привыкали к виртуальной реальности, и Паша туда заглядывал пару раз, он давно забыл свой тамошний пароль, своего тамошнего, наспех сшитого, аватара, и даже как тот выглядел, он теперь уже помнил смутно... Но молл показался ему вдруг в этот момент куском внутреннего пространства того самого secondlife.com... При этом

девушка — в ярко-красном сарафане и с чёрными, как смоль, похожими на парик, волосами... вдруг оказалась по эту сторону, то есть с той же стороны, где был он сам, Шестопалов, она была там реально — до корней волос...

Впоследствии она скажет в один прекрасный момент — когда он будет гладить эти волосы, — что ей кажется, будто он не только из-за них её... но вообще — *только* их и любит, — скажет она... а раз так — добавит: «Я оставлю тебе их на такой ручке — как от швабры... а сама улечу!»

Сказано — сделано. Только вот волосы тоже теперь парят где-то там, как крылья... Где?

Так как они не были париком, то, вероятно, вместе с ней... Вернёмся туда, где Паша ещё принимает из её рук длинный розовый конверт, звучит какой-то марш или дурацкий туш, люди вокруг пластмассового торта хлопают в ладоши, как будто Паша и девушка в красном сарафане только что разыграли перед ними спектакль — в пору отвешивать поклоны...

Вот она наклонилась к его уху — Паша даже подумал, что она хочет его поцеловать, но нет, она говорит: «Привет, сосед!» («Халло, нахбар!»)

«А разве мы соседи?» — спрашивает Паша.

«Ты что, меня не заметил ни разу? Я живу на шестом этаже!»

Паша ей не верит, он думает, что это розыгрыш в розыгрыше...

Но и это ещё не всё, степенной ряд розыгрышей на этом не заканчивается, нет. «Это было только начало», — сказал Паша Ширину на его (Ширина) дне рождения.

Ширин в тот момент был уже сильно пьян, иначе вряд ли он, при всей своей склонности к «шампанскому остроумию»... прервал бы Пашу в таком месте — когда начались откровенности, чего раньше никогда не было... и начал рассказывать очередной анекдот.

«Розыгрыш лотереи в синагоге... вручают третий приз — магнитофон... а у Рабиновича записка с надписью “второй приз” — он её вытянул из шляпы... он думает: “Наверно, телевизор... первый приз — машина, надо полагать, а второй тогда — цветной телевизор, не меньше...” Его зовут, он поднимается на сцену и там ему вручают... какой-то кусок мятой ткани, какую-то серую тряпку... Рабинович поражённо лепечет: “Что это?..” “Это, — говорят ему, — шарфик, который собственноручно связала жена нашего раввина!” У Рабиновича невольно вырывается: “Да е... я жену вашего раввина!” — “Нет-нет, — говорит ведущий, — это первый приз!”»

— Ну что, — сказал, смеясь, Ширин, — так у тебя примерно такой розыгрыш, я угадал?

— Нет, — сказал Паша, — нет-нет, всё по-другому, как-нибудь в другой раз расскажу, сейчас ты не в том настроении...

— Да почему же не в том? — сказал Лев.

— Потому что ты меня будешь всё время прерывать — анекдотами.

— Я?! Да я вообще тебе никогда больше ни одного анекдота не расскажу... Вот это был последний! — и Лев захохотал, но потом как-то вдруг весь разом замолчал и стал серьёзным... как будто он только играл до этого роль пьяненького на сцене или в силу каких-то других обстоятельств — как разведчики в чёрно-белых фильмах...

— Да, — согласился он с Пашей, который не преминул ему сообщить о своём наблюдении, — только так всегда, с того самого дня, как я родился: я играю эту роль, Льва Ширина, ну да... В общем, рассказывай, — он при этом увлёк Пашу за собой в другую комнату, где не было гостей, прихватив виски...

— Да в том-то и дело, что рассказывать нечего... Ну, если коротко: мы, как бы сказать, *встречаемся* уже целых три месяца и...»ничего, и она каждый раз ускользала из рук, как уж, и я...

— Ох уж мне эти ужимки и прыжки! — погрозил пальцем Ширин. — Ну что ж, хоть не гадюка... А то пригреешь на груди, понимаешь...

— Ты обещал не прерывать.

— При чём тут, это что тебе — анекдот? Ладно, оставим и прибаутки... до лучших времён. Дальше что.

— А теперь я уже и не пытаюсь, то есть я как бы смирился с чистым платонизмом. При этом она заходит ко мне едва ли не каждый вечер...

При этом к себе она не пускает никогда, я не то чтобы навязывался, но... Я ни разу у неё не был. Как-то странно, нет?

— Ну, не так уж и странно, — пожал плечами Лев, — обычное «динамо», проходили... И торт этот, ты говоришь, у неё, того, вращался... торты, дары, тартарары, тарарабумбия, бубмараш, в общем... ладно, это я таки спьяну каламбурю, не обращай внимания... Да нет, если серьёзно: говорю тебе, типичное «динамо».

— Нет, Лев, не типичное. Я что её, по кабакам вожу? Нет. Она, наоборот, никуда не хочет идти, говорит, что за день так надоедают люди — она же в молле работает, эти толпы, море людей... что вечером ей хочется просто сидеть дома, и всё. Но у себя в квартире ей не сидится, при этом в том, что она просто боится одиночества, она не хочет признаваться и вот придумала себе — афорофобию. Представь, для неё слишком много пространства в квартире — точно такой, как у меня, да к тому же, по её же словам, ещё и заставленной ящиками, потому что это одновременно и склад.

— Чего склад?

— Ну какой-то фигни... Склад сувенирной лавки, в которой она там внизу работает, то есть используют всё по полной, и работницу, и помещение... Таких квартир-складов в моём доме, как оказалось, немерено, я это ещё раньше понял, до того, как познакомился с Деджэной, встречал

в коридоре и в лифте соседок с тележками... полными товаров народного потребления.

— А при чём тут агорафобия? Если бы у неё была агорафобия, так она не могла бы в этот молл вообще заходить — агорафобия была у тебя скорее, кстати, поначалу, как ты мне докладывал, но потом ты её преодолел... А «слишком большая для одной квартира» — это не агорафобия, Паша.

— Так я и говорю, что она её выдумала! Ну, неважно, какая-то фобия, она этим как бы оправдывает своё желание сидеть по вечерам не у себя, а у меня. Но дальше — никакой близости, часто она вот именно просто сидит часами на балконе и смотрит в эту Grauzone, которая у меня там простирается, ты знаешь, ты видел... Неподвижно сидит и смотрит. Как истукан. А я в комнате с ноутбуком... Иногда мы меняемся местами. В комнате она сидит на полу и смотрит в стену... Может часами так сидеть... Поначалу я усаживался рядом, клал руку ей на плечи, но нет — она её всегда убирала. «Не сейчас, не теперь», «сейчас я не могу», «как-нибудь», «в следующий раз»... Просто так сидит, и всё. Ну, или мы сидим вместе за столом, что-то жуём, но это же сравнительно недолго... длится. По сравнению с этим молчанием.

— М-да... Она хоть готовит?

— Нет. Едим полуфабрикаты, разогреваем в микроволновке.

— Ну, тогда точно гони её! На фиг она нужна? Это же жуть какая-то, то, что ты рассказываешь...

— Да-да, просто «Солярис», я недавно её выставил, можно сказать, за дверь. И даже посадил её в лифт. И даже сам туда сел — попрощался с ней на её шестом, поехал вниз, просто так пройтись, я недавно обнаружил, что маклерша не врала, и неподалёку внутри серой... действительно есть зелёная зона, просто она не видна с балкона, она в другой стороне, и в ней синяя зона — озеро то есть... Но так далеко я в тот вечер не пошёл, думал было поехать в город, куда-нибудь завезься, какой-нибудь пик-ап... Но почему-то вернулся — а там она сидит.

— У неё что, и ключ уже есть от твоей квартиры?

— Нет! Но она мне так в тот раз забила мозги, что я забыл захлопнуть дверь... Наверно, я не думал выходить из дому, только проводить её до лифта... Но потом почувствовал, что даже в разных квартирах мы в одном доме. Притом в странном, где ключ от квартиры открывает и весь этот молл... и я, очевидно, решил побыть подальше от всего этого... Но куда ж ты денешься с подлодки... Дверь, короче, не захлопнул, а она это заметила, вернулась.

— А чем она забила тебе мозги? Ты же говоришь, она тихая, молчит?

— Тихая, да. Но от этой её тишины можно с ума сойти. А в тот раз она ещё и несла всякую чушь...

— А именно?

— Да ничего нового, смесь бытовой конспирологии...

— И антисемитизма?

— Да нет...

— Говори-говори, ты же знаешь, что я не антиантисемит, — улыбнулся Лев, — потому что у меня есть друзья антисемиты.

— Да говорю тебе, нет... Ну, может быть, она до этого просто не успела прийти, я её прервал, это было неинтересно, всё пережёванное тысячу раз всемирным троллем... Честно говоря, я был разочарован: зная её историю, я думал, что в голове у неё что-то другое, я как бы мифологизировал её внутренний мир, подставлял туда разные фигуры — в её молчание.

— Напомни, что за история?

— Я тебе уже говорил, у неё была совсем другая жизнь, не здесь, в Нью-Йорке... На YouTube, если набрать её тогдашнее имя, которое я тебе тоже говорил, увидишь кучу клипов, вполне качественная попса... Недолго, поток наркотиков... Она говорит, что реально сошла с ума. Сбежала оттуда, лечилась в клинике, агорафобия или что там у неё — это сухой остаток... Но к этому, к сожалению, примешивается и другая фобия...

— Ну, может, и в самом деле что-то... скажем, вагинизм?

— Не знаю. Вообще, Лев, я иногда боюсь, мне кажется, у неё бывают такие... приступы отчуждения от собственного тела... Она показывает

мне руку, нормальную руку, ничего там нет такого... и говорит: «У меня мужские руки, правда?»

— Она что, очень мускулистая, перекачалась в фитнесах?

— Да говорю тебе, нет. Ну, жилы видны, да... Не так, как у моей мамы.

— При чём здесь твоя мама?

— У моей мамы были очень «плохие вены», и это едва не стоило ей жизни во время родов, она потеряла много крови, а врачи никак не могли попасть иглой в вену... Говорит, что если бы не одна старая фельдшерица, которую отыскивали срочно, родился бы я без матери на свет... Вот, а у Деджэны с этим проблем нет — вены видны... Но что здесь мужского, скажи? У неё прекрасная фигура, правда, и тут... она говорит, что до лечения она была совсем другая: красивая... От медикаментов якобы поправилась... Но по мне, она и сейчас очень даже... Ты увидишь... Ну всё, я больше не буду о ней. Как-нибудь познакомлю. Кстати, её ничуть не смущает, если у меня кто-то есть, даже если я привёл или вызвал девушку. Я открываю дверь, говорю ей об этом, и она уходит с гораздо большим сожалением, чем если я просто так ей в какой-то вечер даю от ворот поворот... Ну всё, хватит о ней. Может быть, я тебя попрошу на неё взглянуть, даже не у меня в квартире, а в её лавке, внизу, если тебя всё равно занесёт в молл за покупками, заглянешь? Скажешь мне тогда всё, что ты думаешь.

— Паша, вряд ли меня туда занесёт днём, когда ты на работе, да и я теперь — в связи с моей новой работой — редко буду сидеть без дела... Если я и заеду, то к тебе в гости, а тогда молл не работает. Разве что я застаю её у тебя... Но что-то мне подсказывает, что ты находишься близко к концу этой истории... Да и хватит уже меня грузить, слышишь, использовать как частного детектива, ты ведь не знаешь, что...

Тут Лев замолчал, подумав: «А хочу ли я рассказывать Паше об этом? Дело даже не в том, что с его ауристостью... Лиля, паче чаяния, что-то такое прочтёт у него на лбу... Дело не в том... Просто мне не хочется об этом говорить ни с кем, и с Пашей в том числе...» — и Ширин промолчал, а Паша, погружённый в себя, как бы и не заметил, что собеседник проглотил слова, во всяком случае, не стал переспрашивать.

— Так что на этот раз я пас, дружище, — сказал Лев, — могу тебе рассказать анекдот, который ты мне навеял своим рассказом, мол, Манхэттен, молл, «таинственная незнакомка», пуф за окном, ріраро, просто всё это сложилось, как дважды два...

— То есть умножилось... Ты как будто сам их приумножаешь-сочиняешь, — улыбнулся Паша.

— Да нет, что вы, что вы... Известно же, что их придумывают инопланетяне, внедряют к нам в подсознание... Так вот, стало быть, анекдот, к слову... Человек сидит в баре на Манхэттене,

одинок скучает, мимо проходит девушка невъенной красоты, он, что называется, чуть не сворачивает себе шею. К нему подходит некий хлыщ, подмигивает и говорит: «Это вполне реально и совсем не дорого». Парень не верит. Но хлыщ убеждает его просто подойти к девушке поближе... Парень подходит, и та ему сразу же сообщает: «Ручная работа — 50 баксов». Он стоит и тупо смотрит на неё, просто всё ещё не веря, что такая красота может быть фор селл... А она истолковывает его колебания иначе. «Тебе нравится этот бар?» — спрашивает она. «Да», — отвечает парень. «Так вот, знай, что он принадлежит мне. И куплен за деньги, которые я заработала исключительно ручной работой. Так что поверь мне: это того стоит».

Через неделю паренёк приходит снова в тот бар, в какой-то момент к нему подходит та же самая девушка и говорит: «А не хочешь теперь попробовать мой блоуджоб? Всего за сто баксов». Парень смотрит на неё в растерянности, то, что было неделю назад, ему очень понравилось, но он всё ещё не может свыкнуться с мыслью, что это так доступно... «Ты знаешь, — говорит она, — что мне принадлежит не только этот бар, но и все этажи этого дома? Да, это мой доходный дом, и да будет тебе известно: я заработала его исключительно с помощью блоуджоб. Так что поверь: оно того стоит». Ещё через неделю парень сидит в баре, и когда появляется

эта девушка, он думает: «Всё это было прекрасно... но какое же это, наверно, будет райское удовольствие — трахнуть её по-настоящему?» Он подходит к ней и спрашивает, что будет стоить, если сделать это в пусси. «Пойдём, — говорит она, — я тебе что-то покажу». Она ведёт его к двери, предлагает выйти, оба выходят на улицу, она указывает рукой — вид на ночной Манхэттен... Парень в шоке, он лепечет: «Ты хочешь сказать, что...» «Я хочу сказать, — говорит она, — что если бы у меня была пусси, я давно уже купила бы весь Манхэттен».

Оба смеялись, а потом Лев недолго кашлял то ли от смеха, то ли от виски, которым он, смеясь, запил свой анекдот, после чего Паша сказал:

— Смешно, да. Но цель инопланетян не выполнена — моя гомофобия только усилилась.

— При чём тут гомофобия? — удивился Лев. — Этот анекдот я просто не мог не вспомнить после твоего рассказа, мне кажется, ещё до того, как ты упомянул её мужские руки, вся эта ситуация с моллом, который как бы является частью её квартиры...

— Точно так же, как и моей квартиры... И ты меня невнимательно слушал, Лев, я не говорил, что у неё мужские руки, я говорил, что ей кажется, что у неё мужские руки. Мне так *не* кажется, но она говорит, что один её прошлый приятель об этом то ли говорил, то ли думал, — ей же кажется ещё и то, что она читает мысли... Что он

так думал, когда смотрел на её руки... При этом её фройнд был звездой шоу-бизнеса, в отличие от неё, не погасшей, да и совсем другой — первой, то есть, величины.

— А кто?

— Неважно... Ну то есть она просила вот это уже вообще никому не говорить.

— Всё загадки... Прямо Роми Хаг какая-то...

— Да нет, это только её измены... Не знаю, может быть, под влиянием этого её взгляда на свои руки — если она не смотрит на стенку, то смотрит на них... Но в то же время я не могу сказать, что она с приветом, ты понимаешь?

— Ну да, и ты хочешь, чтобы это сказал я, — улыбнулся Лев. — Но если я, братец, ещё могу представить себя в качестве частного детектива — с твоей лёгкой руки, кстати говоря... То уж психиатром — уволь. Я человек старой формации, у меня с этим чётко ассоциируется советская карательная...

— Ладно, увольняю, — усмехнулся Паша, — как-нибудь уж сам разберусь.

— Тебе надо отвлечься, — сказал Лев, — однозначно. Пойдём, там должны были прийти ещё гости, которых ты не знаешь, причём гораздо ближе... к твоей возрастной группе, а может быть... и целевой? — и он увлёк Пашу за собой обратно в гостиную, где в самом деле было теперь ещё более многолюдно, чем раньше, новые лица... На него поглядели три девушки, и одна

ему в первый момент тоже глянулась, но после нескольких слов, которыми они перебросились, он понял, что она пуста ещё в большей степени, чем две её постоянно хохочущие подружки...

Не говоря уже о том, что у всех у них были «фройнды», один немецкий, другой русский, третий — у той, что глянулась, — неизвестно какой, но с кем-то же она всё время обменивалась эсэмэсками, а когда алкоголь в её голове перешёл какую-то красную отметку, стала хохотать даже громче, чем её «простейшие», как она успела их ему назвать на ушко, спутницы... Паша подумал: «У меня вообще какая-то аллергия на женский смех, может быть, они и не виноваты, это уже у меня такая... слабая психика... “В поисках грустной беби”... Хотя у меня уже есть одна... но беби ли или бамби...»

Он очень удивился вопросу Лили Шириной, прервавшему его мысли в этот момент: «Тебе нравится Наташа? — тихонько сказала Лиля, беря его за руку. — Признайся!» — «Не в чем мне признаваться, — так же тихо сказал Паша, — разве что... Мне кажется, она не та, за кого себя выдаёт». — «В каком смысле?» — удивилась Лиля. Сделала она это, быть может, и чересчур громко, но вот в том, что его слова, равно как и Лилин вопрос перед этим, гостя не могла услышать, — в этом Паша был уверен, да... Поэтому когда броуновское движение свело молекулы в одном углу гостиной, где они какое-то время просто стояли ря-

дом и смотрели очередной номер «капустника», который приготовили для Льва старые друзья, — на этот раз что-то между бардовской песней и «датским» рэпом... Паша и Наташа рассеянно слушали, думая каждый о своём, случайно стоя рядом и попивая каждый своё, как вдруг... Паша, машинально глянув на свою соседку, вдруг встретился с ней глазами и услышал: «Не приставай ко мне. Ты для меня маленький и вообще... не в моём вкусе — у меня на тебя не стоит!»

Что это? Мой твоя не понима... Паша хотел покрутить пальцем у виска... но вместо этого просто пожал плечами и протиснулся подальше в сторону... Но сразу уходить с дня рождения (хотя перед этим он и собирался «раньше отпроситься», чувствуя усталость и плохую свою совместимость в данный момент с этими бравыми людьми... ну да, что-то вроде социопатии...) он не стал, сказав себе: «Не знаю, кто она... Может быть, феминистка... Хотя это вроде бы уже и не модно, а у наших русских фемин... и не было никогда... Или просто дура... Но я уж точно не кисейная барышня, так чего я буду сразу убегать, как маленький мальчик»... Мальчики-девочки — всё это не то чтобы смешалось в тот момент у него в голове, но обрывки разговора со Львом, его очередных «фирменных анекдотов»... И собственные слова — которые он сказал Лиле: «Она не та, за кого себя...» — ясно, что всё это создало удивительную... подкладку, благодаря кото-

рой этот выпад её рапиры... казался особенно смехотворным, абсолютно не воспринимался как укол и кроме как о её дурусти вообще ничего не сообщал (а о том, что там у неё стоит — не стоит, Паша не думал — точно так же, как и Лев своей «притчей» не навёл на него никаких трансподозрений — по отношению к Деджэне... ему скорее было забавно, как это всё происходит, сам механизм — тэги по теме, что-то вроде телепатической игры в испорченный телефон, без провода и без провайдера), и, кажется, она сама это поняла в какой-то момент, когда они уже были на улице — нет, не они вдвоём, а все вместе — гости вывалились в какой-то момент из квартиры на улицу, ещё было светло, и все собирались вернуться после этого к Шириным, вышли же подышать воздухом, побренчать среди листвы на гитарах, чьи-то дети при этом ещё запускали змея малиново-зелёной окраски, — и вот когда этот змей поднялся в воздух и все, задрав головы, следили за его порывистым полётом, Паша услышал, как Наташа говорит, глядя в небо, но обращаясь явно к нему...

— Слушай, прости, что я лягнула. Я пьяная, к тому же перед этим выпила какую-то таблетку... то ли спид, то ли экстази...

— Да ничего страшного, — сказал Паша, — лучше не мешать, конечно. И не забывать про презервативы — чтобы потом не пить *от* СПИДа... Но если таблетка, то скорее экстази, что даже не-

много странно, потому что в принципе они действуют с точностью до наоборот...

— В каком смысле? — поинтересовался Наташа, сделав такое движение головой, как будто у неё там была вода — в ухе и она хотела её выплеснуть...

— Да ни в каком, — сказал Паша, который понял, что ему совершенно не хочется поддерживать этот разговор, — пока-пока.

И он ушёл с поляны по-английски, что часто делал в юности, но потом это прошло, он всегда прощался, когда уходил, но тут ушёл, как в юности, тихо, незаметно улизнул, чтобы не бросаться в глаза, пошёл в другую сторону, то есть не к дому Шириных, а в противоположную.

Парки несколько раз переходили один в другой — разделённые узкими, как бы просёлочными, дорогами, казалось, им не будет конца, как тому моллу, можно было, конечно, просто пойти в перпендикулярном направлении, но Паше хотелось пройтись, он подумал, что это альтернатива — зелёное прямоугольное насаждение, пусть и такое же зацикленное и повторяющее само себя... И что как только он немножко встанет на ноги, он обязательно снимет другую квартиру, и не в том дело, чтобы большую... а чтобы вот такие парки были там внизу, листья, травы, а не неоновый молл и асфальтобетон...

И снова за парком оказался такой же парк, один к одному, и Паше показалось, что он ходит

по кругу, но нет ведь, он шёл всё время прямо и прямо... Как будто отпер ключиком другую дверь — от бесконечного личного скверика.

Вспомнилась песенка кого-то из ширинских друзей с каэспэшным прошлым...

Как будто бы белка в раскрученной клетке,
Я неподвижен, но катится путь.
С годами себя всё трудней обмануть,
И боль не проходит от старой таблетки.

Потом от этой «таблетки», что ли, в голове снова мелькнули обрывки сегодняшних разговоров, странное — «несговаривающееся» — пересечение этих множеств, в очередной раз вспомнился старый телефон — с диском, испорченный в другом смысле — не игры, хотя там тоже была игра своего рода... Кома на дне рождения не была, она в отпуске, кажется, в Израиле, Эйлат... Да если бы и была, так что? Это всё уже в прошлом, то есть примерно там же, где телефон, по которому нельзя никуда позвонить, и, однако же, вот он, вращается, прозрачный диск на зелёном фоне, белая пуговка в центре... «Кошки — это телефоны», — вспомнил Паша и подумал, что довольно точно... вот только в этом городе совсем нет кошек... То есть их не видно, они все сидят по домам, не воют в марте, все кастрированы и/или стерилизованы — по крайней мере, у всех знакомых и друзей Шириных... Нет, они уже не

могут быть телефонами — те кошки остались в памяти, как и тот, с вращающимся диском... те появляются внезапно, перебегают перед тобой дорогу или останавливаются, поворачивают к тебе мордочку, глаза вспыхивают, если это ночью, и в любом случае ты получаешь *сообщение*. «Завести, что ли, себе кошку? Да нет, при моём образе жизни она будет несчастной... И потом, её стерилизовать, иначе, говорят, будет ещё несчастней... И потом — суп с котом, у меня и так уже есть Деджэна... а белки и так вон бегают, и вон, вне колеса...»

Она постучала — вот именно постучала в его дверь, может быть, потому, что звонок он мог проигнорировать, хотя он был и громче, чем стук, но в такое время — уже было далеко за час ночи — она к нему раньше всё-таки не заходила, максимум до часа она могла у него засидеться, если завтра было воскресеньем... Так что стуком она дала знать, во-первых, что это не с улицы звонят в домофон, что кто-то стоит непосредственно перед его дверью... И во-вторых, она этим не давала сразу узнать, что это она, потому что раньше никогда не стучала, пользовалась звонком, ну потом могла ещё нетерпеливо поцарапать дверь... А стук — это неизвестно кто... это могло быть что-то сверхординарное, мало ли что... Но в глазке он её сразу увидел — свет в коридоре горел и ночью... Она вошла и впервые дала ему сделать с ней всё... «И всё это только

для того, чтобы не прогонял её обратно в её квартиру?» — так он подумал, но позже, конечно, не тогда, нет-нет... «Она могла бы купить Манхэттен», — думал он тогда, лёжа на полу возле открытой балконной двери и беззвучно смеясь на её вопросительный кивок — как будто она не могла до конца читать его мысли в силу какой-то телепатической близорукости, видела их, но неразборчиво... «Если ещё не купила», — подумал Паша и ещё раз улыбнулся, потянувшись к её волосам, погружая свою ладонь в их слоёную темноту, напомнившую ему что-то... может быть, то самое расслоившееся время... и хотя теперь он имел доступ ко всему, руки его большую часть времени тонули, расчёсывали, перебирали пряди её волос — после того как она их впервые при нём полностью распустила, он успел стать, по сути, их фетишистом — так она его назвала, смеясь, и добавила, что однажды оставит ему свои волосы на деревянной палке, а сама улетит, и он тоже смеялся. А на чём же ещё — её никто ведь так и не нашёл, а самые страшные догадки, которые посещали Пашу после случившегося — что она на самом деле там и была, маленькая часть чёрной кубической тонны... угля, в которой теперь была как бы высечена келья её квартирки, — это она и есть, хотя это и отрицает официальная версия, сказано было: «человеческих жертв нет», так что «догадки» были вроде бы как развеяны... А волосы остались раз-

ве что вот в каком смысле: когда Паша ещё не заглянул в сожжѐнную комнату (всего один раз, так-то дверь была запечатана вплоть до ремонта, но в тот момент туда только что вошли полицейские, и Паша краем глаза успел заглянуть — пока на него не закричали), ещё до этого, когда он шѐл по коридору её этажа и видел эти чѐрные полосы, как будто чернозѐм, как будто грудки земли, борозды пашни — сходящиеся к её двери... иссиня чѐрные, да... как воронье крыло... как будто кто-то оттуда вырвался и проволочил огромные крылья... как смоль, ну да... дверь каким-то образом уцелела, если представить, какое пламя бушевало за ней накануне, это было странно, да...

А просто пламя рванулось в другую сторону, и с другой стороны фасада это пламя вырвалось наружу, его вытянуло в балконную дверь, как занавеску, и белый фасад теперь был с чѐрным пятном, — собственно, первое, что бросилось в глаза Паше, когда через два дня после пожара он шѐл к дому со стороны автобусной остановки, было это чѐрное пятно... Его самого в тот момент не было в Мюнхене — впервые взял отгулы и махнул к друзьям в Берлин, так что алиби были железными... Хотя его-то никто особо и не подозревал, собственно говоря... Задавали вопросы. Очень много вопросов, адвоката у Паши не было — зачем, его никто ни в чём не обвинял, и всё же иногда он жалел об отсутствии

адвоката — вопросы становились слишком личными, а он не знал, имеет ли он право на них не отвечать, один раз спросил: «Какое это имеет отношение?» — и его строго заверили, что имеет, обязан помогать... Ну, и он отвечал, преодолев — что там, стыд-горе-гордость, ну, какой-то внутренний ропот... по поводу того, что они суют свой нос в его жизнь... И что, помогло? Ни фига: если и помогло, то так мало, что если знал бы, пожалуй, вообще бы промолчал по ряду пунктов, посоветовавшись с адвокатом, которого взял бы по такому случаю. Потому что ничего следствие не узнало, во всяком случае, не обнародовало. Пожар на складе игрушек — которым была её квартира, самовозгорание кукол — примерно такой официальный бред... Судя по показаниям некоторых соседей, небольшой взрыв. Жительница квартиры сбежала, не оставив никаких следов ни на земле, ни в небе, во всяком случае, в аэропорту.

Но она точно не сгорела вместе со своими игрушками, это исключено, он что, забыл, какое время на дворе, точный анализ молекулы, идентификация личности... Там никого не было. Почему это он не верит? Что он хочет этим сказать? А у него вообще всё в порядке с психикой?

Всё же он не стал им рассказывать о том, что большую часть времени их знакомства Деджэна сидела в его квартире, притом что никаких отношений у них ещё не было. Сам-то он тогда ду-

мал и об этом, да, что эта странность могла быть чем-то вызвана, что ей надо было быть в это время не дома, но где-то поблизости, что-то там у неё в это время происходило... Но что? Он не мог себе это представить, не лаборатория же, где химичили «мет», в самом деле, или там производили гомункулуса... И он чуть было не рассказал следствию всё как было, и чего не было, и когда началось, — потому что ему было интересно, мягко говоря, что же там такое могло быть — на самом деле... Но потом он не жалел о том, что пропустил эти подробности, — он был уверен, что следствие ничего бы всё равно не сообщило, может быть, оно и так что-то знало, без его помощи, но ведь всё равно — ничего не сообщило...

А если бы он рассказал о том, как она у него... как будто пережидала что-то — так ведь теперь всё это выглядело... могли записать тогда чуть ли не в сообщники, кто знает, кто знает... договаривает ли он всё до конца, вот он и не договаривал с самого начала, только отвечал на вопросы, желания пустить следствие по следу Деджэны у него, естественно, не было.

На самом деле было много несостыковок — с его точки зрения. Если жертв нет (да и разрушений немного — выгрести из квартиры весь этот каменный уголь, в который превратились штабеля, среди которых она там жила, побелить заново стены внутри и снаружи — маленький кусочек

фасада — вот и всех делов: через месяц уже как будто ничего не было), зачем всех жильцов дома заставили сдавать слюну для анализа ДНК, а?

Паша, естественно, как и все, ходил в назначенное время в полицейский участок, стоял там в очереди, плевал, в конце концов...

Что, поверх пепелища, в которое там всё превратилось — он же видел, когда заглянул... могли торчать чьи-то молекулы?

Никому ничего не объяснили, просто заставили всех сдать слюну, и всё, мероприятие не сложное, вот только очередь — большой дом, жильцов много, и хотя всех разбили на несколько групп (повесили в подъезде график, когда кому, какого числа, из каких квартир, — как эти объявления о снятии показаний со счётчиков воды и электроэнергии), всё равно людей в очереди было много, и, несмотря на то что процедура была так проста, стояли долго — бумаги, как всегда...

Паша слышал в очереди (в которой оказалось несколько русских, кстати, он никогда их раньше не видел) всякое... Что все эти анализы ДНК якобы делает какая-то частная фирма, у неё контракт с полицией, вот и гребут деньги лопатой, исследуют всё подряд, да им просто хоть святых выноси — в прямом смысле... Недавно заставили жильцов другого дома — в другом конце города — сдавать слюну — из-за того, что там произошло в 1981-м убийство девушки... Не раскрыли тогда,

остался всяк, «говорю я вам русским языком, и вот теперь, значит, кто-то вспомнил, и заставили сдавать слюну на ДНК, через тридцать лет, да-да-да, и даже не одного дома жильцов, а со всей округи, обязали, да, всех мужчин, что смешно, конечно, как будто женщина не могла завалять женщину...», «её видели последний раз с незнакомым мужчиной...», «тридцать лет назад...»... «представьте себе, представьте...».

Многое пронеслось сквозь голову Паши, пока он стоял в очереди и слушал эти разговоры, пока шёл после этого домой, оторвавшись, благодаря быстрому шагу, от пожилой русской пары, — обрывки фраз, строчки стихов...

В том числе тех, что вставили в ДНК... Как раз недавно он читал об этом, что некий поэт, имярек или Бок — да, кажется, так его зовут, вставил строчку своего стиха в ДНК бактерии *E. coli* и собирается сделать это с ещё более живучей *D. radiodurans*, в расчёте, что она — эта его строчка — таким образом переживёт всё, что создано людьми, — проект Бока рассчитан на многие миллионы лет...

Потому что вторая бактерия считается самым стойким организмом на Земле и способна пережить абсолютно всё, включая жёсткое радиоактивное излучение, полное обезвоживание, воздействие кислот...

Хотя специалисты — генетики — сомневаются в долговечности стихов Бока: мутации, по их

мнению, неизбежно выбьют из цепочки аминокислот вставленный туда поэтом (он сам для этого научился генному конструированию, ну да, поэты теперь тоже не лыком шиты) код — генетики ехидно сравнивают это с «литературной критикой»...

А потом уже дома, на балконе, глядя, как «стоглазое зарево рвётся с пристани...», переходя в своё «квартирное тихо» и снова возвращаясь на баклон... вспоминал — неизбежно, как и в самом начале, когда туда ещё только вселился и впервые увидел с балкона красные окна...

Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает
обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.

Но, в отличие от первого дня, теперь это всё как бы уже прокрутилось, как плёнка, как программа, как стихотворный код, зашитый в ДНК бактерии, заставляющий аминокислоты в свою очередь воспроизводить новый текст — response... — вот что-то такое мелькнуло у Паши в голове, то есть довольно смелое для персонажа этого текста сравнение, да... Потом он ещё вспомнил, что чёрное окно на шестом этаже напомнило Ширину Белый дом-93: каждому

своё... Паша вот давно уже не думал больше о своём детском Манеже, но где-то на периферии иногда всё ещё видел, как летает мячик под плексигласовым куполом, в лунках почти не задерживается: хорошая реакция у игроков, ментально нажимают кнопку с цифрой, которой помечена луночка, и так это продолжается, и, что бы там ни было у неё в квартире, — теперь это всё равно всё похоже на уголь, барби, барбекю... а нужен барбитурат... блестящие, в касках... люди нюхают — запахло жареным... Паша не мог уснуть и на балконе — он давно уже выставил туда небольшой диван, которого хватало каким-то образом им с Деджэной, когда они начали «навёрстывать упущенное»... Причём в первый раз, когда она откинулась на спину, а он бросился на неё сверху, она, как бы уже в шутку сопротивляясь (оба были уже без одежды), быстро выставила ногу — ступнёй упёрлась ему в живот... Но не потянула сильными руками — как это делают во время соответствующего приёма «самообороны без оружия»... и за балкон Паша не вылетел, хотя и подумал — уже потом, после всего... скатившись с дивана на бетонный пол, что надо бы сетку тут натянуть, как у Комы от голубей... Он тогда вспомнил, что в детстве так да... вылетал однажды с балкона — как раз во время соревнований... Такой ампирно-спортивный зал в старом ДК... Татами был там на лоджии, внизу — деревянный пол баскетбольного

зала, балкон был довольно большой, но с очень низким бордюриком, и татами заканчивался рядом с краем... И всё же Паше показалось тогда, что его противник сделал это специально — постарался, не каждый день ведь можно *так* далеко бросить противника... Слава богу, он тогда отделался лёгкими ушибами... «Такая смесь дзюдо и баскетбола получилась», — говорил он, и Дежэна смеялась от сравнения того, что они только что впервые проделали, со схваткой борцов... А потом ещё оттого, что он стал бояться повторения вылета и вообще высоты во время Нöherpunkt'ов*, настоял на том, чтобы перейти в комнату... Но позже они ещё несколько раз помещались там вдвоём, на этом куцем диванчике... воистину милым рай... а теперь ему одному было мало, он не мог растянуться, ноги спадали или подушка постоянно падала на бетонный, не очень чистый пол... Да и шум — не сильный, но всё же ощутимый такой шум городской темноты — всё это мешало «спать на воздухе», и Паша ушёл в комнату вместе с простынёй, одеялом и подушкой, которые все вместе в его объятиях на мгновение превратились в огромную платяную куклу, в чучело... В комнате ему удалось уснуть на какое-то время, а потом, проснувшись посреди ночи, он снова долго не мог *отключиться*... Звуков теперь не было, и потому, что было

* Оргазм, пик (нем.).

уже очень поздно и дверь балконную он закрыл, но ему, скажем, мешало сердце, переселившееся в подушку, ну куда ты денешься от этого звука... Паша встал и пошёл в совмещённый санузел, машинально зажёл свет, хотя в этом не было надобности, и прежде чем сесть на сиденье, увидел, что раковина «ощетинилась», как он это тут же назвал... но это не помогло — широкие белые скулы, покрытые его щетиной, были перед ним... и он подумал, что в этом тоже есть что-то маяковское... или хлебниковское, неважно... он запретил себе снова проворачивать в голове стихи о и про... равно как и смотреть в зеркало — по словам матери, это была плохая примета или, точнее, не примета, а могло что-то присниться — не про то... Хотя что уже может присниться, если наяву сердце бьётся в подушке, а щетина прорастает, как трава, на раковине, а где-то ниже, на шестом этаже, вместо комнаты теперь кусок угольной шахты, в которую вот-вот провалится и весь мир...

Паша встал, спустил воду, но раковину мыть не стал... он вообще не мог вспомнить, зачем брился на ночь глядя, или это было вчера, или скопилось за несколько раз... Он вернулся в комнату и зажёл свет. Снова вспомнил о происхождении «обстановки»... и что-то ещё — что мелькало, когда он всю квартиру обставил, но, что ли по инерции, ему хотелось и дальше выуживать из Интернета «формы времени» — дальше

и дальше... что-то ещё... ну да, перешёл из *ебзя* — в чаты, а там его приняли за программу... Ни одного живого существа он тогда не получил таким образом — с помощью расщепления... Но потом он вспомнил про молл... Рассекающий волны... того же времени — на два потока, текущие в разные стороны... что-то такое у него мелькнуло тогда, на балконе, — воспоминание о том, что он видел у *Комы*... Он подумал, что неспроста очутился после этого здесь — как раз посередине... спустился на лифте, впервые зашёл туда... И всё, и молл после этого уже не давал ему себя забыть — нужно было отоваривать чек, гутшайн*, да... Деджэна взялась быть его гидом, сначала во время пауз, потом у неё был нерабочий день посреди недели — пока она не стала проводить почти все вечера вместе с ним....

Паша лежал без сна и вспоминал, как он стоял возле торта под всеобщие аплодисменты, как вспоминал тогда же — неизбежно, — как его одевали перед собеседованием друга *Шириных*... Тут тоже было что-то похожее на наряжание новогодней ёлки, он стоит в центре, все смотрят на него, Деджэна объясняет, что нет, он не сможет купить новый лэптоп, выигрышный гутшайн только на одежду, только в этом молле... Кстати, она его надула, рассмотрев чек и спросив потом в окошке «Информации» молла, он узнал, что на

* Gutschein (нем.) — купон.

гутшайн можно было купить хоть лэптоп, хоть чёрта в ступе... Но он не стал ей об этом говорить — что разоблачил её маленький обман, понял, что ей хочется его приодеть, не в силах смотреть, наверно, на исчадьё секунд-хенда... Хотя что такого можно купить на эти деньги... Всё же он покорился, провели вдвоём немало времени — в примерочных, чёрные шторы... Ну, то есть он примерял что-то и звал тогда уже её... или выходил из кабинки наружу, и то и дело мелькало у него это чувство... как будто он восстанавливает своего аватара, забытого на сервере, например, «секонд-лайф»... а там уже и хенд, и фут, всё — секонд... Так что то, что он познакомился с ней не в Интернете, отнюдь не означало, что она не могла состоять из корпускул времени, как и намытая на сервере eBay мебель...

Во всяком случае, обычных молекул ведь не обнаружили, никаких ДНК... Или чьи-то всё-таки нашли?

Зачем-то всех заставили ведь сдавать, чтобы с чем-то, значит, всё-таки сравнить, слюну... Паша встал с кровати — всё равно он не мог уснуть, подошёл к журнальному столику, сел в кресло и включил лэптоп. Новое сообщение. Тема: «Привет с того света!»

Но это уже не смешно, эти юморины, да и вообще никак, это — просто двойное “Re:”... хотя мог бы и стереть, конечно, ну ладно, почитаем, что там на этот раз... ах да.

Паша совсем запомнил, что Семёнов должен приехать, и вот он напоминал: завтра, встречать не надо, вечером после работы можно встретиться в каком-нибудь хорошем месте, привет.

Почему-то письмо успокоило — Паша наконец уснул.

А на следующий день вечером в метро увидел длинную сутулую фигуру с распротёртыми длинными руками, кричащую: «Здравствуй, дорогой немец!» — и как-то вся эта тема... куда-то всё сразу отошло, откатилось.

Разве что когда они только сели за столик вроде бы хорошо знакомого Паше кафе — оказавшись на этот раз напротив огромной карты мира, которая там висела, как бы мелькнула перед ним тень.

Карта большей частью была небрежно, большими мазками закрашена чёрной краской, но Паша впервые увидел, что она не просто закрашена, но это очертания огромной чёрной птицы, ворона или орла, распротёршего крылья по обоим полушариям Земли, он стал читать сверху имя художника, год — 1930-й... и в этот момент предыдущая ночь с маяковским рефреном... и всё это — вместе с этим black painting, висевшим напротив, — наложилось... и как-то отразилось, наверно, на Пашином лице, так что профессиональный фотограф не смог это не заметить.

«Что ты?» — вопросительно кивнул Семёнов, и Паша махнул рукой через плечо, как это делали его коллеги на работе, и сказал: «Ерунда. Знаешь, откуда это слово взялось — hier und da?» — «Ты имеешь в виду шутку Лескова? — сказал Семёнов. — Кстати, я забыл уже, что это означает на немецком?» — «Здесь и тут, — сказал Паша, поднимая кружку и глядя на неё какое-то время, прежде чем чокнуться со своим собеседником, — там и сям... За твой приезд!»

Книгоноша

Ширин говорил себе, что уже стар для этого, что если уж идти налево, нужно это как-то уже не пионерски, а с достаточно зрелыми партнёрами... Да хоть перезрелыми, главное, без лишних волнений — «зайтеншпрунг»* это тоже вроде как «прыжок на сторону», но упорядоченно, по-бюргерски, яволь... без всей этой детской суеты.

А то: налево пойдёшь — голову потеряешь, направо... сердце может прыгнуть первым, о как там что-то дёргается... и дальше — передаётся по всему телу — как поезд на станции, когда к нему цепляют вагоны, мелкие толчки по цепочке...

Оно ведь уже не то, что было при первом свидании, зачем же его гонять на стометровки... не говоря о марафонах... «Готов к труду и обороне», oh yeah...

Не говоря уже о том, что если потянуло на молоденьких, то это свидетельствует о старости — первый признак... Хотя — кто это говорит?

* Seitensprung (нем.) — супружеская измена.

Так говорила ему жена, ещё когда они оба были молодые, и так уверенно и так часто Лиля это повторяла, что внедрила, можно сказать, эту не очень глубокую мысль довольно глубоко — в Ширина...

«Ну и что, — думал он теперь, — старость так старость, и на старуху... И лучше ведь первый признак, чем все последующие, да? Останемся, в самом деле, с первым...

“Только не надо так волноваться, как будто...” А это ещё откуда? Ах да... Но теперь это стало вдруг актуально, странно всё это на самом деле...»

Впрочем, померив пульс — оказавшийся во все не таким большим, как ему представлялось, — Ширин вспомнил, что хотя девочка и назначила ему свидание, но, по её словам, — дело вое, а скорее всего, она при этом его вообще приняла за кого-то другого...

За «частного детектива» — Лев тихо смеялся от этой мысли, он не просто не исключал... но более того — склонялся совсем к другой версии: что это был лишь повод пригласить его на свидание как таковое, то есть самого что ни на есть романтического толка...

Нет, какой-то особой такой мании величия, в том числе по части своего воздействия на девушек, у него никогда не было, равно как и комплексов... Ширин был как-то сразу в этом смысле по-взрослому трезв, ещё в юности знал себе цену, а в зрелом возрасте уже совсем редко де-

лал неправильные ходы, отчего так называемая личная жизнь его, то есть та, в которой желают успехов, была хоть и не слишком бурной, но и не слишком суетной.

Просто он с ещё большим трудом мог поверить в то, что Софи или... да кто угодно — что кто-то способен всерьёз принять его за кого-то другого... И даже не только за пинкертонна — что было бы особенно смешно, конечно... ну, или на втором месте, скажем, после профкиллера... но вообще — за другого.

Кто писал, что человек, который при встрече полностью соответствует тому, что о нём говорят другие, — это мёртвый человек, живой труп?

Ширин не вспомнил автора этих слов, но подумал: «...может быть, и так, но что же теперь делать? Если я сам в себе давно уже... ну, что ли, излишне презентен...»

Нет, это не доходило в нём до той степени, когда о людях говорят: «Его/её слишком много». Но где-то на грани... Звучит, может быть, слишком театрально, но точно — свою роль Лев Ширин давно уже играл настолько убедительно — как ему казалось, — что не только никто не мог что-либо заподозрить, но он и сам давно уже ничего другого в себе не подозревал.

И не прозревал...

Сидя в кафе, он тихонько барабанил по столу пальцами и вспоминал свой недавний «вирш»...

В последние годы он снова стал писать, как в юности, *вирши*, и совсем недавно записал в блокнот: *«Забрёл я слишком далеко в пещеру собственного “я”, давно ушёл от берегов, заплыл, куда нельзя, обшарил всё и понял вдруг, что нечего искать, ничто не вторит на мой стук, ничто нельзя пронять, а ведь казалось, что вдали горит волшебный свет, как призрак будущей зарю и оправданье мёртвых лет»*.

«Призрак» надо бы чем-то заменить, — подумал Ширин, — не подходит... скорее уже “признак”... но это как-то будет... сургучно... Может быть, лучше “знамя”... а впрочем, пусть остаётся “призрак”, может, лирический герой с самого начала догадывался... что всё на самом деле — халоймес, то есть ещё до того, как он стал антилирическим антигероем, совершающим антиподвиг, или “подвиг повседневности”, если угодно, на династийное повторение которого благословил меня когда-то отец...»

Когда юная кельнерша из бара, куда он сходил по просьбе ППШ (как они с Лилей стали называть Пашу заглазно вслед за Комой), позвонила ему и сказала, что хочет с ним встретиться, что у неё есть для него деловое предложение... Ширин, как мы уже знаем, решил, что на самом деле девушка просто хочет с ним встретиться, — что полностью совпадало с его желанием, и он закричал в телефон даже, может быть, чересчур громко: “Gern!” Охотно то есть... Почему бы и не поохотиться, если добыча сама... Хотя что-

то не торопится коза, опаздывает уже на десять минут...

Ожидая её за столиком в баре (не в том, где Софи работала за стойкой, а на соседней улице, с непонятным названием “Fünfundzwanzig”*, которое Лев, впрочем, уже перевёл про себя как «Опять двадцать пять...»), глядя поверх посетителей, он стал рассматривать большую – метра два, наверное, на три – картину на противоположной стене.

Присмотревшись к роившимся там светлячкам, Ширин всё равно не до конца понял, что это... Как будто в пейзаж вписаны летающие фигурки в серебристых скафандрах... Ширин через секунду уже перестал их замечать, зато ещё более явственно увидел горы, вплотную подходившие к морю...

Немудрено, что всё это как-то аукалось сейчас в голове, подземно-водный вирш, который он только что проговорил про себя, и первое свидание, декорации которого напонила эта странная для бара – хотя бы своим форматом – картина, висевшая напротив... То есть не первое, конечно, но до этого были только губы, и даже до петтинга в подъездах никогда не доходило... слишком много было петелек, ну да, ну да, может быть, пару раз удавалось прижаться через джинсы, через кофточки, ну максимум –

* Двадцать пять (нем.).

коснуться на мгновение рукой, и сразу скрип дверных петель на каком-то этаже, шаги, прыжки по лестнице... А теперь дело было на юге, где слоёв одежды было значительно меньше, и более того, место для свидания Ширин выбрал у кафе «Минутка», сразу за которым начиналась тропинка в настоящее, глухое, и чем дальше — тем более узкое ущелье.

Ширин его уже достаточно хорошо знал — он знал, например, что в определённом месте там неизбежно надо будет идти вброд, потом снова по камням, а потом коротко вплавь или нырком сквозь холодные маленькие озерца, одежда к тому времени уже будет сложена и оставлена на валуне перед первым водопадом, останутся только плавки и купальник.

После чего снова надо было-будет пробираться по камням, потом подниматься, цепляясь за влажные складки горных пород, сквозь вертикальный грот — перевёрнутый колодец с хлещущей сверху горней водой...

А дальше снова быстрый поток, выющийся во круг камней, коридор там значительно уже, а потом за одним из порогов как бы большая изумрудная ванна в сером сводчатом зале, за ней, невидимый в глубине грота, шумит ещё один вечный душ, а в центре, посреди зелёной воды, — скала, да, целая скала с плоско-покатой вершиной, на которой захочется просохнуть после того, как прошёл сквозь всю эту воду и мед-

ные... хотя медные — это только ради красного словца, а так, конечно, каменные, высеченные водой и временем, трубы...

Правда, ползая в этом лабиринте с друзьями, Ширин нередко заставлял на большом камне рассевшуюся лягушками компанию — один раз, когда он высунул голову из грота-водопада, ему показалось — на какую-то долю секунды, — что это — он сам и его пляжные друзья...

Но в этот раз там никого не было, и Ширин понял, что всё правильно рассчитал: на каменном ложе девушка, которую он снял накануне на танцах в доме отдыха «Восток»... или «Восход», сняла купальник — не последовав его примеру, а — вняв его совету, произнесенному «как можно более безразличным голосом»...

Сначала верх, потом, подумав, и низ, после чего Лев сделал то же самое... а потом уже не она, а вот именно он — «лишился невинности».

Может быть, сердце его тогда уже стучало слишком громко, отдаваясь эхом в бледно-серых сводах полупещеры, и спутница, которая была ещё так недалеко от совершенства... и далека до совершеннолетия... хотя и была при этом «уже-не-девушка», перед тем как «отдаться», сказала не своим голосом показавшуюся Ширину заученной... фразу: *«Только не надо так волноваться, как будто это твой последний шанс».*

Если бы она произнесла это один раз, Ширин всё равно бы это запомнил, наверно, на всю ос-

тавшуюся жизнь... «Но вот уже полный сюр, — думал он, — состоит в том, что она же повторяла эти слова и после того, как я вошёл в... *её часть ущелья*... Ну ладно, зачем теперь эти эвфемизмы — я ведь уже не пытаюсь запереть это в стихи... А когда пытался — по горячим следам... Понимал, что нужны какие-то другие слова... другие *тропы*, да... ну, может быть, “*её часть ущелья*” — осталось из-за медянки, которую мы видели перед вторым водопадом или третьим, и она даже схватила её рукой, поймала, да... и вот это: розоватая извивающаяся в её руке тонкая змейка...»

«Да-да, я закричал, чтобы она её отпустила, вдруг она ядовитая... а она рассмеялась и сказала, что это же медянка, она не опасная, она протянула её мне... и я, кажется, тоже попробовал взять её в руку, но она ускользнула, оставив какой-то мерзкий след на ладони... рыжий, как минтаевая икра... И вот, из-за этих, наверное, двух-трёх кадров: бледная змейка в тёмной трещине дня — извивающаяся в её руке, снова исчезающая в расщелине... складки породы, да, наверно, поэтому от бездарных строф — испарившихся почти так же быстро, как наши мокрые следы на серых камнях... На горячих камнях, да, на обратном пути, где стены снова разошлись и солнце высветило... эту совсем уже... *не её часть* — ущелья... но теперь уже навсегда прикнувшую в памяти — к ней, её... на обратном пу-

ти, да... и всё-таки *самое* поразительное во всём этом был голос за кадром, этот *другой голос...*»

Ширин навсегда его запомнил, что называется, этот голос у него «*и по сей день звучит в ушах...*»

«Только не надо так волноваться, как будто это...»

Он подумал, что вообще-то тогда испугался... Правда, всего на мгновение: страсть сильнее страха, ну да, ну да... Впоследствии, кстати, он видел тот свой испуг на экране — когда в Союзе появились первые видео, замелькали хорро-воды триллеров... там во всех в некий в момент X, когда он или она — тот, кто из них был оборотень, сбрасывал маску, оголял личину...

Ну нет, ничего такого она там с себя не сбрасывала, кроме купальника, личико не морщилось у него на глазах... в безглазую маску... и не стало сливаться с каменными складками, которые, впрочем, и без того были похожи на чьи-то морщины...

«И всё-таки, всё-таки... это у неё был такой очень странный *пункт*, — думал Ширин, — плюс ещё сама фраза...»

Да-да, как будто фраза доносилась из будущего, как будто что-то там ещё, помимо тел, коротко замкнулось, между вторым и третьим водопадами...

«И она ведь это повторила не меньше пяти-шести раз, наверно... Как автомат, как говорящая кукла...»

Ширин вспоминал это не так давно, когда ППШ пытался ему описать своё видение функции, обратной времени: «Как бы “время”, — говорил ему Паша, — но наоборот, и при этом почти анаграмма: “я мертв” без t как переменной...»

То есть когда этот парень пытался описать словами мелькнувшего перед ним «двойника хроноса», а потом ещё это своё «расщепление с погружением» в толщу амальгамы, схватившись за хвост... Слушая весь этот, по правде говоря, бред, Ширин вслух пошловато шутил: «Где ты берёшь такую траву?» — и предлагал «ещё по пятьдесят»... а про себя вдруг невольно вспомнил раскадровку: бледно-розовая медянка — хозяйка медной горы — серый каменный свод — скала-островок в зелёной воде, и вот на этом фоне — фраза, залетевшая из будущего... или оставшаяся от чьего-то прошлого, как эхо в ущелье... фраза, звучавшая во время *его* первого соития, повторяясь несколько раз, о том, что это не последний его шанс...

А может быть, она этими словами начинала *отказывать*, мол, нет, прости, но это же не последний твой шанс... а в самый последний момент передумала? Но почему она повторяла это и после того, как передумала? Нет-нет, это было необъяснимо, и дело же не только в словах, сам этот голос — *невозможно безразличный*... Сидя за столиком тридцать, что ли, лет спустя, глядя на

странную для ресторанной живопись, на которой запечатлён был, кажется, берег турецкий... Ширин подумал: не потому ли так чётко это сейчас... реставрировано памятью... что этот самый... последний шанс уже не за горами... вот потому так ясно и вспоминается первый, оставшийся вон за теми кряжами...

«Нет, это просто мнительность, — сказал себе он, — на самом деле я ведь всегда это помнил, это все помнят всегда... Просто с тех пор, как не удалось написать об этом *вифи*, я просматривал только тот или иной фрагмент, а сейчас всё вместе... сложилось в “картину маслом”, как говорят в сериале... Вода, которая там течёт, этот шумок, переходящий в шум... водопадов, грехопадений... Да, и вот ещё что там было: “А я там, у себя... — сказала задумчиво, уже своим собственным голосом, когда мы снова нацепили куски ткани и поползли-поплыли... в обратную сторону, — а я там у себя в Черновцах рожать не буду, как думаешь?”»

Софи всё ещё не было, Ширин на всякий случай вставал и обходил заведение — там были два зала. Он усмехнулся при мысли, что его, похоже, «выставили под фонарь».

«Нох айн хеллес»*, — сказал он подошедшей официантке.

* Noch ein Helles (нем.) — ещё одно светлое.

«Недавно, гуляя вдоль Изара, — думал он, — мы с геноссен видели, что город... в лице обер-бург-мистра... слов на ветер не бросает: обещали выпустить Изар из-под земли и сделали... “Ренатуризация” называется... разбили берега, нет теперь там и следа бетона... трудно поверить, что ты в городе, а не в горах... потоки стремглав несутся с разных сторон, как будто прорвало, внахлест, и как же хорошо теперь было идти над ними по Флаухерштегу, деревянному, like a bridge over troubled water... Да, там чудно, чудно, там есть ещё эти “речные фьорды”, как мы их называли, там уже почти *ущелье*, похоже... и вот туда бы и забраться вдвоём с этой Софи... Или это пошло — догонять таким образом прошлое... как собака, гоняться за хвостом... да, пытаться повторять, инсценировать... Нет ли в этом какого-то... инцеста?.. Кого с кем? А, не знаю... сестры моей жизни mit Schlafs Bruder?..* Вот-вот, поосторожнее, мы же знаем, кто брат сна, а все братья — сестры... при этом “инцест” — возник сейчас не только из-за “красного словца”, аллитерации, литературщины... там что-то было, возможно, ещё в ущелье, намёк... На что? Хватит о прошлом... Дыхательные упражнения! “Выдыхаем прошлое, вдыхаем будущее...” И я же теперь не “сразу трахаться” её туда поведу в самом деле, а *фрилить* “лам котелетен”!..

* С братом сна (нем.).

И это другие места, не та засада... Тоже горная река, да, но не узкое ущелье, наоборот — речка выпущена на простор, из бетона, из-под земли — на свободу... заросли камыша, дикие отмели, россыпи гальки, песок... Так и сделаем, да... только не надо думать, что это твой последний шанс, старик... “...а не поеду ли я рожать”... А вдруг у меня там... Да нет... вряд ли она понесла... Если мы с Лилькой столько лет — и ничего... и никого... пару раз, правда, другие делали аборт... Но от меня ли *на самом деле*, а?.. Правда, что касается Лили... врачи говорят, что как бы и не по моей вине... а с другими мы это не проверяли, но... что они вообще знают наверняка, эти врачи... Нет, но там *это* было... если не в самой воде, то сразу после — нырнула, плескалась, сновала в озерце, как выдра, туда-сюда, я помню... Но не в горячей же ванне... а ледяной... И что ты там помнишь... “Она говорит, что это было в экстазе, а я помню, что это было в сарае”... Всё старые анекдоты тебе... ты и умирать будешь, как какой-нибудь... “...умирает старый еврей...” И что это вообще за реконструкция такая вдруг... монументальная... с бухты-баракты? “Не надо возводить Тадж-Махал вокруг обычного траха”, — здраво советует кто-то из Дарреллов... не анималист, нет... но и не номиналист... по-видимому... Но я ведь не вокруг рутины, а вокруг *первого*, да и что значит — я?! “Забрёл я слишком далеко в пещеру собственного я...”

Не я же вылепил из алебастра эти своды! Не я прорубил гrotы в граните, не я пустил водопады и каскады...

Нет, вряд ли она там же и понесла, сомневаюсь... Улетела на следующий день, билет у неё был, и с кем бы она там ни была... вроде бы не с родителями... с сестрой, что ли... моей жизни, ну да... и что об этом теперь думать, когда жизнь прошла... Но странно всё-таки — то, как она это говорила... Не про “рожать”, нет, тут как раз ничего странного не было, и — своим голосом, я же помню это “*рожать случайно не поеду домой, а*”, нет-нет, но это — про “последний шанс”, и так заученно, заведено, безлично... а что если она там, у себя в Черновцах, жила с каким-то стариком?

Так вот откуда этот её другой голос... и сами слова — которыми она привыкла кого-то приободрять, ну да... “это не шум в ушах, это аплодисменты...”, а тембр такой... на фоне шума водопада, я же помню... это как бы уже... от усталости, может быть, с детства... может быть, там-таки был инцест?.. Да всё что угодно там могло быть... Если бы это было в девяностые, я бы ещё подумал про детскую проституцию... но тогда, в глубине застоя... Вряд ли... Хотя... В принципе... тогда тоже... могло быть... вот именно: *всё что угодно*... “Русские цветы зла”, ну да... серия такая была, под редакцией Ерофеева, и вот что странно: там ещё был у нас в биб-

лиотеке, я помню, сборник, который в оригинале назывался “Время рожать”, а на немецком его называли “Подготовка к оргии”... смешно...» — думал Ширин, и не то чтобы он совсем забыл... но перестал уже ждать Софи, засмотревшись вот именно туда, куда смотреть теперь уже не стоило... Потому что дальше — в его ретроспекции — пошла то ли перемотка плёнки, то ли что-то быстро-смутное... из жизни если не насекомых, то каких-то похожих существ... которые, так же как инсекты, рождались, побыстрому трахались, сразу же рожали и умирали в быстрой воде... ну да, такая цепь-череда перед Шириным прошла... смертей-рождений... в ущелье-межножье: существа-сущности-сущее-бытие... — и смутно Ширин при этом понимал — примерно так, как видя сон и начиная пробуждаться... что как раз такие вот «растекашесь» чреваты... побочными эффектами... может на чисто стереться, причём уже не на бумаге — твой личный опыт... а там и сама личность, сколько там её, собственно... и будешь ты *транс-персонален*... «тем летом я стал своим менталитетом...» Неудивительно, что когда он вынырнул «откуда-то оттуда» и снова сфокусировал взгляд на картине, висевшей перед ним, ему на миг показалось, что это «Исток мира» Огюста Курбе, только что другого формата...

Встряхнув головой, Ширин, впрочем, рассел это наваждение.

Софи вошла наконец в кафе, одновременно из-под земли вынырнул маленький человек, чем-то похожий на него, Ширина, но намного меньше и в пропорции к высоте — ещё толще.

На человеке была зелёная фуражка, в кокарде светилась красная звёздочка, отчего он выглядел скорее как такой... пародийный гомосоветикус из старых холодно-военных фильмов, чем кадр очередных воспоминаний — о его, Ширина, срочной службе.

Софи поцеловала гнома, наклонившись и сказав «Привет, Бени!», и на этом всё это не совсем понятное театрализованное представление, едва начавшись, кажется, и закончилось.

Потом она сказала то, о чём Ширин уже и так догадался, что этот турецкий верноподданный — хозяин заведения.

Она была в белой «ветровке» (слово, которое тоже выплыло откуда-то из прошлого... но привело за руку и другое: “Windsbraut!”* — подумал Ширин) с широкими рукавами — наряд хорошо подошёл для изящного театрального жеста, который она исполнила, — жест означал, по-видимому, «тысячу извинений».

И вот она уже тянулась к Ширину для поцелуя — что ничего не означало вообще-то, то есть вообще ничего... Просто светский поцелуй, как она только что целовалась с Бени, но Ширину

* Смерч, демон бури в древнегерманской мифологии (нем).

всё же было приятно, и он задержал свои губы на её щеке, наверно, всё-таки чуть дольше, чем принято.

В полутьме бара без названия, где она работала кельнершей, он её, что ли, не рассмотрел, здесь же свет был даже чересчур ярким — фигурки серебристых летунов на довольно тёмной в целом картине теперь так блестели, как будто висели в воздухе перед холстом...

И Софи тоже — сияла, и была по эту сторону... во всяком случае, стойки, и Ширин не мог теперь уже отвести от неё глаз, а тёмные горные массивы на холсте отошли, наконец, на второй или на тысяча девятьсот восемьдесят второй... план. «Ну да, он сказал себе: будь что будет, говорил же отец, наставляя на путь истинный, что подвиг повседневности будет оправдан... а сердце... а что сердце... будь что будет... я не стремлюсь к жизни, говорил Гаутама, — почему-то говорил себе Ширин, глядя в серые, как белая ночь, глаза Софи, — я не стремлюсь к смерти, я сознательно и бодро ожидаю, когда придёт мой час».

Она заказала бокал красного вина и спросила Ширину, не хочет ли он поужинать вместе с ней.

Ширин чуть было не сказал «смотря где», но это было бы слишком бестактно, ясно же, что она имеет в виду — здесь, вот именно здесь поужинать... а не у неё дома, например.

Лев ничего не имел и против того, чтобы здесь, значит, и поужинать, и продолжал кивать

и радостно улыбаться... пока не услышал, как безапелляционно она сказала:

«Я приглашаю».

Он не стал объяснять, почему так переменялся в лице. Она, заметив это, решила, видимо, что просто его обидело такое её предложение — в принципе, ну «восточный мужчина», всё такое, пошла на попятную: «Я, конечно, не настаиваю...» — но Лев уже и так понял, что она так и не догадалась... на что он *так* надеялся.

Хотя это было не сложно, и, может быть, всё она прекрасно поняла и специально сказала это «за свой счёт», чтобы он не принимал слишком много — на свой счёт... с самого начала решила поставить эту жирную точку над «i».

И, стало быть, действительно пригласила его сюда для того, чтобы предложить какое-то дело... что тоже не так плохо, вообще говоря... хотя как раз сейчас, когда он только что устроился по своей специальности — патентоведом в патентамт, как-то оно и не очень-то кстати — чем бы оно там ни было... Но главное, он ведь совсем другое себе... *напридумывал*.

Нет, ну что он мог ей теперь сказать — открыто признаться... «Да нет, — сказал он себе, — нет-нет... во всяком случае, рано...»

И Ширин попробовал сосредоточиться на строчках меню — с третьей или четвёртой попытки ему это удалось.

А через час ему уже казалось, что он знает Софи всю жизнь, и не то чтобы отношение к ней у него теперь было совсем уже как к собственной дочке — несуществующей к тому же (или, как тут говорят, думал Ширин, что ли, по инерции давешнего потока дум, “nicht dass ich wüsste”*)... Но, рассказывая ему про себя, Софи, что ли, переставала быть только «дзэвушкой», как тоже когда-то где-то говорили, — с ней можно было, оказывается, просто так сидеть-общаться...

«Что ж, как пели “перечницы” (так называли Кома и Лиля... нет, не самих себя пока что, а — “Spice Girls”), — if you wanna be my lover, be my friend... — думал Ширин, слушая Софи, — ну что же, давай тогда дружить, пока суд да дело...»

— ...И вот там — в этом укромном закоулке нашего двора, где растут крокусы, и там ещё стоял маленький сарай с инструментами отца, — говорила она, — он со мной заговорил... На нём была шляпа, такая серая и старая... как, впрочем, и весь его костюм, как и он сам... и я его немного боялась, и в то же время он был милый, и меня к нему тянуло, да, я тогда ещё была в таком возрасте, что не задумывалась о видах родства, это сейчас я бы непременно его спросила, чей он, собственно говоря, был брат — мамы или отца? Или же он для них — дядя, а для меня тогда, значит, двоюродный дедушка или что-

* Мне, по крайней мере, ничего такого не известно (нем.).

то вроде того... Я этого теперь никогда не узнаю, так что — дядя.

— Наверно, он сказал: «Я ваш родственник», — предположил Ширин, — впрочем, я не знаю... может быть, по-русски так чаще говорят, чем по-немецки.

— Почему, и по-немецки говорят, и ты прав, может быть, он так и выразился, но мне запомнилось «дядя», значит, это слово он потом тоже произнёс... И вот этот «дядюшка» говорил мне о том, *как жаль*, что я *этого* не застала... О том, как было здорово, когда развевались эти знамёна, как весело у всех было на душе, что это было... ну прям как в сказке. Как будто все вместе перешли тогда на время в сказку, и взрослые, и дети, да-да... потому что в обычной жизни так не бывало ни до, ни после — никогда. Даже вкус у еды был другой — всё было гораздо вкуснее... Когда я эти его слова потом вспоминала, кстати, уже в более взрослом возрасте, я подумала: «Может быть, дядя мне рассказывал тогда про обычный приход? — и Софи засмеялась, но потом снова стала серьёзнее и закончила: — А не про национал-социализм».

Они какое-то время помолчали, а потом:

— Ну да, — как бы со знанием дела сказал Ширин, — я недавно читал в интервью с сыном Бормана, что когда он маленьким спросил отца: «Пап, а что такое национал-социализм?» — тот не сразу ответил, глубоко задумавшись, и они про-

шли по дорожке ещё несколько метров или десятков метров — прежде чем отец сказал: «Национал-социализм, сынок, это — воля фюрера». Или, как говорят, «каков поп, таков приход», — Ширин сказал это по-русски, а потом перевёл как смог и (про себя подумав, мало ли тут родственников... неунывающая дочурка Гимmlера, или там весёлая вдова сына Гесса... вот только маленькие Геббельсы навечно остались детьми...) спросил:

— Да, ну и кем же, — спросил он после этого, — был *твой* дядя?

— А вот это и есть вопрос, — сказала Софи. — Послушай: поговорив с ним там, за углом дома, я побежала к родителям — на большую поляну перед домом... она была заставлена столами с тентами, гостей было очень много в тот раз, но я всё же нашла среди них маму, раскладывающую воскресного петуха по тарелкам, и сказала, что я хочу у неё что-то спросить — на ушко... Почему на ушко — не могу тебе объяснить, ну, значит, что-то я почувствовала... А мама сказала: позже, ты же видишь, я занята. А позже я забыла, я заигралась с детьми, дядю я больше не видела... нет, я замечала какую-то шляпу в толпе гостей, она там перемещалась... но я уже не обращала внимания и даже не знаю — была ли это его шляпа... И только когда гости разошлись и меня укладывали спать — оба родителя, ну да, у них, очевидно, был прилив родительского чувства после комплиментов, сделанных мне гостя-

ми... я у них спросила: «А этот наш дядя в шляпе, он кто?» «Какой дядя?» — спросил отец. «Какой дядя, какая шляпа?» — спросила мама. «Там не было никакого нашего дяди», — сказали они после этого почти синхронно, от чего я засмеялась и закричала, запрыгав на кровати: «Он был, он там был, он там был!» И вот, Лев, представь себе, я до сих пор не знаю, был он там или не был, да и вообще, если был, то — кто он? Я иногда его вспоминала и спрашивала родителей, а они отшучивались, говорили, что я маленькая фантазёрка, — Софи замолчала и посмотрела на Ширина.

— Так вот в чём дело, — сказал он. — Ты, стало быть, хочешь, чтобы я нашёл твоего дядю? Или, если его нет, но был... чтобы я узнал, что это было... или — было ли оно вообще, или... что? Ты что, для этого побеспокоила знаменитого детектива?!

— Нет! — засмеялась она, и Лев подумал: «А может, и правда без повода?» — но он боялся, что ли, сглазить, поспешить... и немного продолжил дурачиться — вместо того чтобы уточнить, а зачем же тогда, собственно...

— Я понял: ты просто начиталась скандинавских детективов! — вместо этого сказал он. — Все эти дядюшки-скелеты в погребках, насилующие своих собственных детей-внуков-племянников... Ну да, ну да, и вечно фашиствующие при этом... Ты читала Стига Ларссона?

— Нет, только видела фильм.

— Фильм плохой, но неважно...

— Ты прав, я об этом как-то не подумала...

— О чём?

— Ну, о влиянии скандинавского детектива на мой рассказ, — улыбнулась Софи.

Ширин вспомнил о её татуировках, которые знал больше со слов Паши, а сейчас они вообще были не видны — под «ветровкой» оказалась кофточка с длинными рукавами, — он хотел было спросить, читала ли она рассказ Брэдбери «Татуированный человек», но не стал, боясь показаться занудой: «А вы читали последнюю вещь Вальзера?..»

— Так это ты придумала? — спросил он.

— Нет. Но это же не значит, что это нельзя превратить в рассказ, правда?

— Правда. Хуже, если в стихотворение.

— Почему хуже? Ты что, читал мои стихи?

— Нет, я писал свои, — сказал Лев. — Ну да, в юности, нигде никогда не публиковался. Обычная история, ну кто же их не писал... А твои печатались?

— Да. Но уже очень давно... я перешла из них в прозу, довольно просторную — по сравнению... но и стихи где-то тоже можно найти, да... Так вот: я рассказала тебе эту историю — которая, наверно, ляжет в основу рассказа... Не говоря о том, что она была в... но нет, об этом чуть позже... Так вот, это было просто как пример,

Leseprobe, потому что я уверена была, что ты меня не читал.

— Да я даже не знал, что тебя можно читать! — воскликнул Лев. — Иначе уж почитал бы, конечно, перед свиданием. Чукча-то читатель!

— Что это значит?

— Ну, неважно, анекдот такой, — Лев подумал, что ему не хочется сейчас сыпать историческими остротами, хотя эта её бы и рассмешила, наверно...

— Так ты — писательница? — воскликнул он. — Прости, я не очень-то слежу за «актуальной литературой». Тем более с тех пор, как сменил работу... Редко что-то попадается... Впрочем, я ведь и фамилию твою не знал.

— Я работаю в баре не потому, что мне нужны деньги, — сказала Софи.

— О, так ты не просто писательница, бери выше — автор бестселлеров? — всплеснул руками Лев.

— Ммм... Не совсем. Просто у нашей семьи есть деньги, всегда были. Изначально.

— А зачем же ты тогда там работаешь?

— Потому что мне нужны... истории.

— Своих не хватает?

— Нет, конечно. Что я видела вообще в этой жизни? Мне всего лишь двадцать шесть лет... Но дело не только в недостатке жизненного опыта... Просто к своим историям я отношусь довольно бережно, приберегаю на то время, когда, во-первых, чужих не будет — не всегда же

я буду стоять за стойкой и всё выслушивать... Во-вторых, когда я набью руку для того, чтобы писать о том, что было, — так, как будто этого не было, — она засмеялась, подняла и наклонила бокал, Лев слегка боднул его своей кружкой... И вдруг решил ещё немного поговорить о свободных ассоциациях... Ну, не о прозе же её — которую он не читал, и вот просто чтобы о чём-то всё-таки говорить... Ширин задумчиво произнёс: “Eigentlich...”

— Собственно говоря, — сказал Ширин, — не столько в твоём эскизе Ларссона... сколько в Ларссоне Кортасара.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я имею в виду рассказ «Слюни дьявола» — ты не читала? Идея в том, что можно увидеть на втором плане фотографии что-то, что так не увидишь, какую-то тайну тайны тайны... Если её увеличить — фотографию... Только в этом смысле, а так ничего общего, конечно, не думай, я не совсем... — не закончив фразу, Лев почему-то глубоко вздохнул.

— Я бы, может, что-то такое и подумала, — улыбнулась Софи, — если бы читала Кортасара... Но я ничего его не читала.

— Я привык уже, что здесь его многие не знают. Это объяснимо, наверно. В Союзе он просто был одним из самых культовых, прости за дурацкое слово, авторов, ну, переводили не так много зарубежных... а здесь — просто одним из...

длинного хвоста... — сказал Лев и показал рукой кривую распределения, подумав: «Читала — не читала... всё-таки погнал, начитанный ты наш, поезд... на читанугучукчу...»

— Но ты видела фильм “Blow-Up”? — сказал он вслух. — Да? Ну, тогда ты поймёшь, что я имею в виду. “Blow-Up”, конечно, не экранизация, но «по мотивам рассказа Кортасара “Las Babas del Diablo”»... И вот я вдруг сейчас подумал, что и рассказ Кортасара, и роман Ларссона, и... в какой-то мере твой дядюшка...

— Ну спасибо, — улыбнулась Софи, — теперь я знаю, откуда он взялся.

— Жаль, что ты его не сфотографировала, — сказал Лев, — и я не знаю, как это у тебя будет в письменном виде...

— Так, а что там было всё-таки — в этих «Слюнях дьявола»?

— Ох, это сложно пересказать. Сложнее, чем фильм... Там много неба, облаков... и поверх всего налёт этого «магического реализма», всё немного расплывчато, границы между мирами проницаемы... Ну, если попробовать в двух словах: герой — он переводчик-профессионал и фотограф-любитель — думает, что, сунув свой нос-объектив в уличную сценку, спас мальчика. Пока на увеличенном снимке он не видит, что на самом деле главный злодей был другой, не старая похотливая тётка на переднем плане, а ещё более мерзкий паяц на заднем плане — которо-

му вообще невозможно помешать, в принципе. Но дело даже не в этом, не в ролевых играх и не в степени злодейства... Я имел в виду — отвлекаясь уже полностью от твоего дядюшки, — что эта вроде бы тривиальная «идея фикс» — что при достаточном увеличении можно увидеть *реальность*... Вот это, наверное, отсюда — из рассказа Кортасара... По-моему, теперь это уже ушедший в прошлое... дискурс, прости господи, — с появлением multi-touch, pinch to zoom и т. п. всё это «фотоувеличение» теперь совершается повсеместно и непрерывно, всё пульсирует... и скоро выйдет, наверно, за рамки — за пределы экранов, я вот работаю сейчас как раз с таким занятным патентом... Да, так вот, я, Софи, в отличие от упомянутой знакомой, как ты понимаешь, не спец ни в литературе, ни в синема... поэтому мои слова недорого стоят... Можешь считать, что это такой технарский, скажем так, взгляд на эти вещи — это влияние моей профессии, в Союзе я ведь много лет проработал патентоведом; переехав сюда, из-за незнания, а потом — из-за «языковой недостаточности» работал в городской библиотеке...

— Хорошо звучит, однако, — заметила Софи, — «из-за недостаточности языка — библиотекарем».

— Да, — засмеялся Ширин, — это примерно как «книги — для денег, карты — для души».

— А это что?

— Я объясню... Ну, ты знаешь... Хотя — откуда тебе знать... в незабвенном Советском Союзе с книгами была напряжёнка, многое не выпускалось вовсе, кое-что полуразрешённое выпускалось, но крошечными тиражами — для такой страны... Ну, короче говоря, была такая зона на рынке, и как раз всё желанное — интеллигенцией — было дефицитом... И был у меня такой знакомый, Миша Озерский, он всю жизнь торговал книгами «с рук» — магазина у него, конечно, не было, это уже во время перестройки он открыл лотки, разложил товар лицом... Он и меня тогда в это дело впутал ненадолго, кстати, не как продавца... Но неважно, потом он поставил ларьки, потом уже и магазины... Так вот, он говорил тогда: «Совок мне никак не мешает, у меня есть всё, что нужно человеку: для души — карты, для денег — книги». Он играл в бридж, был подпольным чемпионом — если не Союза, то Москвы, я уже точно не помню... и всё это были неофициальные чемпионаты... Как и продажа книг, которой он занимался, — «спекуляция» это называлось, — но вот такой примерно расклад: «книги для денег, карты для души» — это мне напомнило... Вот только... Прости, Софи, но я не помню: напомнило — что? Склероз!

— Что из-за нехватки языка ты не смог работать в патентамте, но смог в библиотеке, — напомнила она.

— Ах да. Ну вот, за эти годы я подучил немецкий и, более того, выучил как бы ещё один язык — «немецкий бюрократический», ты знаешь... после чего устроился не совсем ещё патентоведом... Но, по крайней мере, уже в правильное здание, — Ширин немного делано засмеялся, потому что передумал называть свою скромную должность «формальзахбейтер»*.

— Это интересно, — сказала Софи.

— Что именно? — спросил Ширин.

— Всё, но в особенности то, что ты сказал вскользь, скороговоркой: про связь между патентами и литературой.

— Да ладно, брось, — сказал Ширин, взмахнув рукой так, что официант принял этот жест за просьбу принести ещё одну кружку, — это я в шутку, чтобы выбраться из литературных построений («*Spekulationen*», — сказал он), я же невзначай вторгся на чужую территорию... Я занимаюсь патентами, как ты понимаешь, на технические изобретения, а не авторскими правами... на произведения.

— И всё-таки.

— Ну, и что здесь такого интересного?

— А то, что это напрямую связано с тем, о чём я хотела тебя попросить.

— Интригуешь.

* *Formalsachbearbeiter* (нем.) — чиновник-делопроизводитель в патентном ведомстве.

— Ну хорошо, не напрямую, но... связано. Если уж точно формулировать...

— Лучше точно, Софи, а то... это я виноват, конечно, мои сравнения так далеки... знаешь, как у нас говорят: «В огороде бузина, а в Киеве дядька»... Ну, тут не совсем Киев, но... огород-побратим, та же самая бузина, в городе, «дядя»... Я патентовед, Софи, а не литературовед и уже даже не библиотекарь, слава богу, и чтобы поддерживать беседу — а мне очень хотелось её поддержать, — я стал устанавливать связи... да, связи — всего со всем. Это был просто трёп.

— Да ладно, я тоже не спешу переходить к делу.. Понимаешь, я немного боюсь... Что ты откажешься.

— Тебе просто нравится говорить загадками! Наверно, ты так и рассказы пишешь — судя по приведенному фрагменту..

— Ну потерпи ещё немного, — сказала она, положив руку на его руку, — если, конечно, общение со мной для тебя не очень большая пытка...

— О нет! — сказал Лев. — Совсем напротив...

— Меня завораживает, — сказал Лев после небольшой паузы, — само слово «Geschichte».

— Какая история? — спросила Софи. — Я не совсем поняла. У меня их довольно много, ты ни одной не читал... Неужели то, что ты слышал про дядю, тем более что ты ответственно — как *настоящий* патентовед, — она улыбнулась и как бы вздрогнув изобразила как бы восторг, — сам

назвал мне тучу влияний, в том числе доселе мне не известных...

— Да нет, — сказал Лев, — “Ge-schichte” — плюраль, во множественном, ну как: Ge-steinе*, Ge-birge**, Gestirne***, а тут вот: «слои». История — это «слои», это наслоения, это слоистость... Послушай, Софи, а давай мы сегодня вообще не будем говорить... о том, из-за чего ты меня позвала? Это же не горит, правда? Давай мы перенесём это на следующий раз. Я почитаю твои книги, я завтра же пойду в магазин... — рука Ширина вдруг переместилась снизу — из-под её руки — наверх, накрыла её руку, стала её тихонько поглаживать, Софи попыталась убрать, но Ширин не отпустил, а, встретившись с её несколько удивлённым взглядом, вспомнил подходящий анекдот...

— Я хотел рассказать тебе историю о слоях (“Geschichte über Ge-schichte”, — сказал он): есть такой русский торт под названием «Наполеон». Многослойный, пять или шесть коржей, иногда и больше... и между коржами — слоями теста — там идут слои масляного крема, это там чередуется... Интересна история возникновения этого торта, я её тебе сейчас расскажу, но для этого мне нужна твоя рука.

* Горные породы (нем.).

** Горы (нем.).

*** Светила (нем.).

— Na dann*... — сказала она и расслабила руку.

— Die folgende Geschichte**... — Ширин почувствовал, как тембр голоса у него меняется на тембр... старого *сказителя*, — так он себе сказал, машинально воспроизводя старый апокриф о том, как Жозефина в разгар русской войны, войдя на кухню в каком-то русском доме в деревне, застала мужа держащим в руке ручку молоденькой русской горничной... — ...и Бонапарте не растерялся, — говорил Лев, — он стал поглаживать другой рукой руку девушки — одной держал, вот так, а другой поглаживал, вот так... приговаривая при этом так: «Сделай мне такой торт: слой масла, слой теста, слой масла, слой теста, слой...»

Софи засмеялась и всё-таки убрала руку, на этот раз Лев её отпустил.

— Щекотно, — сказала она, — не надо идти в магазин, вот держи, это мои ге-шихте... Слой масла, слой теста, да-да... Шихте — это ещё и смены, ты не забыл? Если уж говорить об истории...

И она вдруг резко протянула ему брошюрку в обложке, похожей скорее не на обложку, а на страничку тетради в косую линейку, каких уже давно нет — а здесь, возможно, никогда и не было... — подумал Ширин... «Выглядит как вроде... не совсем трэш, — думал он, — но кто судит по обложке...»

— Подпишешь?

* Ну, тогда (*нем.*).

** Следующая история (*нем.*).

— Да, — сказал она, — погоди, у меня где-то была ручка.

Найдя ручку в сумочке, она задумалась, и в это время за их столик немного бесцеремонно подсел гном в советской фуражке. Он спросил: «К вам можно?» — но это было уже в момент, когда он отодвигал стульчик — чтобы на него взгромоздиться.

Софи закрыла книжку, оставив ручку как закладку на первой странице, и Ширин, отвлечённый внезапным вторжением, не заметил, успела ли она надписать.

— Я возвращаюсь в Турцию, — объявил Бени, снимая фуражку и кладя её на столик, — я больше не могу так.

— А что — так? — спросила Софи.

— Пожарные, санитары, все как с цепи сорвались... Вдруг оказалось, что для этой площади недостаточно одного туалета. Я оградил тогда диджея стойкой — как бармена, и тогда получилось, что площади — для посетителей — стало меньше, и вроде бы фокус удался...

— Широкий человек, — сказал Ширин, поднимая кружку, — писал русский писатель, «я бы сузил». А кто-то из современных... русско-немецких... справедливо сравнивал бар с человеком...

Бени покивал, погладив себя по лысине, и сказал:

— Но через месяц пришли санитары, снова деньги... потом вспомнили про парковку — мало

мест, и вот это уже мне сложно расширить... в общем, мне всё это осточертело. Открою клуб в Стамбуле.

— Может быть, просто домой потянуло? Столько лет ты всё это терпел, — сказала Софи, — чего же вдруг?

— Не знаю, — задумчиво сказал Бени. — Может быть, просто всё надоело, не только эти придирки-парковки... Я, честно говоря, думал сначала открыть другой бар, в другом месте, ты знаешь, это ведь тоже не первый мой «локаль» — был ведь ещё «Инфразвук», ты не помнишь, ты ещё маленькая была... А потом я так пораскинул мозгами... но простите, я вас должен покинуть... Хотите водки? — спросил он, встав из-за стола и показав на Ширина пальцем. — Я скажу, вам принесут сейчас, в счёт заведения, разумеется.

— Мы говорили об «увеличении»... — вспомнил Ширин, когда Бени отошёл, — хотя сейчас это всё... за твоей спиной, кстати, не оборачивайся, не надо... там такая картина, нет, не на стене, там живая картина: «Человек, ужинающий с айпадом»... Разрезав отбивную на ломтики, он теперь её ест левой рукой, вилкой, чередуя с картошкой фри... а правая рука — в айпаде, который наклонно лежит на смарт-кавере... и вот, глядя на него, я думаю, что это символ эпохи — правая рука его порхает, выхватывает там что-то из цифровой прорвы, каждую секунду, что-то увеличивая, что-то уменьшая...

multi-touch, м-да... оградив диджея стойкой, стало быть, твой Бени победил пожарных, виртуально уменьшив площадь заведения... Кстати, все вы, наверно, друг друга знаете, одна шайка-лейка...

— Кто — мы? — спросила Софи.

— Владельцы популярных кнайп, бармены, всё это «милль».

— Ну, некоторым образом... есть такое дело, но круг, конечно, шире... многие диджействуют... в общем, как-то перемешано и все друг друга знают, факт. «Сцена», одним словом. Человек, которому надо будет нанести визит... он тоже из такого круга. Только не мюнхенского, а гамбургского. Это мой бывший друг. Он русский. Теперь живёт в Лондоне...

— Стоп-стоп, — помотал головой Лев, — ты или два, или двадцать... Или ноль инфо, или всё сразу... Твой бывший русский? Лондон? Нанести визит? Последнее звучит вообще как-то зловеще... Ну, говори уж тогда — зачем.

— Мне нужно забрать у него одну тетрадку, — сказал Софи.

— В косую линейку?

— Что это значит?

— А вот что, — Лев кивнул на обложку её книжки, — кстати, не забудь подписать.

— Не забуду, сейчас... Нет, там тетрадка другая, чистые листы, я имею в виду — не в клеточку. Просто белые листы, мелованная бумага, я за-

полнила их буквами, словами, росчерками, это мои черновики, первые наброски, мои первые опыты, мои пробы пера... Мне просто необходимо забрать их у этого человека. А он не хочет отдавать, он говорит, что они по праву принадлежат ему... потому что там описаны... вещи, которые мы пережили с ним вместе. И это теперь часть его жизни — эта моя тетрадь... И не отдаёт ни в какую. Ты разбираешься в литературе...

— Да нет же, Софи! Я тебе всё...

— ...достаточно, чтобы понять, что этот па-рень несёт полную чушь. Это всё равно что все прототипы вдруг предъявили бы права на соавторство...

— Он что, собирается публиковать это?

— Он говорит, что он ничего с этим не собирается делать — просто хранить у себя в шкафу, и всё. Клянётся, что никому не показывает, что он там вообще теперь мало с кем общается, кто знает немецкий... Но это меня не устраивает. Я не верю таким обещаниям. Мне нужно, чтобы эта тетрадь оказалась у меня. Я боюсь. Во-первых, всё может случиться с каждым — и со мной, и с ним... Если с Петером, то тетрадь попадёт тогда в чужие руки... и её опубликуют... я этого не переживу. Если со мной, и он решит тогда опубликовать черновики, я перевернусь в гробу.

— Стало быть, Петя, Пётр?

— Да. Он переехал в Лондон, он художник... Более или менее успешный. Скорее даже бо-

лее... Ну, когда ты посмотришь в Интернете его сайт и всё такое... у тебя может создаться впечатление, что он вообще, — она развела руками, показывая, очевидно, размеры славы своего бывшего друга, — но для меня, — тут же продолжила она, показывая одной рукой и двумя немногими согнутыми пальчиками, — он вот такой вот, — и она засмеялась, а Лев подумал: «Как это неприятно всё-таки, она беседует со мной, как с подружкой...»

— Петер попал сюда очень давно, — сказала она, — был ещё совсем ребёночком... Отсюда у него, я думаю, такая идеализация... ностальгия... «Спасибо Сталину за наше счастливое детство», да? Это он мне повторял иногда, то есть я была в роли Сталина, ну как бы, — и Софи расмеялась настолько беззаботно, что Лев подумал: «Кажется, этот Пётр для неё и в самом деле уже в прошлом... А вообще всё это постепенно начинает надоедать, похоже, она довольно-таки пришибленная, а теперь ещё и её дружок...»

— Он что, такой старый, что детство прошло при Сталине?

— Да нет, он всего на десять лет меня старше.. Это просто присказка такая была у пионеров, разве нет? Пётр её ещё дополнил, кстати, вот я вспомнила сейчас... Когда он объяснял мне, почему он решил перебраться из Гамбурга в Лондон... Кстати, не подумай, что он сбежал туда от меня.

— Я?! — воскликнул Лев, подумав, что она почти прочла его мысли. — Так мог подумать?

— Мы расстались с ним ещё до этого, за год примерно до его переезда... Так вот, он мне сказал, что никогда не думал... не собирался, то есть, всю жизнь провести в Германии, но особенно познакомившись с «эмигрантами волны»... С кем-то он чуть не подрался на застолье, куда его пригласили, пришёл с фингалом... Он сказал мне, что отвечать не стал, потому что стукнувший его был старше раза в два или в три... Ну, он начал за столом со своего обычного: «Спасибо Сталину...», а потом добавил вдруг ещё и: «Спасибо Гитлеру за нашу счастливую старость!»

— Мда, — сказал Лев, — весёлый парень, ничего не скажешь... И ты хочешь, чтобы я с ним встретился?

— Нет. Послушай, недавно я увидела, точнее, знакомая мне сказала, что видела его на таком сайте... Ты, может быть, знаешь: люди меняются на время квартирами, сообщества есть такие, почти во всех странах Европы? Ну, на два-три дня кто-то едет в один город, а те — навстречу им, оставляя квартиры друг другу, такой вид туризма.

— Я почему-то думал, что это уже в прошлом, — сказал Лев.

— Нет, это продолжается. А ты не состоишь в таком комьюнити?

— Нет, — сказал Лев, — я нигде не состою.

— Ну, это секундное дело — зарегистрироваться... Если ты согласишься.

— А почему *он* там состоит, ты вроде сказала, что он успешный художник, да и вообще, я думал, что это другая статья... Для тех, у кого нет денег на гостиницы.

— Я не знаю. Во-первых, что значит «успешный»... Я сказала «более или менее»... И потом, зная его... Я могу всё что угодно предположить... Кроме краж, разумеется, — она засмеялась, а Лев, сдвинув брови, сказал:

— Кражу ты предлагаешь совершить мне.

— Это не кража! Это возвращение собственности.

— Грабь награбленное.

— Это *моя* тетрадь, понимаешь?!

— Понимаю, — кивнул Лев, думая: «Что таки не в себе? Двадцать шесть лет, двадцать шесть татуировок или сколько их там... и сям... и вот такие идеи... нет, ну может такое прийти в голову нормальному человеку, а?»

— Смотри: ты регистрируешься на сайте, — продолжала тем временем Софи, — после чего знакомишься с Петером и предлагаешь ему на выходные поменяться с ним местами...

«Сказать ей, что ли, что я женат? — думал Ширин. — Подходящий момент вроде бы... Но не хочется... пока эти слова не произнесены...»

— Ну хорошо, — сказал он, — допустим. Я никогда не был в Лондоне, так что я пока не говорю

«нет». Но зачем это ему? Ты так и не сказала о своих на этот счёт, по крайней мере, предположениях — зачем он зарегистрировался на этом сайте...

— погоди, — сказала Софи, — для начала я ещё хотела объяснить, зачем это тебе. Дело в том, что я тебе неплохо заплачу.

— Ладно, — сказал Лев, — допустим. С этим мы разберёмся... Но почему ты думаешь, что я её найду, твою тетрадь? Ты ведь говоришь, что он её прячет.

— Ну, я надеюсь на это — что ты постарайся, — сказала она, — и если ты её найдёшь, я заплачу тебе в два раза больше. То есть не тысячу, а две — за два дня. По-моему, неплохо? Плюс билет, разумеется, и, так сказать, на расходы...

— Командировочные... да, неплохо, — сказал Ширин, — но, послушай, милая, это же абсурд! Из-за какой-то ученической тетрадки...

— Ты пойми. Пётр — художник, достаточно безбашенный и отнюдь не ограничивающий себя холстами-рамами... Он устраивает перформансы, иногда достаточно радикальные, я тебе как-нибудь покажу его видео... Хотя вот у меня прямо здесь есть, глянь, это уже постскриптум берлинского... «Перфоратор» называется...

Она что-то нащупала там, в своём телефоне, протянула его Льву, и он увидел пунктиром написанные на белой стенке немецкие слова... Ведем пальцем влево, он прочёл: «Вот и я проклянулся, сестрёнка!»

— «Сестрёнка», — повторил Ширин, — так в немецких сказках говорят...

— Мы с ним жили тогда у моря, в Гамбурге, я тебе говорила, он меня сильно любил... так называть, даже и не стреляя, — она улыбнулась, — сестрёнка, да... Мне кажется, у него была какая-то несбывшаяся мечта, оставшаяся с детства, родители обещали сестричку и обманули, в общем, такая вот история...

— А почему «стреляя» — это что...

— Да, это выстрелы, — сказала она, — эти точкы-ямки — от настоящих пуль.

— Прекрасно, — сказал Лев, — гениально... так Петя наш, стало быть, оруженосец, любитель пострелять...

— Да нет, он занимал для этого пистолет у знакомых, специально раздобыл на один день. Первый и последний раз он тогда из него и палил.

— Для первого раза довольно неплохо...

— Поверь, он совершенно безобиден и вообще не склонен к агрессии... Да ведь его там и не будет в это время — в квартире, он ведь будет у тебя!.. Если всё получится, конечно. По правде говоря, я не исключаю, что на сайт «меняющихся местами» он мог зайти, имея в голове какой-то очередной проект... То есть чёрт его знает, может быть, просто потянуло к перемене мест, в смысле, дешёвым путешествиям... А может, хочет и совместить одно с другим...

— Ну спасибо, — сказал Ширин, — вот только этого мне не хватало... Чтобы он устроил из моей квартиры инсталляцию, причём, исходя из его любви к тоталитаризму, я могу себе представить... А меня в это же время снял на скрытую камеру — в своей квартире, как я буду там рыться... И не только: как я хожу в туалет, тотальное видео, да-да, в духе какого-нибудь Болтански...

— No way! Перформансы — это перформансы, инсталляции — инсталляции, но никакого хулиганства, краж, разбоя, арт — это арт. Одно с другим несовместимо.

— Для чего она тебе?

— Для того, чтобы её сжечь.

— Рукописи не горят, — казалось, про себя сказал Ширин, но она услышала.

— Ого-го, ещё как! — и она всплеснула руками, показывая, очевидно, каким ярким пламенем будет гореть её тетрадь...

— Ну, может быть, немецкие... Как еврейские книги... Софи, я вообще-то женат, — сказал Ширин неожиданно слишком громко — так, что человек с айпадом за соседним столиком перевёл взгляд с экрана на свою пустую тарелку и «весь обратился в слух», Ширин заметил это (машинально подумав, что по-немецки: «Я весь — уши») и сказал уже тише:

— Кроме того, в твоём рассказе есть противоречия. По твоим словам, твой экс не любит эмигрантов или, по крайней мере, вполне конкрет-

ный «ограниченный контингент беженцев»... К которому я тоже принадлежал изначально, и, получив немецкий паспорт, не отказываюсь... от своей принадлежности. Почему же тебе пришло в голову, что у нас с ним возникнет контакт?.. Не объясняй, не надо, там у тебя, в рассказе, было ещё несколько противоречий, в том числе по поводу «художника и злодейства», но это не так важно... Вот что я хочу тебе сказать. С первой частью я вроде бы справился... Кажется, я нашёл твоего дядюшку.

— Что-что? — удивилась Софи.

— Ну, в смысле, я понял, кто это был.

— И кто же?

— А вот просто один из тех, кто незаметно смешивается с толпой на поминках... Я вспомнил, как недавно... Ты читала Уве Тимма?

— Да, я читала Уве Тимма, и что?

— Там у него в «Красном цвете» были такие «Traueresser», помнишь, посещали все поминки, где было много народу и можно было незаметно примкнуть к траурной толпе и потом к застолю... Они называли себя, если кто-то из близких покойного их спрашивал, а кто они, собственно, такие... «дальними родственниками», «дядями», «двоюродными дедушками», вот и твой наверняка был из таких.

— Но мы никого не похоронили в тот день.

— Ну и что? У Тимма они появлялись только на поминках, а вообще... почему бы им не хо-

дить и на другие большие празднества — где много гостей, ты сама сказала, что в тот день у вас было много гостей, а повод ты теперь уже не помнишь... Ну, это же классика, пьеса такая была итальянская: «Моя профессия — синьор из общества»...

— Знаешь, я всё-таки думаю, что это был наш дядя, Лев. А родители не хотели мне это говорить, вычеркнули его... Но ты ушёл от разговора по существу... Так ты попытаешься достать со дна Лондона мой черновик?

— Я должен подумать над твоим предложением.

На самом деле он ещё там же, в баре «Двадцать пять», понял, что будет делать: он предложит это путешествие «в гости к сказке»... ну да, мальчику, которому с детства хотелось в английскую книжку с картинками, которую он читал со своей учительницей, очень трогательно, правда?.. Конечно, о своих мечтах Паша рассказывал не только таким случайным собеседникам, как та маклер... Но и Шириным, у которых, как мы ещё помним, он прожил без году неделю, и обретя не то чтобы ПМЖ, но, скажем так, жилищную самостоятельность, по крайней мере, заходил к ним в гости если не каждую неделю, то довольно-таки часто.

На этот раз всё было наоборот: в гости пришёл Ширин и, застав у Паши приехавшую из Москвы знаменитость, слегка даже обиделся за то, что Паша не догадался позвать его сам.

Паша начал было что-то говорить, но Ширин его прервал: «У нас, у клерков, своя гордость», — Паша громко рассмеялся и сказал, что он как раз собирался звонить Ширину — на следующий день, Семёнов, мол, только приехал, ну, короче... чокнулись, выпили, чокнулись, выпили... «Хороший виски, чё», — сказал Ширин после третьей, как бы распробовав». «...Из дьюти-фри», — сказал Семёнов. «...Ну конечно», — кивнул как-то вбок слегка закружившейся головой Ширин и подумал, что весь этот молл, который находится под ними, похож на дьюти-фри... на здание аэропорта... Единственная, может быть, разница: нет этих длинных прямых горизонтальных «эскалаторов», как в аэропорту, да и мёбюсовских лент для получения чемоданов... и ещё, если уже ко всему придирааться, неоновые лампы там немножко не так расположены, в аэропорту их мостил Дан Флавиан, в пинакотеке модерна они тоже есть, эти его цветные лампочки, это постоянная инсталляция... Но это мелочи, в остальном же всё точно так... как будто ППШ свил гнездо над аэропортом, — так примерно Ширину, жителю первого этажа, думалось, когда он глядел на крышу молла с высоты двенадцатого этажа после того, как они прикончили вторую бутылку Jameson.

А потом Ширин увидел облака — очень низкие, или, точнее, даже не низкие, а близкие — как бы с другой стороны... страшно похожие на те,

что видны в иллюминаторе, вот с какую овчинку небо ему... даже и не показалось — оно и вправду было в тот день и час в Мюнхене — такое.

«Поразительно близкие облака, — сказал вслух Ширин, — как будто летишь над ними, сделал “бочку”, — кажется, так называется эта фигура... высшего пилотажа...»

Семёнов вышел на балкон с чёрной трубой, больше похожей не на фотоаппарат, а на телескоп, и Лев подумал, но вслух ничего не сказал... что-то о бессмысленности фотографии, о зуммере-зуме... о «фотоувеличении», о котором давеча говорил с девчонкой, ведь в том-то и дело, что это странное и словами так же, как и кадрами, непередаваемое чувство рождается от того, что ты видишь «овчинку» непосредственно, без всякого увеличения, так близко, как будто сверху летишь над ней, касаясь барашков крыльями, ныряя периодически в их отару, или лицом в изнанку своего тулупа, если угодно, голову под крыло... А так это вообще не стоит выделки, на фотографии, даже не глядя, можно заранее сказать... И Ширин ушёл в комнату — он стал чувствовать неуютные толчки невесомости, перегрузки... как будто он уже летел в самолёте, попавшем в пересечённую небесную местность, буераки, воздушные ямы...

«...Или это толчки идут от сердца... — подумал он, — а вот оно сделало такое движение — там, внутри, как будто передёрнули затвор...»

Ширин замер, ожидая... «Но нет, стрелять не стали... в этот раз нет... “Я ещё не проклянулся, сестрёнка”... Больше ни грамма, — говорил себе он, — и в самолёте ты тоже пить не будешь, а то я тебя знаю... Впрочем, в самолёт-то мы посадим ППШ...»

— Нет, — сказал Паша, — выслушав не очень подробный рассказ. Ширин ограничился тем, что сказал ему, пока Семёнов на балконе увлечённо «отрабатывал» здешний небосвод, что есть возможность слетать в город его мечты бесплатно, да ещё и получить в придачу дополнительную — «тринадцатую», — пошутил Лев, зарплату, прикинув в уме, что сумма примерно равна Пашиной месячной... Он не сомневался, что Паша согласится, и ехал вовсе не для того, чтобы его уговаривать... Мог бы и позвонить, конечно, но он просто подумал, что давно не был у «их мальчика» и к тому же хотел заодно сделать в молле кое-какие давно откладывавшиеся покупки...

— Во-первых, — сказал Паша, — мне нужна виза. Ты, Лев, став гражданином Германии, наверно, забыл о таких подробностях... А для негражданин Евросоюза в Англию нужна виза, это не Шенгенская зона — я это узнавал, когда думал сам по себе туда слетать... но передумал. Ну не возиться же ради этого с визой, которую к тому же совсем не факт, что дадут, — с моими птичьими и здесь-то правами...

— Есть путёвки, — сказал Лев, — есть русские турбюро, мне кажется, они запросто решат все вопросы: «туристическая виза»...

— Ну и во-вторых: не хочу, — сказал Паша.

— Как — не хочешь? — удивился Ширин.

— Да, не хочу разрушать иллюзию. Как это было с Парижем... Но о нём я никогда и не мечтал, так что и не жалко... А Лондон... Не-а, не хочу. Пускай остаётся там, в детстве.

— «Только детские книжки читать...» — начал было ехидно декламировать Лев, но замолчал, немного подумал и сказал: — Ладно, имеешь право... Тогда я полечу. Виза мне не нужна, почему бы и не... А вам хорошо погулять тут... удачной фотоохоты! Вы захватываете окна пуфа, маэстро? — выходя на балкон, спросил он Семёнова, продолжавшего снимать облака, подкрашенные теперь ещё ржаво-красной краской и оттого выглядящие, с точки зрения Льва, особенно пугающе. — Пуф — это публичный дом, — добавил он, — вон там, видишь, красные светятся, это у Паши такая до-сто-при-меча-тельность. По-немецки: «зеензвюрдихкайтен».

— Да уж вижу, — улыбнулся Семёнов, — яволь-яволь. К сожалению, они непроницаемые... но всё равно, когда ты сейчас произнёс слово «охота», а тут, как бы сказать... на ловца хоть зверь и не бежит, но прямо под окном на тебя как бы зырит... И вот мне вспомнилось... знаете что? Никогда не догадаетесь! — он поискал глазами

Пашу, менявшего закуски на журнальном столике в комнате. — Партийные деланки, члены политбюро, стреляющие в диких свиней...

— Вы что, участвовали? — спросил Ширин.

— Вы — это мы, а мы уже были на ты, — рассмеялся Семёнов. — Я — нет, но была и со мной такая история... Когда я служил в армии, мы ходили в клуб, который был рядом с частью, на кадриль, так сказать... Там я познакомился с одной очень хорошей девушкой. Мы полюбили друг друга. Я не сразу узнал, что это внучка Андрея Андреевича Громыко...

— А может, лейтенанта Шмидта? — сказал Ширин.

— ...и благодаря этому я единственный узнал, почему он не выстрелил во время охоты — которую обслуживали солдаты нашей особой части...

— Не понял, так ты был особистом? — сказал Ширин, но Семёнов и на это не реагировал, он продолжал:

— ...и вот, когда вепрь выскочил из зарослей и пошёл прямо на дзот, в котором сидел Громыко, мы затаив дыхание смотрели, как зверь замедлил шаг, это было как при замедленной съёмке, он пёр на бруствер, медленно и неумолимо, как танк... Наш командир кричал шёпотом: «Что же это такое? Почему он не стреляет? Что случилось?» «Огонь, — сказал он нам, — только по команде». Ну, мы и не стреляли, держали автоматы на весу, смотрели, как кабан

приближается к дзоту, где сидел мистер Нет, — хотя мы тогда, конечно, не знали, что его так называют на враждебном нам Западе... И вот, стало быть, только когда зверь уже почти лёг грудью на амбразуру... Наш майор скомандовал: «Огонь!» Так вот, причина была такая — об этом мне рассказала внучка: бабушка, по её словам, уже было изготовился, но, ожидая появления зверя, который медлил выходить из чащи, отнял щеку от приклада, стал машинально смотреть на винтовку вблизи... И вдруг прочёл там надпись: «Сделано в ЧССР», и после этого он... представьте себе: расплакался. Разрыдался. Да-да, дело в том, что это было вскоре после того, как наши танки...

Ни фи́га Ширин не ушёл и после этого, и в голове у него ночью... Ну да, «сон алкоголика недолог и тревожен», — повторял он, стелая, и часто ходил в туалет, и давал разбуженной Лиле очередные зарюки: «Всё-всё, теперь сухой закон...» И снова лежал без сна со скачущим сердцем и тяжёлой больной башкой, где был хаос, мелькали обрывки семёновских «охотничьих рассказов» вперемешку со строчками Софи, которые он читал накануне, так и не составив о последних собственного мнения... Почему-то он окрестил их все скопом про себя “Liebelein”... «Почему-то» — потому что Ширин и сам при этом не смог бы сказать, что подразумевает под этими «любвями», Шницлера ли, Чехова... первый сборник ко-

того на немецком так назывался, и бывшему библиотекарю это вспомнилось вовсе не потому, что он сравнивал Софи с АП... а только из-за названия — к которому АП непосредственного отношения, по-видимому, вообще не имел... Согласовал ли это с ним переводчик? Неизвестно... Ну и просто это слово — «в отрыве от всего...» — началось, на слух чужестранца, по крайней мере «презабавно» (всё-таки больше в духе трагикомедии Шницлера) и при этом не означало, по сути, вообще ничего... «Во всяком случае, не совсем графомания, — решил в конце концов для себя Ширин, — или... скажем так, это, может быть, “графоманство чувств”, “канкан любвей”, ну да, ну да... который тоже достоин ведь пера — как танец лебедей... маленьких “либидей”... беда не беда... девочки-мальчики... котики-наркотики... в ротики-невротики... что вовсе не означает графоманства слов, кстати, потому что на бумаге выглядит всё довольно бодренько... Ну, не тухло, скажем так... вот и пусть её резвится, танцуй, пока молодой, мне-то что... раз она такая деловая... ну да, мне — старые тетрадки, черновая работа... при этом видно же, что эта проза — в книге, как бы сказать... уже отшлифована-обкатана, что это не сырьё, которое, наверное, и есть в тетрадке... вокруг которой она напустила столько тумана... и теперь хочет, чтобы я за ней летел... в туманный Альбион, ну да... через Альпы... или это в другую сторону... она сумасшедшая... эти облака сегодня

были так низко... как будто я уже и так — schwebе, да, парит-парит наш орел...»

У Ширина, в отличие от Паши, с Лондоном не было связано никаких особых ожиданий, которые больно было бы терять, хрупких иллюзий, которые не хотелось бы разбивать столкновением с грубой реальностью... При этом у Ширина вообще уже давно наблюдалось, как бы сказать, этакое георавнодушие, знакомое, навверное, всем эмигрантам, — так, во всяком случае, Ширин думал, то есть что даже те из его русских друзей, кто продолжают этот «галоп по Европам» с неослабевающим вроде бы энтузиазмом, на самом-то деле в глубине души тоже равнодушны: Лондон ли, Париж или Берлин — по барабану... Если уж ты уехал *оттуда*...

Так что Ширин, хотя сам и не ездил на «...одину», больше понимал тех, кто регулярно ездит туда...

Туда-туда — к тётке в Саратов... чем тех, кто перемещался по Загранице — бессмысленной после того, как все границы стали открыты... «Как будто бы белка в раскрученной клетке...» — как пел его приятель-бард, положив на три аккорда его старые стихи (что Ширин, впрочем, тщательно скрывал)... Ну, вот как-то так же он это ощущал, понимая, что это само по себе бессмысленно — отменять всю географию из-за отмены железного занавеса, но... сердцу ведь не прикажешь, да?

И в этом они, кстати, и с Пашей сошлись во мнениях — мы уже упоминали, кажется, что Паша унаследствовал не тягу к путешествиям от отца, а от матери — домоседство, в общем, чувство, что от перемены мест слагаемых...

Ну так вот, причин не слетать в Лондон на таких идиотически-чудаковатых условиях у Ширина вроде бы и не было. Разве что чисто обывательские опасения: художники, перформансы, жизнь-театр... какой-нибудь... подпольный ситуативный интернационал в действии... или ситуативистский, ну, в общем, *ситуации*... «в которые мудрый человек, в отличие от просто умного...» — что-то такое мелькало у него в голове, но... надо сказать, что хотя Ширин и называл себя «клерком» — иногда он даже представлялся так в обществе, да... Но до «клерикальной паранойи», как он называл подобные состояния сознания, что ли, не дорос... в своей карьере: “Ich bin noch nicht so weit”*, — говорил он себе или *о себе* в подобных случаях...

Да и не был он никаким клерком, как вы уже, впрочем, и сами давно поняли.

Разве что очень мелким...

То есть «чинуша», как он тоже ещё выражался, занимал там — в нём самом, Лёве Ширине — не очень-то большую жилплощадь...

Он зарегистрировался на сайте европейцев, «меняющихся местами», то бишь квартирами-

* Так далеко я ещё не зашёл (нем.).

квадратурами, друг с другом, ну да... И через некоторое время они с Петром Лисовским фактически стали друзьями... Заочно, эпистолярно – скайпа у Лисовского не было... Но бывает так: кажется, что давно знаком с человеком, что где-то встречались, если бы верил в метемпсихоз, сказал бы «в прошлой жизни», а так... Клерки, кюнстлеры – это неважно... «Карасс». Да-да, слово из романа Воннегута всплывало не раз в сознании Ширина в подобных (не таких уж и частых, кстати говоря) случаях... Так что подозрения в том, что его заманивают в какую-то «ситуативную» ловушку, – отпали сами собой.

С Лилей тоже всё было ясно: в Лондоне, в отличие от него, она бывала уже не раз, там жила её старая школьная подруга, которой в данный момент в Лондоне как раз не было, и никакого желания туда лететь Лиля не проявила... Зато она давно хотела съездить в Триест – цель вполне достижимая для «вылазки на выходных» из Мюнхена, и без всякого самолёта (летать Лиля всегда немного побаивалась)... И она решила, что съездит тем временем в Триест с Комой на её новой машинке – Кома после небольшого перерыва снова села за руль, на этот раз спортивной «Мазды», как раз два места – «Чтобы ты ни в чём не сомневался», – улыбнулась Лиля, а багажа на два дня много не надо, и всё поместится, и: «Мы хорошо развеемся, – сказала Лиля, – говорят, там такие приятные ветры

дуют...» — и Ширин невольно подумал: «И порезвимся? Дует-дует ветерок...» «А если повезёт с погодой, — продолжала Лиля, — даже с открытым верхом!» — и тут Ширин тоже, с похмелья что ли, не сразу и понял, что жена имеет в виду только то, что у Комы теперь кабриолет... «Но если королева и под подозрением, — подумал он, — впрочем, вечным... главное, что король... не под вечным... и вообще, не под шахом... и, таким образом, все условия рокировки... правда, странной, короли меняются местами...» были вроде как и выполнены: в распоряжении живописца была на два дня трёхкомнатная квартира Шириных в дальнем, но всё-таки Швабинге, а в распоряжении Ширина — двух- или даже трёхуровневая «студия» — «...в Ист-энде, но это даже интереснее, — писал ему Лисовский, — если ты был в Берлине, то знаешь разницу... даже не между Ист и Вест, а между, скажем, Шарлоттенбургом и Кройцбергом, — вот примерно так же и здесь, у меня очень *живой*, в хорошем смысле, район...»

В баварской столице художник, выросший и «вставший на ноги», как он писал в мейле, в Гамбурге, никогда не был, так же как и Ширин — в Лондоне... Но, в отличие от Ширина, в Мюнхене у Лисовского было довольно много заочных друзей-художников, и возможно, что это и было одной из причин его интереса в блиц-обмене жизненного пространства — Ширин об

этом не спрашивал и уж, понятное дело, ни словом не упоминал Софи.

У Ширина за короткое время их переписки даже успели возникнуть некоторые угрызения совести — ведь всё-таки он намеревался «ограбить» парня, как бы это ни называла «заказчица», но... «На самом деле я ведь могу ничего и не найти... С моими талантами поиска потерявшихся в квартире моих собственных вещей без Лиле... И я не алчный, как известно, так что вторую часть “гонорара” могу просто сразу послать в задницу и... вообще ничего не искать, — говорил себе Ширин, — а впрочем, что сейчас об этом думать, как карта ляжет... как душа лежит или не лежит... там видно будет... карта души... или душа карты... на которой есть карта, и комната, и стол, и карта — Лондона, на которой есть стол и карта — Лондона, в котором лежит тетрадь...»

Хотя Лиле он объяснял своё решение не только меркантильными соображениями, которых было бы вполне, впрочем, достаточно при их скромном бюджете... Но Лев, что ли, для того, чтобы ещё раз себе самому всё это объяснить — как-то сформулировать то есть, — стал подробно воспроизводить — «разворачивать» — пришедшее ему в голову сопоставление, при этом сильно преувеличивая свой интерес к содержанию девичьей тетрадки... Собственно, он думал ограничиться несколькими словами.

— Я просто подумал, а вдруг там... — и многозначительно умолк, полагая, что и так ясно: ну, *нечто*. Но Лиля туманом не довольствовалась.

— Ну что? — сказала она. — Ну что там может быть — план, где лежат сокровища её бабушки? — и рассмеялась, взъерошив «львиные», как она всё ещё их называла, седые пряди...

— Не угадала, — сказал Ширин. — А вдруг оно и есть — сокровище?

— Золотце моё, — рассмеялась Лиля, — я ещё не читала её книгу, но что-то не заметила по твоему лицу, чтобы она тебе особенно...

— Неважно! — сказал Ширин. — Ты пойми такую вещь... Ты вспомни троюродного брата Комы...

— Господи, ну кто же может забыть, — сказала Лиля, — этот голос.

— Вот именно! — подхватил Ширин, и они вместе с женой, наперебой, стали вспоминать *то время*: «А помнишь... а помнишь...»

— ...а помнишь, как он приехал — почти сразу после того, как в нём это проснулось, — в санаторий ВВС, где мы с тобой и с Комой отдыхали, благодаря её незабвенному дяде... Как он пел в холле: «Сатана там правит бал!» — там же стаканы звенели и чуть крыша не поехала у всех самолётчиков...

— Да там были такие же лётчики в несезон, как мы с тобой...

— Ну да, ну да, у всего санатория, помнишь крышу — там такой гигантский купол над хол-

лом, лестницы, балюстрады, мрамор, бронза-позолота... Ну чем не Большой...

— Помню, помню: «...люди гибнут за металл...», да... это был тот ещё голосина... Джельсомино, как мы все тогда его называли... После того как он спел — ещё перед тем, как выйти в холл, когда он заявился к нам с гитарой, ты помнишь, и запел, сев на краешек моей незастеленной кровати, романс... Стёкла в номере вылетели!

— Ну нет, Лиль, не преувеличивай, всё это и так было настолько баснословно, что не надо преувеличений... но стаканы дико дребезжали, да.

— И стёкла! А в дверь забарабанили соседи с криками: «Я с 1933 года в партии, но подобного безобразия ещё не видела!» — противно заверещала Лиля...

— Но это Сашу не остановило, — продолжил Лев, — он перешёл в холл, спел там арию... я думал, сейчас приедет «скорая», санитары леса, чекисты или что-то в таком роде... Но пока там они как-то организовались — вспомни, он успел смешаться с толпой и перейти в актёрский зал... где выступал какой-то массовик-затейник, и — уму непостижимо, но зал был полон, ну нечего там было больше делать, во всяком случае, тем, кто не пил тихо, сидя по номерам, горькую. И вот этот массовик на сцене, как будто приняв от Саши телепатический сигнал...

— Ну, это ты сейчас так говоришь... Ты тоже, того, Лёвушка... не преувеличивай... Сашкину сверхчеловечность...

— Нет, Лиль, я помню, что ещё тогда я так подумал... Саша же перед этим занимался какой-то такой хреновиной, ты просто забыла, он посещал какую-то студию «юных биополевиков», как-то так это называлось... прежде чем объявил нам: «Я понял, что хочу быть учёным, а не подопытным кроликом...» — и перешёл на биофак — на отделение биофизики... И учился на отлично, пока в нём *не проклюнулось*... И вот массовик объявил: «Сейчас поёт левая половина зала, а потом будет петь правая. Кто громче, та и взяла!» Я уж не помню, что пели, но как сейчас вижу... Саша пел сначала сидя справа, а потом быстро перешёл — на левую половину зала... И спел ещё громче... себя! Ну да, остальных вообще не было слышно, хотя они чё-то пели, — он их перекрывал, как бы соревнуясь с самим собой...

— Да-а-а... это было что-то нечеловеческое, и стёкла где-то, по-моему, всё-таки вылетали, в другой комнате... Потом, когда с ним поработали учителя-концертмейстеры, голос стал настолько тише, что мы с Комой могли присутствовать на репетициях... голос стал «комнатным».

— Ну так вот же: голос стал не только тише, но вообще как-то поблек... Звёздочка взошла на оперном небосклоне, ярко полыхнула и... почти сразу угасла.

— Нет, это ты загнул, Лёвенброй... «Иван Козловский поёт громче меня», — засмеялась Лия, — ты забыл... Он успел победить на международных конкурсах и спеть в лучших театрах — причём в обоих полушариях, да?.. Я сейчас подумала: как тогда, в актовом зале, — сначала в правом, потом в левом...

— М-да, так с кем же он соревновался тогда, «с кем протекли его боренья»... Так или иначе, но после «шлифовки» это был совсем другой голос, ты с этим согласна, ощущения чуда, сверхъестественного... уже не было... Громко можно петь и с микрофоном, дело же было не только в громкости, но... в какой-то, ну я не знаю, стихийной мощи, вот как будто это какое-то стихийное явление было, может быть, даже и бедствие — было ведь немного страшно, согласишься, когда Саша пел. Было непонятно: как он сам-то не боится...

— Наш Джельсомино, да-да... Кто мог знать тогда — в 1984-м, — что эта кликуха накликает? Что правдорубы разрушат «страну лжецов»...

— А ты уверена, что это был 1984-й? Может быть, это ты из-за Оруэлла машинально подставила цифру, я вот не помню точно, когда Комаровский запел...

— Неважно, он ведь не сразу замолчал, и в 1984-м, стало быть, ещё пел, и ещё как.

— Ну, в общем... И было ведь на моей памяти ещё как минимум одно похожее явление, хотя

и не такого, конечно, масштаба: это когда Гриша начал рисовать прямо на рабочем месте нас, патентоведов... Я тогда понёс показать его рисунки самому Вербицкому, тот глянул... И я помню, какие огоньки у него вспыхнули в глазах... «Здорово! — сказал председатель творческого союза. — Это действительно здорово... Вот только... если он будет учиться, он так рисовать не сможет, ты ему это передай». И как в воду глядел старый хрыч, я-то передал, но это не помогло, Гриша пошёл брать частные уроки, решив со своей основательностью, что под всем должна быть прочная база... И что? Где он сейчас? В лучшем случае на Арбате, уличный художник... Тогда как в первых его рисунках было как будто то же безумие и... «линия мира»... что в неотшлифованном голосе Саши...

— Ну всё-всё, я поняла, — сказала Лиля, — не «фильтруй базар», а «алло, мы ищем таланты»... Ау. Потерянные ими самими, да? Ну что, удачи... Дашь почитать, я надеюсь... Хотя что-то мне подсказывает, что это не тот случай... Что она просто не хочет, чтобы видели, «из какого сора», а всё остальное ты напрасно выдумываешь...

— Что я выдумываю... — сказал Лев, — не так важно... Посмотрим... А если и не посмотрим... в смысле если не найду тетрадь, тоже ничего страшного при наличии стольких мотиваций: новый город, старый добрый кэш плюс... Впрочем, хватит и этих двух пунктов.

— Плюс возможность на три дня смыться от жены, — подсказала Лиля.

— И от мужа! — засмеялся Лев. — Смотрите, ведите себя там прилично, там такая есть набережная бесконечная, в Триесте, почти до самой Венеции... Вот туда лучше не ходите вовсе.

— Ну-ка, ну-ка, — прищурилась Лиля, — с этого места поподробнее: так что ты там видел на набережной, а?

— Да ничего особенного, «открытый верх» разве что, но там это... Ветер там уж очень сильно дует, факт, чтобы не унесло вас на фиг... и вообще: будь поосторожнее с кабриолетом, ты помнишь, как меня надуло, когда мы ездили с Маркусом... с нашим старшим библиотекарем, я не мог разогнуться потом две недели, так меня скрутило тогда...

Он вспомнил это своё напутствие жене даже не в тот момент, когда в Лондоне у него проснулось его «любимое» люмбаго, а когда... просидел уже с полчаса на станции метро «Мэрилебон» в такой... немного странной, скажем, позе — похожей на одну из асан, которые он ещё помнил, — чтобы расслабить спину... и вдруг увидел на толстом вязаном свитере — довольно грубой вязки, это вот было точно... а цвет... цвет шерстяных нитей, из которых свитер был связан, Лев потом забыл... Зато навсегда запомнил железный крюк, который он там увидел — на спине незнакомца, — сидевшего как бы вполоборота, отвер-

нувшись... Крюк был не меньше сантиметра толщиной, а цвета пожалуй что коричневого, не розового, и не медный он был, нет... и не ржавый, а какой-то... чуть ли не чугунно-литой, да.

Во всяком случае, железный, не какой-нибудь алюминий...

Очень толстый, то есть массивный, крюк, ну да, висел на спине человека, ожидавшего, как и Лев, не электричку, а что-то другое или кого-то, женщину, как оказалось... Лев же ожидал конца болевого приступа... И думал, что немного сглазил себя: перед этим он как раз подумал о том, как неожиданно хорошо ему дышится в Лондоне... И сердце не чувствуется вовсе, как будто оно там и осталось тарыхтеть — в «Городе с Сердцем», как Мюнхен сам себя называет... А в «городе без сердца» — как Лев заочно представлял себе Лондон, видимо, помня ленинскую фразу “It’s two nations!”, — да... и из всех последовавших фильмов, рассказов... Из интервью с Джеггером, например, которое он недавно читал: «Простите», — сказал сэр Мик, когда интервьюер «Зюддойче Цайтунг» спросил его, не кажется ли ему, что в последние годы в Лондоне всё как-то совсем меркантильно стало, всё крутится только вокруг денег... «Простите, о чём мы говорим? — воскликнул Джеггер. — А разве в этом городе так было не всегда? Это Лондон, парень, здесь всегда, все века речь шла только об одном и всё крутилось вокруг *только* одного: вокруг денег!»

Короче говоря, какие-то, с одной стороны, предубеждения, с другой... Да и неважно, из чего там складывались его представления о Лондоне, пока он сам туда не занырнул...

А там он сразу ощутил лёгкость, ну да, хорошо как-то себя почувствовал, объясняя себе это тем, что перемена мест сказывается так благотворно, что-то всё-таки слагаешь с себя при этом... и с Мадридом, скажем, было бы точно так же... Есть такое понятие даже, «геотерапия», вспомнил он слова своего домашнего врача, лечение при помощи переезда, иногда помогает — «и странствия песня, как общий наркоз...», и даже климат тут ни при чём... Так что география *не* кончается вчера — только пункт назначения, может быть, не играет больше роли, «главное — прочь, а там всё равно», если уж вспоминать «русский рок», хотя всё-таки приятно, что это не Найроби, а Лондон, «...город Лондон прекрасен, особенно в дождь...» — бормотал Ширин, шляясь наугад по улицам, периодически останавливая прохожих, чтобы узнать, как пройти туда-то...

Впрочем, и тут, уже даже локальные, «пункты назначения» играли всё меньшую роль — Лев быстро осознал, что гораздо больше, чем «оживающие открытки» с видами Тауэра или Вестминстера, его радуют ожившие слова, за которыми тут никто не лезет в карман... Или если уж лезет, то слово потом начинает сразу же быстро летать туда и сюда, как шарик пинг-понга, вот

точно так, да... как у игроков оказывается в руке всё время новый и новый шарик, когда прежний улетает, — так быстро, что даже не успеваешь заметить, откуда они его извлекли — из кармана, или он был всё время в другой руке, как будто даже целая пригоршня...

Осознав это — что ему напоминает эта здешняя манера разговора, её темп, ответы вопросом на вопрос... Лев даже вспомнил анекдот времени «Москва — Пекин»: «Мама, я здесь познакомилась с пинг-понгом». — «Доченька, ничего, что он китаец, главное, чтобы человек был хороший».

«Как-то веет от этого анекдота здоровьем, да... В более позднезастойное время “хороший человек” уже был только в ироническом смысле, — подумал Лев, — ну да, два кирпича, лежащие на крыше, один другому говорит: “Главное, чтобы человек был хороший”».

«Хотя кто знает, может быть, та дочка и мамаша и были что те два кирпича... — думал Ширин, глядя на кирпичный Лондон, — мама, я сделаю это тонко...»

Пинг-понг, да, вопрос на вопрос, вопрос не вопрос, многие рассказывали — и рисовали ему в ответ в воздухе руками моментальные скетчи... И всё это ему ещё что-то напоминало, но он не сразу смог осознать, что именно, какой-то светлый образ мелькал, как и белый шарик... но он

не напрягал память, а получал удовольствие — неожиданное и тем более приятное, от всех этих модуляций языка, совсем не похожего на тот, к которому было привычно его ухо, слышащее в Мюнхене едва ли не ежедневно в метро громкий — как будто говорящий стоит рядом с тобой, хотя он вон там, в самом конце вагона...

В общем, этот американский, другой английский, этот *very penetrating — voice**.

Плюс каламбуры, без которых не обошёлся, кажется, ни один отвечавший ему прохожий, разве что не целые анекдоты... и вдруг он понял, что напоминает ему этот город: Одессу, ну конечно. «Вот же она, ты же по ней идёшь!»

«Но тут ещё и ситуативно, — подумал он, — ведь туда я тоже попал на два дня... или нет, там было ещё меньше, и тоже за книгами... хотя здесь — вообще чёрт его знает, за чем... её... меня... она меня послала... может быть, просто подалее... но там было — за книгами, да... и дело даже не в этом: дело в ответах прохожих, в этой моментальности их реакций... в стопроцентных попаданиях в точку — yes! this is the point... при этом в Одессе меня удивило то, что я в точности так её себе и представлял... А в Лондоне — то, что я никак не ожидал найти здесь тот же самый meshugaas**... что и в Одессе... Возможно, это

* Пронзительный голос (*англ.*).

** Мишигаз — то есть безумие, сумасшествие (*идиш*).

компенсация за то, что Одессы было так мало?.. Сколько там было той Одессы...»

Ширин пробыл в городе-герое одну ночь без дня... Вечером приехали и уехали рано утром, всю ночь бродили по пустому городу — тогда ведь там не было ночной жизни, советский город спал спокойно, так что и не так уже чтобы сильно общались с одесситами... но даже того, что было — с водителем такси, с последними ночными прохожими, — хватило, чтобы изумиться... Он-то думал, что её таковой уже нет, что она такая теперь только в книгах... Но книги лежали в камере хранения, были наглухо заперты железные дверцы с шифром, а он с Озерским-младшим, записав коды ячеек на бумажку, как два вылетевших из книги призрака, гуляли на свободе с оттопыренными карманами... Может быть, впоследствии её и не стало, этой «мамы», он это не исключал, но тогда — в восемьдесят восьмом, что ли, году, это оказалась самая что ни на есть Одесса-Одесса...

Он тогда ещё работал в институте, зарплаты катастрофически не хватало, тем не менее каким-то — непостижимым теперь уже образом — Ширин выкраивал из этой самой зарплаты деньги на покупку очередной книги, «без которой нельзя жить», — с чем Лиля была в принципе не согласна, но как-то всё это она терпела... И однажды Миша Озерский, у которого Ширин приобретал очередное сокровище, спросил его, не

хочет ли он смотаться в Кишинёв, где прорва худлита, совершенно свободно они там продаются, книги, можно покупать хоть чемоданами, — что Озерский и предлагает ему сделать вместе с его, Озерского, двоюродным братом, в четыре руки привезти из Кишинёва четыре чемодана, набитые томами Цветаевой, Гумилёва... для расширения его — Озерского — книготорговли. «Чем плохо? — сказал Озерский. — Когда вы ещё побываете в Кишинёве, — плюс к расходам — по полторы сотни на брата... Ну, то есть и тебе, и брату — по полторы», — рассмеялся он, и Ширин, поначалу возмущившийся даже самым вопросом... неожиданно для себя согласился. Взял отгулы и поехали с Мариком на поезде в Кишинёв, где они очень быстро набили чемоданы так, что больше им было уже просто не увезти — в четыре руки... Следом ведь не шли... четыре великана, двадцать четыре НЕ несли чемодана... А денег осталось ещё очень много, Озерский как-то не рассчитал, и больше половины они не смогли потратить, и вот это ощущение — туго набитые, смехотворно выпирающие в стороны карманы брюк, набитые пачками бумажек, тогда ещё с Лениным, штабеля книг, лежащие в автоматических камерах хранения... Как будто это был их передвижной книжный шкаф, поставленный на попу, на вокзале... И вот эти дворы, пахнущие какими-то тонкими специями, во всяком случае, так Ширину запомнилась легендарная

улица, которую гладили их тени и руки, — он щупал дома, стены, прикасался к их шероховатостям... Ну да, по дороге в Москву они вдруг вспомнили, что оба никогда не были в Одессе, и решили сделать небольшой «крюк», на цене билетов не очень-то это и сказалось, мелочь, Озерский-старший не стал даже вычитать это из их «четырнадцатой зарплаты»... И так они гуляли всю ночь с выпученными карманами, вбирая в себя ночной город, на ощупь пробираясь к порту, где и застал их рассвет. Было клёво увидеть море посреди зимы, там ещё был снег и синяя ледяная корка, а за ней уже зеленел прибой... И они видели оттуда, снизу, как девушка обняла Дюка и поцеловала, кажется, в губы, а потом стремглав сбежала Потёмкинской лестницей, растворилась в утренних сумерках.

И без малого через тридцать лет Лев сидел на скамейке, на станции метро «Мэрилебон», не совсем уверенный, что это ему тогда не приснилось, — сон на ходу, бывает, переносной сон, на ногах... И ведь такое посещение города — на одну ночь — разве само по себе не сновидение... «И в этом смысле весь этот Лондон...»

Особенно Ширин это явственно почувствовал, когда он понял, что почувствовал... Тот, другой.

Может быть, это был его двойник, всё могло быть... Но даже если это в самом деле был двой-

ник, Ширин это наверняка знать не мог, потому что в анфас этого человека он так никогда и не видел, весь разговор происходил вполоборота.

И человек *не* сказал ему в ответ: «Сэр, мне кажется, что мы с вами находимся во сне», — но для того чтобы такое услышать, особых телепатических способностей уже как бы и не нужно было...

«Простите», — сказал Ширин и тихонько коснулся плеча незнакомца.

Да, он принял такое решение: сказать человеку, что у того на спине висит железный крюк.

Это напоминало ему какой-то старый английский анекдот... «Сэр, вам не кажется, что в этом фонтане водится форель...»

Но он выбросил все английские анекдоты из головы — это удалось...

Наверно, потому, что краем глаза увидел, *что* он читает...

Для этого не надо было «заглядывать через плечо»: фолиант, который незнакомец достал из сумки, раскрыл и держал в руках, был большой, массивный, на глазок Ширин дал ему не меньше трехсот лет...

Это же подтверждали бумага и шрифт, а что касается содержания, тут Лев остановился, погружаться не стал, заметив только первые слова: «Во время моей первой поездки в Сент-Эндрю...».

Потому что текст был на немецком, Ширин на мгновение усомнился, что он перелетел в Лон-

дон наяву, перевёл взгляд с готического шрифта на окружающее пространство...

Да, он был в Лондоне, несомненно, где у первого встречного — может быть, и немца, на коленях лежал немецкий фолиант, который наверняка стоил серьёзных денег, и Лев сказал себе, что пока он сам занимается вот именно «по жизни» одной какой-то несусветной ерундой: книги кишинёвского издательства, жёлтая бумага, блёклый шрифт, как будто сразу же засвечивающийся на дневном свете...

Или вот ещё лучше: перевоз из страны в страну ученической тетради малахольной немецкой официантки...

Да они выглядели — новые кишинёвские — старше, чем вот эта древняя... А вот где-то рядом совсем человек тем временем занимается настоящим *делом*, глубоко нырнул и вынырнул... откуда-то — *оттуда*... с чем-то ценным... может быть, целым литературным памятником... А что крючок, даже если это был и рыболовный, он вместе с ним оторвался-уплыл, этот библиофил-антиквар, или кто он там, похожий на... точнее, манускрипт — похож на наживку, на которую библиофила ловили, но не поймали — на крюк...

«Сэр, — сказал Ширин, — у вас на спине висит большой железный крюк».

Да, вот так и сказал: “A huge iron hook”.

Незнакомец после этого полностью не повернулся, но как бы несколько скрутился — так, что

получилась асана, похожая на ту, в которой... ну, то есть в каком-то её подобии... пребывал и сам Ширин... но название которой Ширину только теперь припомнилось: «*Полупоза царя рыб*».

Ну или четвертьпоза: ноги он не подобрал, не скрестил, вообще не поднял на скамью... но повернул, как полагается, голову — до упора, не поворачивая корпус, завёл руку за спину — и там пошарил... но до крюка не дотянулся, не достал... и молча скосил — в зазор между стеклом очков и щекой — на Ширина удивлённый глаз...

Ширин сказал: «Простите, сэр, вы, наверно, не поняли, моё произношение оставляет желать лучшего. Я только хотел сказать, что...»

«Я прекрасно понял ваше произношение, — сказал, сидя всё в той же позе, судя по произношению, теперь уже явный лондонец, — просто сам смысл ваших слов настолько странный, что я... Даже не знаю, что и подумать».

Так, как будто Ширин сказал не то, что сказал, а «...мы находимся во сне» например.

«А что тут думать, — сказал Ширин, — если позволите...» — и, тихонько отцепив крюк длинной не меньше четырёх сантиметров, он показал его незнакомцу.

Собственно, даже не показал, а протянул, типа «вот».

— Это не моё, — сказал тот.

— Как — не ваш? — сказал Ширин. — Вы хотите сказать, что вы на него попали... Или не вы...

Но я не знаю, что произошло на самом деле... Я знаю только, что он висел у вас на спине. Ну, зацепились где-то, бывает, — он хотел было рассмеяться, но незнакомец так серьёзно смотрел на него своим правым глазом... и этот фолиант — Лев пожалел, что щепетильность не позволила ему углубиться в текст, а теперь уже было поздно — незнакомец закрыл его и спрятал куда-то глубоко на дно кожаной сумки. И снова посмотрел — вполоборота — на Ширина, у которого в этот момент и появилось это чувство — что он знает, о чём думает этот человек: что этот крюк... и не только этот крюк, но всё вокруг... суть сон.

Лев был в этом уверен — что человек готов уже принять гипотезу сна... В котором *все* плавают... зеркальными карпами в тёмном пруду... и кто-то попадает на крючок, цепляясь боком, даже если хватает ума... не хватануть наживку...

Впрочем, крюк — Ширин это успел ощутить, пока нёс его в пальцах незнакомцу, который в конце концов взял его и стал разглядывать вблизи так, как будто это был не железный... а кусочек руды с другой планеты... Так вот, крюк был тупым, да... но и петли свитера незнакомца были крупные... «Цугундер, — выплыло из глубины памяти, — это же цугундер, ну да, тот самый... “кабаки и бабы доведут тебя до цугундера”... не для рыб, а для мясных туш... ну, или для сомов, или для очень больших карпов...»

— А что *вы* здесь делаете? — спросил его незнакомец, чем слегка удивил. «А как же хвалёное английское прайвеси, — подумал Ширин, — это же не немецкая бабушка, которая всё что угодно может спросить в метро...» Возможно, это он и имел в виду... спросив: “Are you here on your own hook?” — в самом что ни на есть прямом, а не переносном (что здесь тоже, впрочем, имело бы и прямой смысл) смысле. Который был бы (прямой) как-то особенно, что ли, тёмн...

Переносный же был как раз ясен: «Вы здесь по собственному желанию?» — так Лев это перевёл...

И уже чуть было не начал отвечать, но тут со стороны касс или там ларьков показалась высокая темноволосая женщина, и, заметив её, незнакомец забыл про свой вопрос, встал, раскрыл руки для объятий, и ещё через секунду его и женщины в зале уже не было.

Крюк он унёс с собой, Ширин не заметил, чтобы он его выбросил в урну, и не услышал, чтобы он звякнул о пол, и почему-то пожалел, что его отдал. Это был бы трофей, да.

Доказательство, что он *нырля* в Лондон — до дна...

Да, это был бы талисман, он хранил был его, он передал бы его по наследству... но кому? Вот эта старая грустная мысль как бы вернула Ширин на землю, на сушу из тёмного пруда с карпами... «Паше? — подумалось ему. — Но зачем ему мои крюки... “не вешайте на меня своих собак,

сэр...” как-то так...” Он попробовал встать, поясница всё ещё болела, но уже гораздо меньше, и он понял, что может двигаться дальше.

Он снова присел на скамейку — только для того, чтобы написать записку своему «навигатору».

«Фактически у меня один вечер, — написал он Лисовскому, — и мне хочется найти где-нибудь место с живой музыкой. Кажется, только этого мне и хочется: будучи в Лондоне, послушать где-то что-то приличное. Не подскажешь? Заранее благ».

Ответ он получил уже на перроне, когда, глядя в тёмное жерло тоннеля, думал о слове “tube” — ну да, как паста из тюбика... у него же последние дни был какой-то странный тюбик с «травяным колгейтом»: прежде чем оттуда появлялась бело-зелёная паста, там образовывался и рос — потому что Ширин давил на тюбик — довольно большой как бы мыльный пузырь... Так что когда это было первый раз, он даже усомнился, не перепутал ли он тюбики, но нет: в руке у него был «колгейт»... и это потом повторялось, непонятно почему, и вот, вспомнив, он подумал... нет, он не ждал, что вокруг жерла тоннеля образуется огромный мыльный пузырь, — он подумал, что он уже внутри этого пузыря — с того самого момента, как он увидел крюк на спине человека в свитере, сидевшего с древним немецким текстом, как бы нырнувшего наоборот в том же самом месте, плывшего из глубины навстречу...

хотя кто сказал, что он, Ширин, движется из прошлого в будущее, а не так же, как Паша или человек с манускриптом... «Или ещё могло быть, — он думал, — что, сняв с “двойника” крюк, я этим как бы порвал мыльный пузырь — который образовался и только-только стал расти в тот момент, вбирая в себя явь...»

Хорошо это или плохо — быть в пузыре, если ты в Лондоне?

«Кто знает, — думал Ширин, — кто знает...»

Первое, что он увидел в Лондоне, или, точнее, под Лондоном, когда он пересел с монорельсового, нёсшегося из аэропорта сквозь какую-то совсем родную — русскую, во всяком случае, после немецкой так казалось... зелень: мимо проносились милые покосившиеся калитки, высокие бурьяны... Ширину и вправду казалось, что он в России... но вроде бы это была Англия, старая сука, так написано было в билете, который он купил в тот же день, когда они пили виски из дьюти-фри с Семёновым и Паша наотрез отказался лететь вместо него, и Ширин тогда спустился вниз, в молл, чтобы сделать покупки, и вдруг увидел там вывеску, которую он иногда замечал в других местах с момента своего переселения из Москвы в Мюнхен много раз, но почему-то никогда не покупал там билеты: “Thomas Cook. Reisebüro”.

Покупал во всяких там АВС, в русских бюро, названия которых сразу забывал, а вот в этом,

исконном, название которого он помнил с детства, почему-то ни разу... И пьяный Лев решил сразу же восполнить этот пробел, подумав, что это правильно, лететь в Лондон по билету, на котором стоит «контора Кука»... «Есть за границей контора Кука, если вас одолеет скука...»

И вспомнил об этом, уже только когда увидел зелень Англии в окне, показавшуюся до боли знакомой, — «...кататься на тройке над Волгой рекой...».

И только пересев с этого поезда в электричку «тьюба», он осознал, что он всё-таки в Англии, — очутившись при этом на первой от сотворения мира станции метро; вот её тёмные кирпичи — было первое, что подтвердило ему окончательно: он в Лондоне — после несколько удивившей его — приятно — природы, что промелькнула перед этим в окне “монорельса”...

Вспоминались ему, ещё в самолёте, рассказы одного знакомого высокомерного немца: «...незачем туда ехать, это руины, вся Англия теперь — это просто руины...» — которые не подтверждались Лилей: она видела Англию... скажем так, несколько иначе, и Ширин этому немцу не совсем верил...

В момент, когда из тоннеля вынырнул поезд, Ширин получил ответ от Лисовского, так что электричку он пропустил, — могло ведь оказаться, что двигаться ему надо в прямо противоположном направлении...

«Лев, я глянул в Сети. Лучшее, что сегодня можно услышать, — это “Жидок Лямшин”, ну то есть “JD-ok Ljamshin”. Они выступают в “Homely Hole”. Туда можно довольно легко добраться, если доехать до...»

Ширин, не дочитав, написал: «Ну спасибо. Я как раз вспоминал Одессу в связи с завидным остроумием жителей вашего города, но всему же есть предел. Я хочу послушать настоящую музыку. Если и было у меня когда-то желание здесь оказаться, то ещё в советские времена, когда я был серьёзным меломаном, и для меня где-то здесь тогда проходила ось, на которую насажен был весь земной винил... И вот теперь, когда я добрался наконец до “музыкального центра”, во всяком случае, того, прошлого мира... и хочу послушать что-то стоящее, ты меня посылаешь слушать “Собачий вальс” вперемешку с “Лунной сонатой”, или “Марсельезой”, или что там... я могу себе представить, что может исполнять группа с таким названием... в баре с таким названием. Звучит как дурная шутка. Ты издеваешься, Пётр. Нечестно с твоей стороны».

«Ты с ума сошёл», — пришёл ответ через десять минут, когда Лев уже ехал незнамо куда и всё ещё «пускал пузыри»: кривое, закруглявшееся стекло «т्यूба», в котором, как в комнате смека, отражались пассажиры, поддерживало это ощущение... «Какие там куплеты, — писал Лисовский, — “JD-ok Ljamshin”, imho, лучшая на сего-

дняшний день группа, играющая фьюжн в самом что ни на есть алхимическом смысле... Они шотландцы, африканцы, египтяне, лидер их тоже не из Одессы, но откуда-то оттуда, да, замечательный электрический скрипач Боб Каплан, он и придумал это название, почитывая в Сети, как он мне говорил, блог видного русского писателя, имени которого я не помню и который и к месту и не к месту поминал этого бедного Лямшина... Но это всё уже совершенно не важно, потому что “Лямшин” давно уже живёт своей отдельной жизнью от ФМД, как, скажем, “Гоголь-Борделло” от Гоголя или кто там... “Юрайя Хип” от Диккенса, да? Или был ещё такой “Урфин Джус”, если ты помнишь, мне его ставила мама в детстве, а “Юрайя Хип” я, кажется, ни разу не слышал, только название... Так что ты не сомневайся, мальчик Петя плохого не посоветует. Лев, тебе вообще-то крупно повезло, что “Лямшин” выступает как раз сегодня, они не так часто это делают.

From Munich with Courtney!»

Ширин в первый момент и не понял, с кем он там в Мюнхене, но через минуту до него дошло, что «с любовью», ну да, подстановки такие, перестановки... главное чтобы не подставы...

— You want business? — спросила его грустная негритянка на пустой улице, по которой он шёл в клуб от метро...

— Какой бизнес? — машинально переспросил он.

— Любой. Всего 25 фунтов, — сказала она, и тогда он понял.

«Какой-то я тупой сегодня, — подумал он, — всё доходит как до жирафа... Здесь просто скорости большие, я привык жить в тихом городке, торможу...»

— Нет, — сказал он.

— Почему? — спросила она, и Ширин заметил, что она идёт рядом с ним.

— Я устал, — сказал он, — тяжёлый день, поясница...

— Так в чём проблема? — воскликнула она, всплеснув рукой. — Я сделаю всю работу!

— Знаешь, дорогая, есть такой анекдот, — сказал Лев, и он на самом деле — взял и рассказал ей старый анекдот о гинекологе, который по дороге домой с работы убил проститутку — которая сказала: «Дай десять рублей — покажу»...

— Так ты гинеколог? — сказала она.

— Нет! — сказал Лев. — Я и не гинеколог... Я просто устал.

А когда она так же мгновенно, как перед этим соткалась, растворилась в темноте, заполнявшей пространство между фонарями, он стал ругать себя же за то, что накричал на девчонку... «И почему бы и не?.. За такую цену где ты такое найдёшь в своём Мюнхене — нигде...» Он даже думал её окликнуть — но он не знал её имени, а видно её уже и правда не было. «Не видно ни зги... и не кричать же “эй!”...» — И тут он вспом-

нил английское слово “hooker”, которое имеет такое значение... как вот только что — прошло, прошла... но кричать это слово он не стал, конечно, махнул рукой и пошёл дальше.

В клубе было полно людей, но «Лямшин» ещё не выступал, бармен торжественно вручил Льву бокал с чёрным, как дёготь, «Гиннесом».

Или — как нефть... «Какого чёрта надо было рассказывать ей анекдот? — подумал он. — Это было глупо, бестактно с моей стороны... и вообще, откуда это постоянное... Паше я рассказал про лотерею в синагоге... а потом вспомнил, откуда он взялся — анекдот... нет, вовсе не инопланетяне, я прочёл его у Раджниша... Бхаван Шри, ну да, массовик-затейник... любил пересыпать свои “лекции” анекдотцами... Кто мне их давал, Озерский? Я уже не помню, самиздат, пятые копии, на машинке... Забавно, что в самолёте я читал как бы очень большой анекдот... про Раджниша и его триста шестьдесят пять «роллс-ройсов» — что было сущей правдой, конечно, только объяснение Крахт этому дал анекдотическое: чтобы больше метана было в атмосфере...

То есть назначение этих «роллс-ройсов» было точно такое же, как пердящих коров, альпинистов, вообще всех старых пердунов... но эффективнее всего — коровы и «роллс-ройсы», конечно... и вот такой бред на сто страниц — анекдот, растянутый на...

Но согласись, это ещё не худший вариант, бывает ведь, что и на триста страниц и больше — анекдот-евророман... вместо романа, фаршированного еврейскими анекдотами... нет, по мне, лучше уж их пересыпать... чем выдувать в один пузырь... вот ты всему найдёшь оправдание... и Раджнишу, и Крахту с его “люди гибнут за метан...” “И ты прав, и ты прав...” ...Если они начнут играть в час ночи, то когда закончат? Всю ночь не спать, что это я, пора домой, пора-пора, в дом-музей... или как там — студию художника, ну да...»

Однако все семь «Лямшиных» вышли наконец на сцену, и Ширин задержался.

Ему в принципе понравилось то, что после этого началось. Пётр оказался прав, разве что... хотя нет, и это было совсем не так плохо, только Ширину не хотелось соглашаться, что «Лямшин» был полностью независим от первоисточника... Концерт проходил примерно так: известный, очевидно, не менее, чем сам «Лямшин», лондонский DJ ТомТом ставил пластинку с какой-то песней или инструментальной композицией, о степени известности которой Лев не мог судить — он давно уже отстал от развития этого мира и не узнавал в нём теперь почти ничего, разве что совсем старые вещи...

«Лямшин» тоже не должен был угадать мелодию, музыканты её просто подхватывали — что бы там ни было (то есть не только мелодию, но

и всю аранжировку) — и превращали во что-то другое, сохраняя в качестве лейтмотивов, развивая, свивая, разливая... «ну, короче, “фьюжн”, — вспомнил Ширин слово из письма Лисовского, — плавильный цех плюс “египетские ночи”...»

Последнее пришло ему в голову и потому, что в составе группы, по словам Лисовского, были египтяне — и вокалист был явно одним из них, немного похожий на мумию или второй череп (первый был на его футболке), к тому же он импровизировал уже не только музыкально, хотя гитара болталась у него на шее и он о ней не забывал надолго...

Но главное, несколько строчек песни — если диджей ставил песню — давали ему тему для нескончаемых словесных трипов, которые он совершал на глазах у всех, закрыв глаза, в транс... Хотя большую часть времени «Лямшин» кормил посетителей инструментальной музыкой, и Ширину казалось, что он попал — вместе со всеми вокруг — в алхимическую лабораторию, как и намекал Лисовский, или в модную теперь «молекулярную кухню», где всё превращается во всё...

«Короче говоря, круто, — сказал он себе, — и встал уже, чтобы пойти к стойке, расплатиться и уйти — не в обиду музыкантам, раньше времени, как вдруг одна из двух девиц, стоявших перед ним, заслоняя ему всё это время часть сцены... резко обернулась с бокалом навесу, едва

не выплеснув жидкость... кажется, джин-тоник, но при этом девицы решали другое уравнение...

«Вы случайно не знаете, сколько градусов в абсенте?» – спросила она Ширина, фактически крикнув, потому что он услышал, несмотря на громкую музыку.

“I’m too absent-minded for such questions!” – весело прокричал Ширин в ответ и хотел было протиснуться дальше, в сторону, к стойке, но эти наглые девицы...

Нет, они не хватали его за рукава... Но его оштановил взгляд – подмигивающий взгляд какого-то странного парня, который давно уже ему подмигивал, причём таким странным образом: он тихонько кивал головой в сторону вот этих двух девиц, потом кивал как бы вопрошающе снизу вверх: «Мм?»... а потом уже хитро... вот именно подмигивал.

В течение концерта – множество раз, и Лев успел сменить несколько интерпретаций этой пантомимы – от «голубой» до «сутенёрской»... Но на последнего парень был совсем не похож, он был щуплый, сутулый, похожий на студента-старичка, скорее уже тогда на «голубого», – но это не согласовывалось с его жестами... Потягивая «Гиннесс», Лев думал даже, что парень ему тупо предлагает, как в каком-нибудь Крыму лет тридцать назад... Ширин прямо-таки услышал это: «Слышь, давай вместе займёмся этими чувихами... Тебе правая, мне левая, по рукам? Ну хо-

чешь, наоборот...» Это подходило к жестам лондонца вполне, такая озвучка, но было при этом маловероятно... и когда этот тип в очередной раз прошёл мимо и подмигнул, кивнув на девиц... Лев вдруг почувствовал себя в анекдоте, который он сам же рассказывал Паше, — про «...я бы тогда купила Манхэттен...»

В общем, определённая путаница интерпретаций у него была в голове — вплоть до мысли о том, что это и есть... Лямшин или дух этого места... да-да, у него и такое мелькало в голове, так что он даже испытал облегчение, когда услышал:

— Вы не можете с нами немного постоять? — сказала интересовавшаяся абсентом особа. — А то этот козёл нас преследует, мы с подружкой его уже боимся... Он, по-моему, малость того — сумасшедший, вы не находите? — спросила она точно так же, как перед этим про процент алкоголя, и Ширин в шутку начал что-то говорить о проценте безумия в крови, при котором... он вспомнил соответствующий анекдот. И это было ещё ничего, взаимно терпимо, потому что после этого они стали обсуждать то, в чём Лев вообще ничего не смыслил, — курсы акций: блондинка работала в “Financial Times”... Другая же, тёмненькая, была нездешняя голландка, узнав об этом, Лев воскликнул, чтобы перевести разговор на другую тему: «Я очень люблю Амстердам!» — та довольно резко заявила, что Амстердам — это вообще не Голландия, после чего ста-

ла немногословна, зато подругу её несло и дальше — её интересовало абсолютно всё, то есть проценты всего во всём, и акции русских компаний, и немецкие машины... И такой ещё был у неё к нему вопрос: откуда взялся кокаин в египетских мумиях? Да, в них нашли кокаин, химический анализ, она давеча сама читала, нет, не в “Sun”, а в своей же газете, то есть где она и работает: «Это загадка! Учёные ломают голову, но без толку: ну откуда мог попасть кокаин к фараонам, если кока растёт только в Америке и никакого сообщения тогда не было...»

Да, её на самом деле, похоже, волновали подобные вопросы наряду с колебаниями акций...

Лев не знал ни того, ни другого, ничего он не знал... но это её не останавливало, а, казалось, наоборот, вдохновляло — её несло.

Когда он добрался наконец до дома — с помощью чёрного кэба, разумеется — уже светало. Дом был небольшой, и, увидев, что в одном из его окон горит свет, Лев, может быть, и подумал, что это как раз его окно и есть, ну, или Лисовского, но тут же отогнал эту мысль...

Впрочем, когда он стал подниматься — медленно, как настоящая старая рухлядь, распадаясь на ходу... ну, или отдыхая, хорошо, на лестничных клетках, прислонясь к стене... ему пришло в голову, что это он же мог и оставить свет днём включённым... но зачем бы он его тогда включал... или Лисовский мог оставить, а он мог

не заметить — днём студия была освещена довольно ярко, туда, кажется, даже заглядывало солнце, пока он, как будто для вида, наспех, искал тетрадку, как будто видеокамера работала... Попутно как бы слегка прибирая в квартире, разгребая кое-какой мусор, он даже составил пустые бутылки, но не выбросил, потому что не знал, куда здесь выбрасывают стекло... И когда оказалось, что свет горит вот именно в квартире Лисовского — куда Лев уже ступил ногой, открыв дверь ключом, который днём дала ему соседка... В голове его мелькало опять-таки сразу несколько версий, почему горит свет, — и все они оказались ложными, потому что в ту же секунду он увидел в ванне, которая стояла на внутренней лестничной клетке, если можно было так назвать эту площадку между уровнями студии, где была входная дверь... И ванна прямо там стояла, то есть старое такое корыто, открытое всем если не ветрам, то сквознякам, напомнив Льву картинку Генриха Клее, которую они с Пашей видели вместе на выставке в Ленбаххаузе, с ехидной подписью автора: «Владычица морей», только там, кажется, был всё же унитаз, старый сливной бачок с верёвкой, воодушевлённый, как тот мойдодыр... а здесь унитаз стоял всё-таки в замкнутом туалете, зато лоханка была, wie gesagt*, в самом неприспособленном для

* Как уже было сказано (нем.).

неё месте, так что днём Лев не только не стал в ней плескаться, но вообще вначале подумал было, что это, может быть, чисто «объект», ну как бесконечные Бойсовские корыта в пинако-теке, которые можно сложить в жутковатую железную... тевтонскую матрёшку... самое маленькое корыто — десять сантиметров, самое большое — метра два длиной, ну да, не там ли блуждал ППШ, его описания железных лабиринтов... «А пропó матрёшки... — быстро проносилось в голове Ширина во время этой внешне немой сцены, — может быть, она тоже — объект? Я бы точно так подумал, и даже не из воска — гуд бай, Тюссо, форжет ит, самые правдоподобные фигуры сапиенсов, мадам, получаются из металла... из крашеной бронзы, вот их я не отличаю от живых людей совсем, пока не присмотрюсь... но тут такой саспенс... приготовил наш китч-кок... её днём не было, это точно, это я помню... Что не отменяет, конечно, версию “объекта” — Лисовский мог кого-то попросить усадить там “маникини”, куклу, как тот Холмс, или даже сам сесть... кто знает, в Мюнхене он или нет на самом деле... немного страшно, а вдруг это... лечь, что ли, спать, не трогая её, раз она даже не повернула головы, когда я вошёл... будет как в том анекдоте: “Мсье, как вы могли не заметить, что с вами в кровати всю ночь была мёртвая француженка?” — “Я думал, что это живая англичанка”... Рассказывал ли я его Джона-

тану? Не помню... зато он мне рассказал... нет, не новый раджнишевский анекдот, а что-то похожее на анекдот, но про реальные... то есть “фантомные боли” империи, которые там некоторые ещё ощущают, что же удивляться, что в гораздо позже развалившейся...»

«Лев, ты плохо представляешь, что это такое, — говорил Джонатан, — там есть старые люди, которые ещё живут в полной уверенности, что они в старой доброй Англии... когда я впервые ехал на материк, они говорили мне примерно так: “Ты там это... поосторожнее, сомневаемся, что тамошние... вообще моются...”»

Она вдруг зашевелилась, поднялась, опершись руками о края, и вышла из ванны.

Увидев Льва, вроде бы даже слегка удивилась — слегка, слегка... В следующую секунду её, кажется, это развеселило, она усмехнулась.

На ней было несколько мрачных татуировок, «...как у Софи, — подумал Лев, — но... может быть, это он и есть, её черновик, потекли чернила...»

Он объяснил ей, как сюда попал. Она тихонько кивала, теперь только вытираясь, а потом и кутаясь — в большое розовое полотенце, или это была махровая простыня...

Но с её появлением в этом же месте и в это же время всё оказалось значительно проще — чем с этим его сайтом «меняющимися местами» (о своей «миссии» Лев, естественно, молчал...

при этом понимая, что миссия осложняется — ну как он будет продолжать поиски в присутствии этой странной сущности): у неё был ключ, остался от того времени, когда они с Питером «были парой»... При этом они уже как бы сидели за столом — Лев и Лиззи, так её звали, «Лиззи, да», — подтвердила она, и Лев, сказав «Thin Lizzy», подкупил её, кажется, слегка, во всяком случае, ему показалось, что она после этого стала менее суровой, он подумал, что она могла и не слышать группу — она тогда ещё не родилась, когда он покупал «Вагабундов», — но ей, возможно, понравилось слово «тонкая»...

Они пили чай, чёрный как дёготь или как тот же «Гиннесс», как нефть, ну да, вязкий, этакий чифирь, который в Англии получается как-то мгновенно после погружения пакетика в воду, а во всех других местах Земли ничего подобного не происходит, даже если держать его в чашке десять минут... Лев уже не собирался спать, «чай фантазий и размышлений» — вспомнил он «расфасовку» чифиря, когда Лиззи рассказала ему, что последний год она кочевала вместе с «modern gypsies», и он было подумал: «Это она от чая...» — «...Ever heard about them?» — и Лев подумал, что раз она так говорит — «о них», а не «о нас», значит, она ещё не совсем потеряна для общества...

Что подтверждал её короткий рассказ о жизни «до цыган» — по её словам, она была то ли

медсестрой, то ли санитаркой, а какое-то время даже скорой помощью... Глядя на её «скорые руки», предплечья, покрытые вертикально-адскими сценами, напомнившими Ширину если не сами огромные полотна Рубенса, то наброски к ним, стоявшие в параллельных маленьких залах пинакотеки... ну да, «Свержение грешников в ад», — на запястьях, на предплечьях — летят тела, вьётся цветами адское пламя, татуировки были цветные, да, не только синий цвет — как у язычков газовой горелки, но и красно-малиновый, и тёмно-зелёный... И когда она сказала, что работала на «скорой помощи», он невольно представил себе, как человек приходит в сознание на носилках и первое, что видит, — языки адского пламени, синие головы, кричащие от боли... не потеряет ли он сознание снова, и уже навсегда? Когда он спросил об этом Лиззи — не жаловался ли кто-то из больных на её «тату»...

«Да нет, — сказала она, — какое там... Да ты что? Все были так рады, когда мы наконец приехали, какие уж там жалобы...»

И разговор снова соскользнул с кареты скорой помощи к «цыганским» кибиткам... так что Лев, слушая о её лесной жизни, подумал, нет ли в этом какой-то альтернативы, в двух каретах... То есть нельзя ли сбежать в одной от другой...

Ну, не слышал, так услышал теперь: «современные цыгане», да, не этнические, а просто так, англичане, сбежавшие в леса, где они живут,

как до потопа, без электричества и туалетов, перемещаясь в повозках, запряженных лошадьми, как на съёмках вестерна, да, только всё всерьёз – включая жёсткие налёты полиции... да-да, и с детьми, есть дети, которые там и родились – в лесах, в кибитках... Школа? Ну какая там, к чертям собачьим, школа, родители их сами же и учат, вместе с друзьями, у многих, кстати, академическое образование – у родителей, даже степени... слушая, Лев кивал, вспоминал других эскапистов – из советского, из перестроечного времени... и тихонько как бы даже подпевал Лиззи при этом своими «йе, йе, ай си», вспоминая мелодии с диска «Thin Lizzy» – из «Вагабундов западного мира», думая про себя... как странно всё устроено, этот проигрыватель... в самом деле, уйти ли к чёртовой матери... к «цыганам»... сбежать... как он когда-то хотел смыться в ашрам, к Раджнишу, смешно сказать, смешно сказать... как Джонатан, с которым Ширин познакомился у себя в библиотеке. Разговорились, и Ширин узнал, что Джонатан лет двадцать провёл перед этим в раджнишевских лагерях...

Ширин рассказал о прочитанном в «самиздате», отпечатанном на машинке...

И растроганный раджнишевец свозил его на своей раздолбанной машине... в центр Бхавана, в Мюнхене, да, Ширин уже не мог бы вспомнить, в каком это районе города, даже приблизительно... Да и какое это имело значение... По

словам Джонатана, весь Мюнхен — это «эзотерический центр Европы», вот так вот, поэтому он, наверно, туда и переехал навсегда из своей старой доброй... а Льву вот пришло в голову — в порядке предутреннего бреда, в порядке бессонницы, в порядке кессонного — слишком быстрого — погружения на дно Лондона... Взять и сбежать вместе с этими «цыганами» — как-то это, со слов Лиззи, казалось ему всё свежее и свежее... наименьшим из зол... эта мысль, во всяком случае, чем раджнишевские, да и любые, ашрамы и прочая дурость...

Ширин ясно припомнил вдруг тапки — да-да, огромные тапки, башмаки-чуни, принадлежавшие Бхагвану и стоявшие после его смерти в его центре — в самом центре Европы, Мыльного пузыря, Пути... посреди огромной залы с великолепным сверкающим паркетом...

Ширин тряхнул головой, открыл глаза и увидел, как Лиззи лунатически поднялась из-за стола и подошла к пустым бутылкам, которые ещё днём он сгруппировал... Разделил то есть на партии коричневого и зелёного стекла...

— Это ты их так расставил или Питер? — спросила она.

— Я, — сказал Ширин, потирая глаза.

— Зачем?

— А... Я не знаю, как вы здесь... а мы в Германии разделяем отходы, есть множество категорий мусора... Ну и стекло, соответственно, ко-

ричноевое — отдельно, зелёное — отдельно, белое... но белого здесь не было... А вы что, не разделяете? — Ширин вообще-то был не всегда и не совсем... такой прибитый, если вы ещё помните... Просто в данный момент он был уже... даже и не сонный, а вообще «никакой» — иначе он всё-таки знал бы, кого и о чём спрашивать, и никогда не задал бы вполне тихой вплоть до этого момента «чавихе» (как он её давно уже назвал про себя, образовав от «chav», естественно) этот, оказавшийся провокационным... вопрос.

— А как же, — радостно сказала Лиззи, — конечно разделяем!

И подхватила с пола бутылку.

— Коричневое — направо, — сказала она и швырнула её в открытое окно. — Зелёное — налево, — и, подняв с пола зелёную бутылку и широко размахнувшись, она швырнула её во второе окно, которое Ширин перед этим тоже открыл, чтобы «как следует проветрить помещение».

Он вспомнил об этом эпизоде из *живой жизни*, а заодно и нечто из серии «то, что было не со мной, вспомню», о «новых цыганах», живущих в лесистой части Острова так, как будто не было двух тысяч лет, как будто он и сам трясся в их кибитках, может быть, таки во сне, «чужие люди верно знают, куда везут они меня...» — бормотал он, очнувшись и глядя в иллюминатор, и ему, кажется, и в самом деле пе-

ред этим что-то такое снилось-грезилось... Всё это уже в самолёте, куда патентовед попал совершенно выпотрошенный «молохом Лондона», говоря эпически, ну да... звон разбивающихся об асфальтовое дно бутылок, вылетевших в два окна... прямо как та чума на оба ваших дома... был в каком-то смысле пограничным — в жизни это был момент, как бы сказать, просветления... а в баснях Ширина — по его возвращении, в зависимости от личности собеседника, варьировались различные дальнейшие сценарии: в одних были только «молоты коктейли» — в тех же бутылках, в других — ещё и «ведьмины молоты», вырывавшиеся из бутылок духи, beer jinnеe, gipsies... и так далее — вплоть до самых «грязных» сцен — в зависимости от собеседника, понятно, что Паше, к примеру, Ширин рассказывал одно, Лиле — другое, а Софи — третье.... С годами туда же — к звону бутылок — как бы примкнули и «цыгане», с которыми Ширин якобы проехал в кибитках несколько сот километров по зелёным холмам, но это он рассказывал довольно редко, если все темы были исчерпаны, а виски или что там было... но в особенности — если это были виски, — виски навевали Ширину тему британской цыганщины... Но сейчас — в нашем повествовательном «сейчас» — да, Ширин вспоминал то, чего не было, но могло быть, если бы он сбежал, как порывался, с лесными сё-

страдами или с городскими бомжихами... и жил без горячей воды... глядя не в иллюминатор, а в такого же примерно размера и такой же формы, что иллюминатор, если не побольше, — линзу...

Да-да, глядя сквозь линзу — на блоху, запряжённую в кибитку, — тележка с большими колёсами — перемещалась, и не так уж медленно, колёса вращались... Правда, ту блоху, что сидела на козлах, Ширин не мог разглядеть, может, её там и не было, но в том, что блоха везла кибитку, сомнений не было, а уж была ли она при этом подкована, you never know... А уж в самой кибитке — была не была, Ширин вот не мог этого понять...

Да, надо же было сказать: действие тем временем перенеслось уже в Мюнхен и совершалось теперь усилиями маленьких существ в балаганчике с вывеской “Floh-Circus” — «Блошиный цирк», куда Ширин раньше никогда не заглядывал, да и теперь прошёл бы мимо, если бы не любопытство известного фотографа.

Собственно, и весь Октоберфест Ширин бы обошёл, как давным-давно обходил, — десятой дорогой... хоть это было и не так легко, и даже, по сути говоря, невозможно — он то есть обходил только «визу»... Да и что значит «обходил», что мы заладили — ну не посещал он место проведения праздника, давно уже... Но это дивное... или просто — пивное — море в течение двух не-

дель выходило далеко за пределы самое Wies'n* и затопляло весь город.

То есть всюду, куда ни пойдешь в те дни, вы наткались на пьяных шатающихся «парней всей земли», которые, взявшись за руки, дружно орали песни в битком набитых вагонах метро — или валялись — поодиночке — на скамейке, в лучшем случае — *над* лужицей собственной рвоты и/или мочи.

Так что ареной «цирка» становилась в это время не только «виза» (то есть Терезиенвизе), но и весь город, и особенно метро — где посыпали пол опилками — чтобы легче было убирать продукты жизнедеятельности, ясное дело, но Ширину, когда он это впервые увидел на станциях, вспомнился обычный цирк, а не блошиный, в который они сейчас направлялись втроём, вывалившись с толпой из вагона метро...

Ну да, Семёнов настаивал, чтобы они «первым делом» посетили «блошиный цирк», о котором он что-то слышал, а потом уже всё остальное, и Ширин, глядя под ноги себе на опилки, думал, что всё это цирк, и не блошиный вовсе... и он с подозрением косился на чёрный «хобот», торчавший на груди Семёнова, не веря, что тот может превращаться и в микроскоп...

* Площадь, на которой устраивается Октоберфест.

«Впрочем, блохи — всё-таки не бактерии, может, что-то и снимет... Подкуёт... ну да, получит орден...» — думал Ширин...

Была у этого праздника и прекрасная половина, причём без всяких рассусоливаний, прекрасная в самом прямом смысле — в эти две недели все девушки города, во-первых, хорошели на несколько порядков — благодаря «дирндль» сразу у всех у них появлялись прекрасные талии и бюсты, и город, и вагоны метро, и всё пространство было заполнено не только неприятными горлающими туристами, но и красивыми нарядными баварками, которые все были местными, ну или казались благодаря тем же их формообразующим «дирндль»... «Слово, кстати говоря, является одновременно и баварским вариантом “дирн”, то есть просто “девки” в самых разных смыслах, на хох-дойче...» — вещал на ходу Ширин...

Ну да, и не забыть «во-вторых»: на эти две недели они были не только во много раз красивее, но и настолько же доступнее!

О чём, впрочем, более конкретно говорит какой-то там бант, который девушки повязывают на поясе, и вот если он слева... Или, наоборот, справа...

— Я уже забыл, по правде говоря, — сказал Ширин, почесав макушку, — так что надо уточнить, чтобы не нарваться и не получить кружкой по голове, они тут такие, ну да... вы сами знаете, что такое пьяная женщина, а кружки тут, Паша, — я тебе говорю, тяжёлые, особенно на «Ойде Ви-

зе», там массивные глиняные... Хотя и стеклянной тоже мало не покажется... но белое стекло, это отдельно, да... Но вот во все остальные времена года они почему-то не видны, — говорил Ширин, как спортивный комментатор, когда они шли к Терезиенвизе от Хакер-брюке — мимо огромного здания Европейского патентамта, и Ширин уже успел показать до этого окно, где он сидит, «вон он я, видите»... Шли в довольно уже плотной толпе... Он думал было вспомнить — к слову о девушках, которых в остальное время «не видно», — старый анекдот про китайцев и евреев («...что-то вас не видно...»), но передумал, глядя на толпу китайянок, половина из которых была в «ледер-хозен».

Впрочем, скорее это были японки, но «анекдот всё равно уже устарел на сегодняшний день, — подумал Ширин, — а что будет дальше... никто вообще не знает».

— То есть нельзя сказать, — сказал Ширин, — чтобы я совсем уж так люто ненавидел эти пол-сентября, нет, у меня это чувство примерно такое же, как, знаете... у жителей морских курортов, которые не то чтобы не любят это своё море-море... хоть оно им уже порядком поднадоело за все эти годы... Ну, в общем, понятно, да?

— Не совсем, — улыбнулся Семёнов, поправляя указательным пальцем тонкие никелевые очки, — прости, старик, но мне кажется, что твоё сравнение с жителями морских курортов немного хромает.

— Да почему же? — воскликнул Ширин. — Ведь Терезиенвизе, куда мы идём, весь год представляет собой не что иное, как... сорок два га пересохшего моря... и если я там прохожу в другое время года — по гигантскому этому пустырю, — у меня именно такое ощущение: дно моря, ну да... Которое во второй половине сентября всегда возвращается.

— Ты имеешь в виду пиво или людей? — как будто намеренно глупо спросил Паша. — Я просто представил себе сейчас пивное море... Ну, человеческое и представлять не надо, плывём-с, все ноги уже оттоптали.

— А я видел и море! — сказал Ширин. — Когда «виза» наполняется как минимум двумя морями, человеческим и пивным, кажется тогда, что за волнами людей и за хороводами кружек, или наоборот... В общем, за всеми этими каруселями-балаганами, кажется, вот-вот — *darüber hinaus** — откроется какое-то третье, без берегов. По крайней мере, мне показалось, когда летнадцать назад я впервые попал в этот коллективный бред и приподнялся над ним на каком-то из аттракционов, скорее всего, на «чёртовом колесе», а не на «горках», — колесо лучше для обозрения, медленнее — медленно поднимался... хотя и быстрее, чем на таком же в Москве, ну так вот, где-то далеко — там, где кончались толпы,

* Более того (*нем.*).

ещё дальше бронзовой Баварии, и колоннады... мне в дымке померещилось пивное море, разбегавшееся до горизонта... Может быть, его «навели» как раз контуры «горок», — задумчиво сказал Ширин, глядя на показавшиеся уже вдали волнистые чёрные линии «американских горок», — потом я однажды вспомнил об этом своём... морском «визионе», стоя у писсуара в туалете огромной пивной «Хакер-Пшорр», — мы уже прошли мимо неё, вон она там осталась, примерно на границе Терезиенвизе, там же находится и пивоварня, сверкают все эти медные чаны — прямо в зале, и свежее пиво можно пить всегда, круглый год — юный октябрь...

— Ну ладно, — сказал Паша, — не ворчи, ясно, что тебе это не нужно, но раз в сто лет можно выбраться, ты сам сказал.

— Да я и не ворчу... и вообще, не перебивай старших!.. И вот там, над одним писсуаром, было наклеено на стенку объявление — только над одним, кстати, почему-то, — напечатанное на листочке, я подумал, что кто-то ищет таким странным образом квартиру или пропавшую кошку... Но там было написано нечто развеселившее меня: «Теперь мы есть и в Фейсбуке!» И дальше шёл непосредственный их фейсбучный адрес, «Хакер-Пшорра»... и, прочитав его, находясь ещё в процессе “wasserlassen”, или, попросту говоря, «мочеиспускания», я вспомнил, что писал в своём блоге один известный китае-

вед: во время последней поездки он увидел в Китае над дверями в туалет надпись: «Добро пожаловать обратно в Единое!»

Ширин и Семёнов рассмеялись, и троица переступала порог праздника — довольно расплывчатый, потому что плотность толпы при переходе сквозь ворота особенно не менялась — в «море», если уж это было море, впадала здесь широкая «река».

«Порог, да, Октоберфеста, впервые, наверное, лет за десять, если не больше, думая при этом, что этому городу весь год, конечно, не хватает настоящего моря, но в эти две недели и оно здесь было бы “третий лишний”... Напомним: второе море в возникшей у нас на глазах модели Шестопалова и Ширина было пивное, первое — человеческое, но вообще-то здесь речь у них, скорее, уже шла, как мы понимаем, не о разделении, а как раз о слиянии... и даже на “пивную” и “человеческую” составляющую всю эту единую массу не стоило бы делить, не говоря о бочках и массах*», — понял вдруг и Ширин и стал подробно описывать Семёнову (Паша не слушал, всё больше увлекаясь плывущими мимо как бы в отрыве от всего остального — настолько они выделялись — бюстами в открытых декольте) инсталляцию в какой-то из мюнхенских... нет, не пивных, а вот именно арт-галерей: трёхлитровые банки

* Mass (нем.) — литровая пивная кружка.

(как в Союзе из-под томатного или там берёзово-яблочного сока), заполненные бродящим пивом и соединённые друг с другом резиновыми шлангами. То и дело то тут то там раздавалось человеческое... и даже слишком человеческое... хотя это было и... нечто большее, чем отрывки производства, — это было вот именно быстрое бормотание... то там, то там... только что неразборчивое... впрочем, постояв над банками несколько минут, Ширин начал различать отдельные слова, и вот-вот, казалось, он начнёт понимать и смысл... узнает, о чём говорит пиво само с собой, то есть обходясь без пьющих его собеседников...

— Оказалось, что само по себе пиво, — говорил Ширин, — говорит на баварском, и я понимал отдельные слова... так же как... когда при мне разговор соскальзывает с хох-дойча на баварский на каком-нибудь междусобойчике... Особо тяжело при этом мне понимать нижнебаварский, по-моему, самый сложный диалект...

— А что вот он говорит? — спросил Семёнов, указывая на человека в чёрном цилиндре, который у входа в павильончик быстро и довольно азартно что-то говорил в микрофон...

— Так это вот как раз баварский, — сказал Лев, — я его не понимаю... По-моему, сплошные ругательства... Ах да, это же «Шихтль», — сказал он, взглянув на вывеску, — здесь отрубают головы гильотиной, и этот чувак, стало быть, прокликает проходящую публику...

— А кому отрубают, курам?

— Ага, как же. Людям, бля, курам на смех.

— Я хочу, — сказал Семёнов.

— Чтобы тебе отрубили?

— А что, можно?

— Здесь всё можно. Только я на это смотреть не хочу, я один раз видел — хватит, — сказал Ширин, — мы с Пашей пока выпьем...

— Э нет, — сказал Семёнов, — так нечестно!

— Ну так пей с нами! А потом... Ты же хотел первым делом к блохам? — сказал Паша.

— Считаю, что голову тебе уже отрубили, — сказал Ширин, — а блохи остались, прыгают. Вот и пошли лучше смотреть на них — в блошином цирке я никогда не был, а Шихтль... Детский сад. Кстати, мне кажется, что... это — к разговору, возвращаясь к тем банкам, о которых я только что говорил, — мне иногда кажется, что пиво — это на самом деле субстанция, которой вообще не нужны субъекты, пьюще-говорящие головы, вот их тут и рубят за их ненадобностью...

Выпив по масу на деревянной террасе перед одним из сорока, или сколько их там было, этих шатров-павильонов, каждый из которых... «Величиной примерно с Дворец спорта», — сказал Семёнов... Трое снова нырнули в плотную толпу и оказались в микро (по сравнению с пивными) павильоне «Блошиного цирка» — в первом ряду перед столом, на котором скакали насекомые...

Хотя не так уже они там и скакали, эти дрессированные блохи, как мы уже сказали, глядя, как они медленно возят друг дружку в тележке, как велорикши, которые дежурят на Мариенплац, Ширин вспомнил «цыган» — наверно, вот так он представлял себе их кибитки, эти большие колёса, похожие на «чертово колесо», если уж расширять сознание... вплоть до «фотоувеличения», думал он, глядя, как Семёнов, став на колени, снимает в упор блох сквозь огромную линзу, стоявшую на красной скатерти.

Ведущий-дрессировщик знал их всех по именам, торжественно представлял публике, а потом... Ширин не то чтобы дремал... Пока эти существа после «дерби» долго «играли в футбол», опять же, мяч был виден лучше игроков, больше похожих на какие-то невидимые силы типа электромагнитных...

Мяч перемещался, да, были и ворота...

Краем глаза Ширин видел, что Семёнов кладёт «Кэнон» в сумку и достаёт оттуда другой — маленький, серебристый, то ли «Лейка», то ли «Ломо», Ширин в этом совсем мало разбирался... То есть настолько, что он думал было, что Семёнов достал новую камеру, чтобы лучше было «собирать» в неё блох, но он ошибался: просто представление уже заканчивалось — блошиное, — и Семёнов изготовился, стало быть, для основной съёмки.

Серия «Янтарная комната» впоследствии «вынесла Семёнова на следующую ступень его творческого пути — туда, где он стал совсем уже в полный рост и вровень, как писали газеты, с такими фотографами, как, скажем, Мартин Парр или Вольфганг Тильманс».

Ширин подумал, что имена были, наверно, не случайно выбраны автором статьи, «великих фотографов» нынче столько... Но Парр тоже «отработал» — несколько лет назад Октоберфест, Ширин помнил снимки, заполнившие всё пятничное приложение к «Зюддойче Цайтунг»...

«Тёрнеровскую» же премию, в отличие от Тильманса, Семёнов не получил, но был номинирован... и было достаточно много других наград и оценок, не говоря уже о ценах... на семёновские работы, которые ощутимо поднялись после триумфального шествия «янтарной» серии по галереям и музеям с заходами и на Венецианскую биеннале, и на Арт-Кёльн, и в Майами, и в Базель...

Да, когда Ширин прочёл в «Зюддойче» о том, что Семёнов номинировался на «тёрнеровскую», он вспомнил слова гида в Тейт-не-Модерн, куда он только и успел «заскочить», будучи в Лондоне, из музеев, — наверно, только для того, чтобы услышать, как работал Уильям Тёрнер последние годы...

В мастерской стояло сразу несколько мольбертов, на каждом из них — начатая картина,

и «корабельный мастер» ходил от одного «станка» к другому и работал одновременно, порой не меняя кисть — просто перенося её на другую картину...

На Ширинское «почему ему нужен был такой мультитаскинг», гид не смогла ответить, пожалала плечами; Лев улыбнулся и подошёл к тумбе, на которой были разложены кисти, чтобы посмотреть на них вблизи.

Ширин так долго смотрел на них, как будто выжимал кисточки взглядом...

И вот, когда он чуть позже участвовал во всей этой вакханалии — чем была, по сути, семёновская фотосессия с её спецэффектом вездесущности сразу в нескольких павильонах, похожих на одинаковые, параллельные, миры, — на Октоберфесте... Ширин ещё тогда вспомнил о Тёрнере, который ходил с кистью кругами по комнате и управлял стихиями одновременно в нескольких картинах...

Разглядывая в очередной раз «октоберный» альбом Семёнова, Ширин думал: «...А когда он, собственно, включился в другой модус? Кажется, что “щелчок” произошёл уже внутри, в первом павильоне...

Во всяком случае, под нарисованным небом Семёнов уже точно преобразился в какое-то специально приспособленное для плавания в павильоне, в плавильне, в человеческом море... существо без костей... которое казалось — так же,

как его фотоаппарат был не сам по себе, а служил продолжением Семёнова, — вот так же и сам Семёнов — его видимая часть — казалась теперь не вполне автономным телом, а частью более длинного, которое извивалось, да-да, извивалось, даже не как змей... вот именно — он тогда прикинулся шлангом, зондом, — думал Ширин, разглядывая альбом, — как при гастроэнтероскопии, и я всё видел на экране, вот примерно так же двигался зонд то туда, то сюда внутри внутренностей...»

Перевернув страницу, Ширин вспомнил, как Семёнов подошёл к ближайшему ко входу в павильон из тысячи, наверно, стоявших там столиков, за которым сидели две пары — в трахтен и дирндль, — и всё как полагается, женщины ну с очень видными бюстами, особенно одна... И Семёнов — который перед этим снова заменил «Лейку» на «Кэнон», как он делал впоследствии неоднократно, буквально... едва не ткнул большим телеобъективом пышную грудь, да-да, чуть не вставил его туда — в межгрудье, в щель между мирами... вспоминал Ширин, глядя на коллаж, где эта грудь теперь представляла в каком-то уже всеобъемлющем статусе, «Держись сиськи»... и ещё, если память не изменяет, кажется, было у Кима: «Полярная звезда смотрит в прямую кишку», ну да, если уж сравнивать с зондом... Глядя на грудь, вздымавшуюся из декольте над бескрайней толпой, заполонившей павиль-

он «Лёвенброй», который был бесконечен и ограничен, как Грудь, как сама Вселенная, параллельной моделью которой каждый такой павильон и служил в эти дни — “Gegenwelten”, антимиры — так ведь это называют в туристических справочниках...

Все трое ахнули (и Ширин тоже — он уже забыл это чувство, которое охватывает каждого на пороге шатра, потому что очень уже давно был здесь в последний раз), войдя под такое же высокое, как натуральное, крашеное небо и — в самом деле похожий на настоящий — морской гул... А теперь, в квартире, глядя на это наложение Груды на бескрайнюю толпу пивососов... Ширин вспомнил, как это было на самом деле: как после чересчур близкой — на грани касания — съёмки мужчины за столиком, где сидела Грудь, преобразились, оставили кружки-латерны (как называют такие прозрачно-янтарные «масы»), сомкнули руки в кулаки и стали уже подниматься, «косо подбоченясь»...

И тут Семёнов извлёк из кармана сразу несколько карточек, то ли визитки, то ли магнитные пропуска... и поднёс одну к глазам одного мужика, другую показал другому, третью предъявил двум дамам...

Ширин, глядя на это, вспомнил — и даже успел рассказать Паше — короткий анекдот про грузина и автомобильные права: «Ах так... Ну тогда на тебе права, и тебе права, и тебе права...»

Мужчины сразу преобразились, стали ещё более благостными, чем были до семёновской съёмки, они расплылись в улыбках и наполовину жестами, наполовину на английском объяснили Семёнову, что если бы было место, они бы его так просто не отпустили, непременно усадили бы за свой столик...

Семёнов кивал, тоже улыбался и радостно что-то им говорил...

У одного даже возникли сомнения — он спросил дам, а не сдвинутся ли им всем вместе так, чтобы вместить ещё одного, немного уплотниться в тесноту... вместо обиды... но Семёнов показал на Ширину и Пашу, потом — что ему нечем пока что чокаться, после чего он оставил свою «натуру» в самом её радостном расположении... «Что ты им предъявил?» — спросил Паша... Семёнов сверкнул очками и показал Паше и Ширину карточку, на которой было написано: «Сим удостоверяется, что Семёнов является собственным корреспондентом журнала “Playboy”...» На другой было написано — журнала «Афиша», всё было на английском, а третья оказалась вообще выданной газетой “New York Times”...

«Ты что же, пообещал, что эта женщина будет на обложке “Плэйбой”?» — рассмеялся Ширин... Семёнов ещё раз чем-то сверкнул — может, он и снимал не глядя всё это время, и это была вспышка... и вот тут где-то Ширин и заметил, что он превращается во что-то другое, в «фото

графическое животное» или в зонд... и дальше всё было уже похоже на нырок, на такое подводное плавание — вслед за Семёновым они с Пашей нырнули и теперь быстро поплыли в пивной пучине, держась друг за дружкой, в этакой безумной летке-енке, к ним пристраивались в хвост и другие, потому что они так сказочно легко рассекали толпу — вслед за семёновским «Кэноном» или «Лейкой»... А потом, снова где-то распадаясь, рассчитывались на три, рассчитываясь за очередные массы, — и снова составляли извивающуюся цепочку...

Ширин перевернул страницу и увидел туалет возле павильона: строй стоящих лицом к железной стенке людей, которых Семёнов тоже «прихватил», причём не так уж незаметно он это делал, вспомнил Ширин, хотя и не так откровенно, как бюсты дам... может быть, к тому моменту он сам уже был полностью незаметным, невидимым, воплощённым зрением, абсолютным соглядатаем...

Ну и потом был апофеоз: танец на столах, который Семёнов снимал из самой выгодной точки — взобравшись на подмости эстрады, устроенной в центре павильона.

Им всем троим удалось подняться почти до самой сцены, и где-то там, почти на подмостках, перед музыкантами, они с Пашей сели на ступенечках со своими масами, а Семёнов стоял и в упор «расстреливал» окружавшую их бес-

нующуюся толпу из своего крупнокалиберного... Да-да, Ширин, глядя на него, тогда думал, что Семёнов не просто немного похож на русский стереотип немца... но выглядит сейчас даже каким-то «немцем в квадрате»: «...Сегодня будет дискотека, пулемётчику Гансу привезли новые диски...» — как-то так...

Да, к тому моменту все уже, кажется, вокруг плясали на столах, и вот это зрелище — во все стороны нарисованного мира, куда ни глянь, танцующие на столах дирндль и трахтены, то есть разверзшаяся пивная пучина, сливающаяся где-то вдаль с нарисованным Штарнбергским озером с его далью дали — грядой высоких гор...

Знаменитая панорама, из-за незримого присутствия в ней Людвига какая-то инфантильно-инфернальная, да... и, вглядываясь в лица, Ширин видел, что многие из них — старики и старухи, во что поверить было невозможно, глядя, как они лихо отплясывают на дубовых столах... Да-да, скачут, как, должно быть, скакали б те блохи — в своём павильончике, на столе, за линзой, если бы их не запряглине подковали, — право же, после трёх-четырёх масов что-то в этом было уже зашкаливающее... «Ансамбль, кажется, играл Петера Фокса, — вспоминал Ширин, глядя на снимки, — “Stadtaffe”, и по-моему, именно этот рыжий... хитрый хит... заставил всех запрыгнуть на столы — откуда они уже и не

сходили... за Фоксом последовало "...no satisfaction", зрелище уже чем-то и зловещее: толпа без конца и без края вокруг тебя, под нарисованным, но таким же высоким, как натуральное, небом, поющая — все подпевали, и это было очень громко, да, просто-таки чудовищный рёв стоял, коллективный джеггер, уши закладывало, — качаясь, на столах: "I can't get no satisfaction..."».

Ширин вспомнил, листая в очередной раз альбом, заметку в какой-то газете — о том, как один одинокий американец, тихий незаметный служащий, откладывал несколько лет деньги на «Тур своей мечты», именно там он почему-то надеялся встретить «девушку своей мечты»... Ах, ну да, это были специальные такие туры, что-то вроде плавучего клуба знакомств «кому за 30»... И вот он скопил деньги, купил путёвку — это был морской круиз, и там, на корабле, когда он в первый же вечер пошёл в общую столовую — огромный зал с хрустальными люстрами, — он увидел такую картину: за всеми столиками сидели дамы — с точки зрения теории вероятностей невероятно, но такой вот был факт: все, кроме него одного, кто купил в тот раз билеты на «Тур своей мечты», полтысячи человек, — были женщинами... Американец сидел за столиком, в ужасе глядя по сторонам, и... когда все эти женщины вокруг начали шевелиться, медленно перемещаясь к столику, где он сидел... — во всяком

случае, ему так показалось... и он сбежал, да, заперся в каюте — где и пробыл до конца рейса, наотрез отказываясь оттуда выходить, а потом долго лечился от нервного расстройства, причём счёт за лечение предъявили туристической компании, и, кажется, она его оплатила...

Газетная, может быть, и невыдуманная история, которую Ширин уже точно не выдумывал, когда рассказывал её Паше на ушко — тогда же, во время зрелища толпы, танцующей на столах под “I can’t get no satisfaction...”.

А Паша не только не выдумывал, но и не пересказывал её заново полностью — он просто напомнил Ширину, когда всё смешалось... Но мы забежали вперёд.

Мы оставили Ширина с альбомом Семёнова...

Так как Ширин побывал там внутри — со стороны изнанки, мёд-пиво пил, да-да... то он любил теперь «повтыкать», от нечего делать, особенно на тех — редких — страницах, где Семёнов запечатлел в числе прочего и его, Ширина: вот они с Пашей сидят за столиком чокаются масами, пока Семёнов шныряет в толпе, согнувшись, как вольный борец в стойке, ухватив противника за ногу, или... как такой карманник, только что спиздивший у кого-то эту самую камеру и улепётывающий теперь поскорее... а они с Пашей вдвоём тихо-мирно сидят посреди всех этих разверзшихся хлябей... жидкого хлеба... пиво — это же для баварца «жидкий хлеб», да...

— Я спросил у своего отца, — тихо (хотя Семёнов в этот момент был где-то далеко, но он мог в любой момент *вынырнуть*) говорил Паша, — мог ли он встречаться с внучкой Громыко. Переказал отцу — мы говорили по скайпу — всю эту историю... А он рассмеялся и сказал, что Семёнов вообще никогда не служил в армии. У меня почему-то после этого возник вопрос... Но я не смог его сформулировать... ну, я тебе говорил, что в первый момент, когда получил мейл от него, думал, что это другой Семёнов — мой старший друг, который приказал нам долго жить... Который мне когда-то говорил, кстати, что хочет съездить на Октоберфест, даже описывал, как будто там уже побывал, — из газет, конечно, или из книг... составил себе представление.

— Он читал книги?

— Представь себе.

— Я имею в виду, что время было, ты говорил, что он... скажем так, столько всего успевал... Может быть, он тогда и Томаса Вулфа прочёл... Лучшее описание Октоберфеста в мировой литературе, имхо.

— Да?

— Ну да, хотя это меня что-то от пива на высокопарность потянуло... В том смысле, что рассказ прекрасен, но я не так много читал описаний Октоберфеста в литературе... Зато читал «Взгляни на дом свой, ангел»... Да, но что это за вопрос у тебя возник?

— Да ничего... Про это «вообще»... Нет, я не могу сформулировать, да ладно, ерунда... Ну, отец подтвердил, что он его знает, по крайней мере, видел не раз, даже ещё когда этот звёздный теперь Семёнов был совсем маленьким...

— Ты что, сомневался... — удивился Ширин, — но ведь он — известен, он публичная фигура...

— Да, ну кто его знает... Ну, не могу сформулировать...

«Или мы об этом говорили позже? — подумал Ширин. — Когда всё сгорело...»

Он пролистал альбом до конца и посмотрел на пепелище...

“I can't get no...”

— Ты знаешь про пожар? — сказал ему на следующий день Паша, позвонив то ли на рабочий, то ли на мобильный... И поведал... что сгорел как раз тот самый павильон, где они задержались накануне: «Взгляни местные новости, ангел»...

Потом, уже когда Семёнов уехал, они при встрече, как бы в шутку, обсудили, мог ли это сделать сам фотограф...

Для полноты картины, для завершённости гештальта...

Пожар произошёл ночью, никто не пострадал. Сгорело нарисованное небо в маленьких пухлых облачках, нарисованный город на стенах, нарисованное озеро и гряда гор, не говоря о столах и других деревянно-трёхмерных частях панорамы... В общем, большой такой костёр, бла-

годаря пожарным — одиночный, пламя то есть не перекинулось на соседний павильон, и даже аттракционы, ларьки, которые были совсем рядом... Только этот павильон, один.

Ширин представил себе Семёнова — который просто уже не может остановиться, сменив взятый днём бешеный темп, не может уснуть, да... или на час всего, или того меньше, и во сне продолжает лихорадочно снимать праздник, который теперь всегда с тобой... Да, и вот: «пулемётчик Ганс» просыпается, едет на Терезиенвизе... Нет?

«Вряд ли», — решили они оба.

Семёнов с канистрой бензина?

Бегающий на рассвете вокруг павильона, поливающий его по углам?

Нет-нет...

Разве что он мог там по углам помочиться да по углям побегать... нет-нет, нам бы всем это... только день простоять да ночь продержаться... Услышав от Паши, поехал туда, конечно, всё снял... Ну, так совпало... узнаю тебя, совпадение, значит, ты не смерть... и вот такой, значит, получился альбомчик, целая серия, целый мир — с началом и с концом, блохи в белом янтаре — начало, в конце — пепелище... посередине — мухи... и «вюрм», то есть чудовище-червь, живущий в пучине Штарнбергерзее (в прошлом — Вюрмзее), согласно преданию, когда он появляется на поверхности, настанет конец света.

Не листая, а скорее *зависая* над той или иной страницей, Ширин вдруг вспомнил тот первый разговор с Софи, свой трёп о «фотографии», о разгадывании тайн с помощью фотоувеличения, проявление или появление... педофила у Кортасара, руки с пистолетом у Антониони... а потом и трупа в кустах...

«Но что здесь разглядел наш фотограф? Что он тут понял? Такого, что не понял никто?»

«Тот, кто понял мир, нашёл труп»...» — думал Ширин и, чувствуя, что снова на него накатывает депрессия, причём словами старых собственных *виршей*, где были у него сомнительные рифмы «струн — труп»: «...и вязал их холодными спицами струн» (это про «свои старые песни», которые он «припомнил»), «...вдруг наткнулся на собственный труп» (это — на «ступеньках заброшенной в прошлое лестницы»), он пожалел, что его любимый комикс не здесь — он бы его полистал сейчас вместо альбома Семёнова...

Графический роман Ули Остерле о жизни мюнхенского художника Гектора Умбра, да, вот там был эпизод о детстве героя... Когда Гектор ещё был маленьким, его отец погиб на работе, а работал он на пивоварне, но увлекался при этом больше не пивом, а героином, ЛСД и всем на свете... и вот однажды упал в гигантский чан, где варилось пиво: «И так в этот день родилась новая марка — “Edelstoff”...» — гласила надпись

под картинкой, то есть «аристократическая субстанция», да...

Кое-где фотограф прорисовал блох, как бы навёл резкость карандашом, кое-где даже подписал «блоха», и — стрелочка, и колёса блошиных карет связаны с «чертовыми колёсами», аттракционы, «расширения сознания» — вплоть до невозможности дальнейшего преувеличения, ну да, ну да... море людей под натуральной глазурью, кружка выше многоэтажного дома, амурчик со стрелой, на которой написано «ОО»... кукла-дирндль, шагающая по проволоке в небе в сторону собора Св. Павла, а вот и бутылка от пива — коричневое стекло, лежащая в железном жёлобе-стоке туалета, замкнутый цикл, так сказать... и то сказать, и так сказать... и даже больше вдвое... Но это не на Октоберфесте, это где-то в общественном туалете в метро... Вообще, сборка «янтарной комнаты» не ограничивалась пределами «визы», как кажется с первого взгляда... вот пляшущие эльфы в войлочных шляпах под шатровым небом — чередуются с реальными, то есть «садовыми гномами», которых Семёнов прихватил тоже где-то не на «визе», конечно, а на окраинах города, когда мы уж скребли по выселкам-сусекам... Но те, что на столах... кажутся ещё менее настоящими, потому они и не сгорели, и мы заодно, мало проку — мало тепла, как в том стихотворении, которое так любил Паша: представь, что война закончилась...

И всё сгорело нах, картонное небо, стены... не «масы», так «фасы», то бишь бочки, скамейки, а вот ещё... Ширин раскрыл альбом на том снимке, где как убитые лежали вповалку, некоторые в собственной блевотине, то ещё зрелище, Господи, этот твой реализм задников...

Это — такой холм за одним из павильонов, Ширин же туда и завёл Семёнова — за угол, тот шатёр не горел, слава богу, ясным пламенем — холм, на котором отдыхают эти «полностью убитые», совсем рядом, пламя могло перекинуться и за кавычки...

«А там, наверно, некоторые так и остаются — на ночь, под открытым небом — уклон небольшой, далеко не укатишься... Перед этим у Семёнова идёт снимок мигающей “центрифуги”, где все прижаты к стене, вращаются... аттракционы, бля, ну да... а эти повывлетали — как бы, поразбросало их по склону, по траве... Как и меня, в сущности, только к подножью другого холма, а так тоже — прибило нас, сбросило с аттракциона, с “русских горок”, к ногам... на милость-немилость... запаяна в бляху муха, и весь янтарь, ядрёна вошь...» — думал Ширин, дымя папироской (он снова закурил после многолетнего перерыва) и рассматривая альбом — сидя в кресле с ногами на журнальном столике в квартире-студии Паши Шестопалова, где Ширин теперь жил в качестве «подселенца», ну да, кто бы мог подумать, диалектика... хотя Паша просил, усомнив-

шись, что такое слово есть в словаре, а потом, посмотрев что-то там в Интернете и наткнувшись на какие-то дремучие «эзотерические» сайты... на всякий случай так себя не называть... ни тебя, ни себя... «Лучше уж “постояльцем”», — сказал Паша... «Ну, постоялец, один хрен», — сказал на это пьяный Ширин.

В общем, пришлось попроситься Ширину на время на раскладушку к бывшему гостю — в силу обстоятельств, которые короче всего выражаются известным «Всё смешалось в доме...», и получается, стало быть, что второе предложение давно уже опровергает первое про «все счастливые семьи...».

«Ну, может быть, влияние Набокова, — думал Ширин, — так ведь начинается “Ада”, с инверсии толстовского первого...»

О Набокове, причём о той же «Аде», он вспоминал недавно в метро, когда увидел огромную рекламу нового продукта в пластиковых коробочках: “Cremissimo. Doktor Schivago”. Ну как тут было не вспомнить про “Dokteur Mertwago”... «...продать, что ли, для флешмоба конкурентам...» — впрочем, прочитав текст на плакате, Ширин понял, что это не «намазка на хлеб», как он подумал — судя по коробочке, а мороженое, и махнул рукой, — «ну, мороженое — это ещё куда ни шло, отмазка, живи...»

Когда же он услышал, как Паша по телефону коротко объясняет уже третьему человеку его,

Ширина, ситуацию вот этим самым «Всё смешалось...» — он, с трудом и со скрипом (раскладушка была неудобной и узкой) перевернувшись на другой бок, вспомнил, как, ещё в бытность свою библиотекарем, листая от нечего делать бумажные газеты, прочёл в «Дневнике с Толстым» писателя-лауреата Уве Телькампа — текст, опубликованный во “Frankfueter Allgemeine Zeitung”...

«Роман “Анна Каренина”, — писал Уве Телькамп, — начинается с сентенции о счастливых и несчастливых семьях. Во втором предложении, которое изначально было первым, звучит главный мотив (“Im Hause der Oblonskis war alles aus dem Gleise geraten” — “В доме Облонских всё сошло с рельсов”) — поезда, железнодорожные пути, вокзалы будут возникать потом снова и снова, создавая логику всей этой темы “порядка и хаоса”, а после этого нас бросают в гущу конфликтов, чтобы потом, через тысячу страниц, мы так и не вспомнили о том, что забыли вынырнуть. Это начало вызывает во мне видение камня, по которому ударяют резец и молоток бескомпромиссного скульптора, — зарубка первого предложения (высказывание отнюдь не безусловное) мною воспринимается как первая попытка, сделанная с ещё не разогретыми мускулами; а вот после этого становится тепло, инструменты применяются безошибочно, что в свою очередь заставляет откликаться первый удар, превращающий всю книгу в резонансное прост-

ранство с какой-то архаической мощью. Толстовские предложения похожи на монолитные глыбы, уложенные без раствора, как это делали в античных строениях, и так точно высеченные, что между ними нельзя вставить лезвие ножа. Когда я читаю Толстого, я начинаю сомневаться в модерне. (Пруст и Кафка не принадлежат модерну — они просто были опубликованы позже, чем Данте и Шекспир.)»

Сделав после этого небольшой «решерш» — пошуршав в Интернете, наш библиотекарь узнал, что перевод этот сделал Герман Аземиссен, перевод вышел в Берлине в 1956-м, и всего переводов романа на немецкий — двадцать один, в каком-то из них было наиболее простое и близкое: “Im Hause Oblonskij war alles durcheinander”, а в последнем переводе предложение выглядит так: «Drunter und drüber ging es bei den Oblonskis», то есть «вверх и вниз», но тут буквально как раз и не надо, это... немножко южное, как показалось Ширину, немецкое выражение означало то же самое — «всё смешалось»...

Хотя теперь вот, ночью, на раскладушке, Ширину всё это вспомнилось — конспективно — и пришло в голову ещё и, что в его случае таки да, подходят — «русские горки», вплотную... Во-первых, всё это произошло сразу после Октоберфеста, где они стояли — горки, — хоть в этот раз мы на них и не катались, но тонкие чёрные зигзаги на фоне неба всё время присутствовали,

как такие траектории, как чертежи, как разборы полётов... или очертания «вюрма», всплывшего из пучины и съевшего весь мир... «По крайней мере, мой. Мир в смысле “мир”, без всяких точек над, незавершённое — человеческое, состояние, peace, frieden... Ох, как я не люблю эти манежи, арены, перемены...»

Во-вторых — drunter und drüber — вниз и вверх — вилась дорожка по-над Изаром, по которой Софи пролетала на своём сити-байке как раз в тот день и час, когда там гуляла компания, которая включала в тот день и Пашу, и Кому, и когда Софи была ещё почти точкой, откуда-то спереди и сверху, из ниоткуда, с небес, послышался крик, громкий, как будто там пользовались мегафоном: «Ширин, верни задаток!»

Это вызвало смех — сначала у Лили и у Комы, но почти сразу они заразили и других, смех стал «взрывом смеха»...

Мимо на велике пронеслась рыжая девчонка с распущенными волосами — как ведьмочка на венике... как раз в тот момент, когда все смеялись, и, наверно, в этом было всё дело: если бы не взрыв смеха, она бы не вернулась, а вот это её почему-то зацепило...

Но для начала её и «след простыл», все о ней уже забыли и шли себе дальше, Ширин чуть впереди, поглядывая на зелёный поток, белые ба-рашки... пены у порогов и вроде бы не слушая, что Лилия и Кома рассказывают остальным, по-

нимая и так, по отдельным долетавшим до него словам, о чём они говорят: почему они *так* рассмеялись, когда услышали крик, что это им напомнило — «...как Ширин сдавал экзамен по теории вероятностей...»

«По теории упругости!» — поправил он, не оборачиваясь.

Во время экзамена — причём когда именно он отвечал на свой билет — из-за закрытой двери раздался громкий — почти как знаменитый голос её брата — крик Комы: «Ширин, отдай три рубля!»

Экзаменатор так посмотрел на Ширина... как тот незнакомец на Мэрилебон... да, вот так же примерно... после чего раздался взрыв смеха — половина группы, которая находилась в тот момент в аудитории, несмотря на всю серьёзность обстановки: «теория упругости» — не фунт изюму... из жизни сладкой сайки... половина группы покатила со смеху.

— А что в этом такого смешного? — спросила дочка их старых приятелей, и Ширин, подумав и решив, что она уже достаточно взрослая, замедлил шаг, обернулся и сказал:

— Комичность была ещё и в том, что «три рубля» — это была такса, во всяком случае анекдотическая, в анекдотах, то есть столько стоили тогда продажные женщины.

— Ну-ка, ну-ка, — засмеялась Лиля, — это что то новенькое, я никогда не слышала!

— Ты просто забыла, — пожал плечами Ширин, а я не забываю анекдоты, ты знаешь.

— Ну да, а если учесть, что у тебя вся жизнь анекдот... То и всех продажных женщин ты не забываешь? — смеялась Лиля...

— Ну нет, продажные женщины тогда были только на Западе, вспомни анекдот про экскурсовода в Париже, направо — Эйфелева башня, налево — продажные женщины, — направо Версаль, налево...

— Зато у нас было «налево», — сказала Кома, и все снова рассмеялись, супружеская пара Шириных в этот момент казалась настолько чем-то милым в этом шуточном споре, настолько чем-то незыблемым — как твердь над головами... И тут снова откуда-то сверху и спереди к ним скатилась Софи, на сей раз молча... и на этот раз она затормозила возле них и, кивнув или даже помахав рукой — “Allerseits!” — «Всем приветик!», сказала непосредственно Ширину: «Можно тебя на минутку?» Ширин пожал плечами — почему-то *беспомощно*, — зачем-то как бы слегка подыгрывая взглянул на Лилю и сказал: «А вас, Штирлиц... Я сейчас». После чего они не то чтобы отошли в сторону — просто остались стоять, а вся эта Ширинская компания — человек семь-восемь, или сколько их там было, включая и Лилю, и Кому, — молча пошла дальше, оставив Ширину и Софи на пустой дорожке.

— Я отнюдь не шучу, — сказала она, — я могла бы потребовать аванс обратно, потому что я знаю: ты не искал мою тетрадь, а занимался там совсем другими... вещами.

— Ну ладно, — расслабленно махнул рукой Ширин, — ну хочешь, я ещё раз съезжу, уже за свой счёт.

— А что, так понравилось?

— Ну да... Просто маловато для такого города, как оказалось, два дня... И я поищу на этот раз получше, если не будет помех — которые были, кстати, нарушением договора. Хотя повторить «перемену слагаемых» нам с Петром вряд ли удастся ещё раз... Но я остановлюсь в отеле и буду рад познакомиться с маэстро воочию, приду в гости, а сам... Как шпион, загляну, знаешь, ещё раз туда, сюда... то есть туда, куда в первый раз не заглядывал, — я всё-таки её искал, у тебя неправильная инфо.

— Не надо больше никуда заглядывать, — сказала Софи, — тетрадка уже у меня. Точнее, её вообще уже больше нет.

— Как — у тебя, как — нет?

— Вот так. Он наконец одумался и прислал мне её заказной бандеролью.

— Ага, ну раз так... — пробормотал Ширин, — ты, наверно, сказала ему, что я... твой шпик?

— А как же, — улыбнулась Софи... такой улыбкой, что Ширин почувствовал лёгкое головокружение.

— Дашь взглянуть? — спросил он, чтобы не спросить что-то другое...

Хотя ему и в самом деле было ведь любопытно, что там уже у неё такого было нацарапано...

— Нет, — сказала Софи.

— Ну, на нет и суда нет, говоря по-русски... — сказал он, и, чтобы уйти от этой щекотливой темы: — Ты знаешь, что павильон сгорел на Октоберфесте? Как раз тот, в котором мы накануне были с Семёновым, — это такой известный русский фотограф, может, слышала?

— Наслышана, — сказала она, — обо всём. И о Семёнове, и о павильоне... Тем более что павильон сгорел одновременно с моей тетрабочкой.

— Так это ты подожгла? — в шутку схватился за голову Ширин.

— Ну а кто ещё, — сказала она, сощурившись, — это горел мой часослов, конечно. А ты и не догадался?

Ширин хотел было задать ещё пару вопросов, чтобы понять на всякий случай, в своём ли девчонка всё-таки... Она напомнила ему в этот момент старуху — нет, не внешне, а глубоко внутренне — конкретную старушку, в платочке, которая жила под ними, когда он был ещё маленьким, кажется, её звали Антоновна... Старуха была не в себе, «деменс», как бы сейчас сказали, а это ведь, когда открываются другие «дименсии», известное дело, конечно... если дверца в один мир прикрывается, то приоткрывается в дру-

гой, как у Достоевского где-то было, ну да... И вот Антоновна: она всё время сидела возле подъезда, и как-то маленький Лёва играл в песочнице совсем рядом с её скамейкой, а в небе пролетел истребитель, довольно высоко, но где-то он перешёл звуковой барьер...

— Война будет, — сказала старуха, — но я не боюсь, следующий я собью. Вот как брошу свою палку, так и собью, увидишь! — она тыкала в небо клюкой, а Лёва, оторвав взгляд от своей красной пасочки, внимательно смотрел на старуху — чтобы всомнить её, глядя на Софи, которая приговаривала «ja-ja...».

«Я-я — я сожгла тетрабочку, я — сожгла балаганчик, в котором ты был и который сам был в моём часослове...» — дочитал Ширин в её глазах...

После этого и началась *ситуация*.

Паша с самого начала был уверен, что Лиля просто воспользовалась «сценкой» — свидетелями которой стало достаточное количество людей, для того чтобы решить нехитрую шахматную задачу...

Ширин, надо сказать, и вправду — отправился вскоре как миленький в бар без названия, где в тот вечер не было почти никого, и Софи охотно покинула стойку — оставила на своего напарника, открыла кухню, закрыла изнутри на ключ, после чего Ширин наконец имел возможность ознакомиться с сюжетами знаменитых татуировок в полном объёме. И при этом не заблудить-

ся среди всех этих красно-синих нарисованных цветов и человеческих голов на стеблях — раздвигая все эти джунгли руками, он нашёл и настоящий бутон, ну да, ну да... И всё это показалось ему настолько естественным и, как бы сказать... Словосочетание, которое он к месту и не к месту когда-то часто употреблял — ещё в Москве, но тут с точностью до наоборот: «НЕ табуированным трансцендентально» показалось ему это, стало быть, настолько, что... дома, когда Лиля, как бы между прочим, спросила: «Ну что, ты таки трахаешь эту девчонку?» — Ширин, уже не столько и охмурённый (понятно было — Софи ясно ему дала понять, когда они покидали кухню, что это был вот именно *one stand*, ничего больше), сколько всё ещё обкуренный и пьяный, ляпнул: «Да, а чё... Трахнуть барменшу — это же как выпить стакан.... помнишь “теорию стакана воды”, что делать...»

— Ну, тогда и я тебе в чём-то признаюсь, *дофогой*, — сказала Лиля таким тоном, что...

— Ты чего? — сразу спохватился Ширин и встряхнул головой. — Я же пошутил...

— Ты у нас известный шутник... Зато я не шучу.

И в результате этой простой комбинации — во всяком случае, Паша, как не совсем посторонний, но всё-таки наблюдатель (он жил в этой семье достаточно, чтобы понять, как там всё это функционировало, — фигура умолчания, примерно описываемая формулой «я не желаю

знать, что ты знаешь», — в общем, некий статускво, навязанный Ширину.. его скво ещё в Москве... — как он сам же Паше после этого признавался, пьяно «плачась в жилетку», но всё равно не договаривая всего до конца, а вместо этого дурача самого себя каламбурами), был уверен, что всё это было не чем иным, как Лилькиной задумкой (может быть, и не сáмой «лёгкой на передок» бабы на свете, но... где-то в передних рядах, да, «скажи мне, кто твой друг», — а ближайшая её подруга — это Кома... да и вообще, это же был почти секрет Полишинеля, думал Паша, что у Лили «финансы поют романсы, служебные»).

(Может быть, мы забыли сказать: Лиля работала бухгалтером в довольно известной крупной фирме.)

И для Паши ясно было, что всё это — её многоходовка, цель которой — снятие с себя ответственности за дальнейшую «судьбу тех, кого мы приручили». Больше не несём ответственность, ни-ни: «...раз они так, то и мы — имеем право, nicht wahr? Ну правильно?» — говорила Лиля подругам по телефону в те смутные дни — не Кома, конечно, более далёким — подготавливала таким образом общественное мнение... «Имеем право» — во множественном числе — Лиля выстроила давно чаемый «четырёхугольник» и была довольна — решила задачку, ну да, и — была такова... Найти повод!.. А дальше уже идут гото-

вые модели разборки, шестьдесят семь или сколько их там, пятьдесят — ways to leave your lover... При этом «наши представления о свободе оказались совсем не так просты, как нам казалось»...

И в результате нескольких дней, проведенных в семейных разборках, Ширин переместился — «подселился» к Паше, который располагал не самой большой, мягко говоря, жилплощадью, но зато флэт его был холостяцким, а жить в окружении чад и домочадцев своих дорогих друзей (половина которых после развода, как минимум, должна была точно перейти на сторону Лили, и надо было ещё понять, кто куда), всех этих деток, прибегающих с уроков, крики которых и раньше-то были ему укором, а теперь, когда разбежались после тридцати лет... «вот если бы были дети... а так ведь — вообще ничего не остаётся, одинокая старость...», такие ведь мысли...

Правда, в самом начале Ширин был настроен воинственно, и когда Паша уговаривал его вернуться — как будто его там ждали... Ну, попытаться ещё раз поговорить, по душам, все же люди... Ширин говорил, что всё, с него хватит «старой коровы», что он начинает *новую жизнь*.

Но после того как Софи перестала брать трубку, он тупо запил.

На работе он давно уже не был, возможно, его уже оттуда уволили, он не мог точно вспомнить, что он там в последний раз сказал, и по-

тому боялся звонить, чтобы не разрушить свою же легенду, «вот вспомню, тогда и позвоню...»

Паше хотелось внушить Ширину мысль о том, что ему необходимо связаться со своим непосредственным начальством, но как-то язык не поворачивался давать «старшему товарищу» такие советы... зато он напирал всячески на то, что «они с Лилей — одно целое», что им просто необходимо — для мира во всём мире — жить вместе, что он, Паша, их просто даже не представляет по отдельности...

— Ну как не представляешь? — криво ухмылялся небритый Ширин. — А вот же я...

Паша хотел сказать, что Ширин совсем не похож на себя недельной давности, не говоря уже о двухнедельной... но молчал. Или уговаривал Ширину не пить: «сердце...» — но тот говорил, что теперь уже нельзя так резко соскакивать, вот от этого сердце может и не выдержать, не, не, пить сейчас резко нельзя бросать — ни в каком случае, он обещал начать «половинить», но пока это всё были пустые обещания и полные стаканы, и снова они чокались, и Паша «четвертинил», а потом просто уже не составлял компании: «завтра на работу»; Ширин посылал ему «воздушный чок» и опрокидывал водку или виски в одиночку.

Всё это Паша гораздо красочнее, чем это сделали мы, полагая, что не нужно это подробно описывать: запой — он и в Африке запой, nicht

wahr...* описал Лиле, когда она позвонила ему на мобильный.

Он был на работе и, быстро сказав в трубку на немецком: «Варте маль»**, — встал и вышел в коридор.

— У тебя там что, русские сотрудники появились? — спросила Лиля.

— Да нет, просто я не хочу думать, что говорить, имена, да и многие слова, понятны же на всех языках... Так вот. Говорю на эсперанто: караул! Если его сейчас же не вывести из этого состояния...

— Я звонила ему, — прервала его Лиля.

— Да? — обрадовался Паша. — И что же?

— А ничего. Я не могу ему дозвониться, с утра, весь день его набираю... И на мобильный, и на твой домашний. Как ты думаешь, где он может быть? Не у этой...

— Лиля, я же тебе говорил, что её больше нет, забудь. Это был абсолютный фантом...

— Да ладно, я же не ревную, как ты понимаешь. Просто — где он?

— Я не знаю, может быть, спит?

— В три часа дня... В общем, если я не дозвонюсь, будь добр, передай Лёве следующее: побаловались и хватит, не дети уже... Пусть собирает вещи и дует домой. Я его жду.

* Не правда ли (нем.).

** Warte mal (нем.) — погоди-ка.

Проснувшись в час дня, Ширин увидел, что на улице солнце — после недели дождя, серости и сырости; и подумал, что можно перебраться с раскладушки на тахту — ту, что стоит на балконе, — в квартире было душновато...

Впрочем, выйдя на балкон, он поёжился: осеннее солнце уже не очень-то и пригревало, а «старая кровь ещё меньше...» — подумал он и хотел было вернуться в комнату... Но понял вдруг, что попал в мышеловку.

Сколько раз Паша напоминал ему, чтобы он не закрывал наглухо балконную дверь, потому что её потом с той стороны — балкона — просто невозможно открыть, такой вот дурацкий замок-затвор... «Идиотский, б..!» — Ширин всеми силами надавил на дверь — на тонкую белую планку, перекладину... Без результата. При этом он вышел на балкон практически без ничего, то есть в одних трусах... Не говоря о том, что и мобильный, и бутылка «Джонни Уокера», на четверть ещё полная для опохмела, остались на журнальном столике, мобильный, проснувшись, он... даже не успел включить, а из бутылки — сделать хотя бы глоток, сразу полез «наружу», воздухом подышать, на балкон, как последний дебил... «Д-д-д-доброе утро, п-п-п-последний герой!» — пропел Ширин, дрожа от холода.

Он вдруг вспомнил, что Паша запер на кухне тех двоих, которые куда-то после этого *делись*, и он ходил их там искать, с чего всё и началось,

собственно... Что — непонятно, «Софистика» и всё... то самое — в результате чего он здесь сейчас оказался — запертым... У Паши просто какой-то талант запираить людей... Осталось только узнать, что с ними потом происходит, — вот он сейчас и узнает, эмпирически, хе-хе... Не прыгну, так замёрзну... Не догоню, так согреюсь...

Он подумал, что если всё-таки лечь на тахту, будет легче, меньше будет дуть, как бы залечь под ветер, залечить раны, зализать... Не-а, не удастся... И тут он, раскрыв её — тахта была складная, обнаружил там, у неё внутри, в ящике, старое драное стёганое одеяло... Почти зипун, да, ключья жёлтой ваты лезли наружу, как те облака, что он здесь видел перед полётом в Лондон, и «...понял, что небо становится б-б-б-ближе...» — пел Ширин, дрожа... и вместо того чтобы «ложиться под ветер», не в силах больше уже терпеть, «сходил по ветру», а что ему ещё оставалось делать... А потом уже обернулся в одеяло, стряхивая с него кусочки похужей на скорлупу штукатурки... Одеяло было большим, его хватило на то, чтобы хорошенько завернуться, — как ребёночка раньше пеленали после того, как пописал, так же пеленал он себя, стоя на балконе, Ширин-Неширин, но... как бы такой странный фиолетово-серый кокон стоял теперь там, вглядываясь в округу, а потом и себе под ноги, наклонившись над перилами, смотрел на подножье высотки, которое одновременно было и крышей торгового комплекса...

Местами крыша была прозрачной, и не только вышеописанный круглый купол, но ещё и — как раз рядом с домом — был отрезок, где молл пересекался сам с собой, и в его перпендикулярном коротком ответвлении потолок был прозрачным и цилиндрическим, как в теплице, и было даже как-то странно: с такой высоты — хорошо видны люди, которые шли там, чётко, как на рисунке, или на схеме, где показано сечение здания и схематично изображены его будущие жители...

Глядя на них, он вспомнил онлайн-роман, который коллективно писали мюнхенские писатели, — Паша присылал ему ссылку, и он вспомнил сейчас, глядя сверху: прозрачный купол над городом, примерно через сто лет, колпак из какого-то особого материала начинает протекать, гонцов посылают в прошлое, но это уже не интересно, недаром китайское правительство недавно всё это осудило специальным постановлением — путешествия во времени, альтернативные истории (ссылку на эту статью в «Зюддойче» — постановление было совершенно реальным — он послал Паше в ответ, полистав онлайн-роман)... «Интересно вот что: если я попаду на него, разобью его или... как ту бабочку — по ветровому стеклу... размажет... тварь дрожащая или... вот это интересно было бы знать, да... хотя вряд ли я попаду...» — думал постоялец, глядя на короткий прозрачный участок молла, по которому шли крохотные человечки.

В страдательном залоге

Паша лежал на берегу небольшого озера, положив сложенный номер “Süddeutsche Zeitung”, чтобы его не растрепало ветром, под рюкзак, а рюкзак себе под голову. Улучал мгновение, да... луч вот только что проколол покров, сотканный из облаков разной формы, цвета и высоты — там были и перистые, и неясного пока назначения, может быть, и дождевые. В общем, он ловил момент, и поэтому не раскрывал газету, чтобы не заслонять от солнца лицо и половину тела, да и вообще при таком ветре... Паша уже думал, что почитает её дома или в каком-нибудь кафе около молла, но, выйдя из воды, растёрся полотенцем и всё-таки решил попробовать, и теперь весь первый раздел «Южно-немецкой газеты» громко хлопал, трепыхаясь в его руках, и края страниц заворачивались даже когда он расстилал их, сложив пополам, на сером покрывале, и всё-таки что-то читал, лёжа на животе, подперев голову руками, локтями придерживая газету, что-то он

там считывал таким образом, но вот когда надо было перевернуть страницу, тут уж газета превращалась в пойманную, рвущуюся из рук птицу... и Паша невольно вспомнил, как неделю назад на этом же самом месте едва не повторил подвиг Паниковского... или Нильса, чуть не схватив за шею нагло пролетавшего совсем рядом с его головой жирного гуся... Да-да, медленно так, тяжело, как будто он спал на лету.

Пернатые вообще здесь обнаглели: утки могли просто вот так взять и ущипнуть за пятку, окончательно убедившись, что хлеба от тебя не дождётся... а лебеди, казалось, могли проглотить и тебя самого — руку по локоть, по крайней мере... превращаясь уже прямо в каких-то белых бестий, ну да... как бы защищая питомцев — хотя на тех никто, конечно, не нападал, да и птенчики были уже не меньше родителей ростом, только что всё ещё серые — как те же гуси... и при этом шипели... как дети, так и их родители, — как ядовитые змеи, да-да, лебеди, лебедята, в общем, это было полностью птичье царство, и были там ещё попугаи, но те уже как бы в другом контексте или, по крайней мере, абзаце...

Так вот, газету, вырывавшуюся из его рук, хлопая крыльями теперь уже как целая стая, Паша прочёл довольно бегло... и вдруг увидел, что она вся как-то состарилась прямо у него в руках.

Да, она вся была теперь мелко-мелко сморщенная, мелко-мелко... и даже, казалось, успела

пожелтеть, так что, глядя на неё, Паша подумал... не то чтобы совсем уже всерьёз, конечно, но как бы играя дальше в эту свою транстемпоральную игру, подумал, да, что не мог простой ветер вот так быстро состарить вещь... что он, возможно, попал вместе с этой газетой в поток какого-то другого, опять-таки неизвестного науке, времени, на сей раз не обратного, а прямолинейного и при этом быстрого, как перемотка... «Плётки дней... — думал он, — и не страшно тебе после этого взглянуть... на себя в зеркало?»

Но эта *мнительность*, как бы в шутку (но в каждой шутке...), навеянная «ветром не из мира сего», который смял газету, то есть весь этот очередной его «дориан-греевский» синдром, — всё это рассеялось на станции метро, которая была под моллом и где Паша стоял в данный момент в ожидании электрички.

Стены станции были покрыты чередовавшимися полосами зеркал — от пола до потолка — и матового металла такой же ширины, как будто их специально так составили из давнего пространственного бреда, который мы описывали в первой главе... ну то есть из всех этих цельнометаллических комнат, кухонь, бассейнов... как бы составлявших тогда лабиринты, где Паша блуждал в новом для себя городе поначалу...

Пока вы к ним не подходили, зеркала казались кривыми, пространство в них искажалось, шло волнами, но когда вы смотрели на себя

вблизи, то находили себя отнюдь не в «комнате смеха» — как можно было ожидать, вблизи зеркала каждый раз оказывались обычными зеркалами, кривизна их была достаточно мала, и Паша всё это успел уже, конечно, изучить раньше...

И теперь он сразу убедился, что его лицо не стало похоже на газету, которую он только что выбросил в урну — большой морщинистый ком букв... часть которых, впрочем, была теперь в его голове... но на взгляде его это, как, между прочим, и всё другое его чтение, то есть не только серьёзных газет, но и книг, никак не отражалось, и, глядя на себя в зеркало, Паша подумал, что скорее его можно принять за читателя газеты “Bild”.

До поезда было ещё семь минут, и он пошёл по платформе. Просто так — он не помнил, в какой вагон лучше садиться, — он ехал в гости к людям, у которых был всего один раз, давно, — от нечего делать дошёл поэтому до другого конца перрона — раз всё равно, в какой вагон, первый или последний...

Проходя мимо них, он ещё поглядывал в эти чередующиеся вертикали... думая при этом вскользь что-то почти уже абстрактное... — ну, что такое чередование зеркала с металлом... что-то напоминает... то есть не только старые «металлические трипы», но, может быть, вообще, аллегория всей... Однако до более глубоких обобщений Паша, как обычно, не успел дойти —

тут перрон кончался, и внимание Паши переключилось с зазеркалья на пару, незаметно проникшую в подземелье... может быть, как раз из одного из зеркал... прорвав пленку амальгамы... и всё ещё были какие-то матовые, свинцом налитые...

Хотя он мог просто не заметить, как они спустились по эскалатору...

И всё же трудно было поверить, что они могли только что там появиться, — казалось, что они сидят на этой скамейке в ауте уже не первый тайм, да...

Или это вообще уже полный «аут оф тайм»...

Да, на последней скамейке сидели... двое, как будто вырубленные когда-то в одночасье — они были полностью неподвижны, и у него голова была запрокинута назад, рот приоткрыт, а женщина повалилась налево, преломилась пополам, ноги остались в таком положении, как будто она продолжала сидеть, а не лежать, но верхняя половина её вот именно лежала... на решётке соседнего сиденья, а рука повисла, доставая кончиками пальцев до каменного пола.

Оба были «люмпен-готического» вида: синие грубые татуировки, синие круги вокруг глаз, а может и синяки, и не только на лице... в белой майке — он, в чём-то кажущемся грязным — она, такие утомлённые тела бессонницы, заблудившиеся в подземелье кривых зеркал... жутковатые, как и сам... этот весь... зеркально-металли-

ческий бункер, ну да, в особенности когда он вот так пуст...

Возле них ещё стояла коляска, но Паша почему-то был уверен, что там находится что-нибудь неодушевлённое, какая-то утварь, скажем, пустые бутылки или полные наполовину... но обойдя коляску, он увидел, что там — под синей крышей «кибиточки» — сидит дитя.

Да-да, дитя. Сидело там и красило губы помадой... Пухлая блондинка, с хвостиком, какая-то большая — как Паше показалось — для такой коляски, года два уже, не меньше, если не три...

Дитя хитро подмигнуло Паше, улыбнулось и... снова стало краситься.

Паша хотел было сходить домой, взять камеру и вернуться...

Семёнов подарил ему один из своих аппаратов и не то чтобы заразил его этим зудом, нет, — он уже после отъезда фотографа сделал ну, может быть, два-три снимка.

Но вот да, иногда ему теперь казалось — может быть, и под влиянием того же Семёнова, — что предметы или людей специально кто-то так расположил и просто... ну, нечестно, что ли, их не снять, это будет штрейкбрейхерство по отношению... к бытию?... неважно, к чему, но что тебе стоит, просто щёлкнуть, если это уже все готово — реди-мэйд, да...

Но как раз в такие моменты камеры у Паши с собой и не было.

Телефон же у него был не то чтобы допотопный — просто самый простой, Паша не любил навороченные телефоны.

Недавно он был на озере, в более тёплую погоду, чем сегодня, и был там такой момент, когда он так же, как только что... пожалел, что камера осталась на полке в пустой пыльной квартире.

С другой стороны, как бы он всё это собрал в одном кадре...

Делать «серии» — это уже было бы слишком, максимум, что Паша мог себе представить, это один-два кадра.

А на озере был небольшой мыс с высокими соснами, который «местные» называли «попугаев остров».

Но когда он в первый раз это увидел, он ещё название не подслушал и думал, что его «глучит», «...оптический обман...» — назвал он уже было это явление, вспомнив почему-то Хармса, ну да... когда увидел сидящего на ветке... не мужика, но очень большого «ару», жёлто-зелёного, а потом выше — второго — пурпурного с синими крыльями...

Но несколько раз открыв и закрыв глаза, Паша понял, что это не глюк.

А потом увидел и небольшого мужичка — который был не на ветке, но где-то рядом... стоял то есть под сосной, и его скорее можно было принять за их слугу, чем за хозяина... Попу-

гаи с ним, похоже, не очень церемонились, редко, но властно покрикивали на него сверху, а руки, плечи, предплечья его... были покрыты сетью царапин.

Он катал их на лодке... Да, на резиновой лодке с моторчиком — очень быстро, оба попугая при этом возвышались над гладью воды... какая-то у них была там специальная жердь, и они, такие неподвижно-важные, высоко сидели — и так пронеслись мимо, когда Паша вынырнул посередине озера...

Похожие на муляжи, на чучела... «Фелисите-феличита... а мужик и впрямь выглядит этаким извозчиком, камердинером... и слугой, и господином...» — подумал Паша уже под водой — он снова нырнул...

Но поразила его — вызвала «фотографический спазм» то есть — картина, которую он увидел, когда ехал с озера.

Мужичок тоже ехал оттуда на велосипеде, в серых трениках и в майке, и оба попугая сидели у него на спине, слева и справа, по краям, вцепившись в лопатки, немного наклонно, и вниз — направо и налево, симметрично относительно его позвоночника, — торчали их длинные хвосты... и в первый момент, издали, Паша... на самом деле подумал, что у велосипедиста выросли два крыла.

Если бы он не знал уже этого «херра унд кнехта», то есть не видел раньше всю эту троицу на

«острове», то так бы и продолжал думать, наверное, — что встретил ангела-велосипедиста.

Потому что он, или они — все трое, — проскочили на красный свет, который только что включился...

Да они со своей цветовой гаммой и сами по себе были... как такой летучий светофор... семафор-серафим, ну да... а вот Паша притормозил, задумчиво глядя, как они исчезают под мостом: «...а может, и не просто серафим, а кто там был... в “Простой душе” — Святой Дух?...» — подумал он...

При этом он слушал МРЗ... опасно ездить в наушниках, да, но иначе ему было *не в кайф*... Хотя это пора было прекращать, крутить под музыку педали, он это понимал — он замечал за собой с некоторых пор ещё и такое... то есть мало того, что он из-за музыки не слышал сигнальных гудков, — он ещё и сам теперь иногда сигналил вхолостую, звонил, ну да, как бы тик такой у него появился, тик-так... если музыка в наушниках его «забирала», Паша, ожидая зелёного света, начинал «подыгрывать», отбивая такт с помощью звонка на руле, который как бы превращался в «чарлик» ударной установки, и Паша отбивал на тарелочках ритм, пока не замечал, что оборачиваются передние велосипедисты, прохожие, водители... И когда мужичок, сросшийся с попугаями во что-то единое... и крылатое, исчез в темноте тоннеля, Паша тоже громко звякнул, да...

раз, другой, третий — пока не заметил, что к нему поворачиваются головы...

Вот и мы с вами туда же — отвлеклись (кстати говоря, это у нас вообще самая необязательная глава, и не обязательно даже... не факт, то есть, что это — глава, во всяком случае, вполне можно сразу переходить к следующей), это всё было только лишь к тому, что сейчас у Паши мелькнул подобный соблазн: *запечатлеть zwei Untote**, сидящих в подземном бункере... загнанные, как лошади, родители-ямщики... с их зомби-ящиком на колёсиках, и это их «розмари-беби» в кибиточке... всё это несложно было бы собрать в одном кадре, и Паша подумал, что пошлёт фотку Семёнову, обратная связь, так сказать, привет, привет... Но из тоннеля выскочила электричка и произошло быстрое разрушение композиции: «синяки», как по команде, окказались на ногах, и, может быть, разве что... небольшой неадекват был ещё немного замечен по тому, как они чересчур поспешно, рывками, как будто это была срочная эвакуация (впрочем, кто знает, что им там снилось в этом бомбоубежище), стали заводить-заталкивать коляску в вагон, и Паша, хотя он и стоял рядом с дверцей, предпочёл немного пройти по перрону и сесть в другой вагон — как будто он уже не имел права видеть этих людей.

* Две нежити (нем.).

Шириных ещё не было, Комы и не предвиделось, а с другими гостями у Паши по-прежнему не было какого-то, скажем так... более чем «шапочного» уровня знакомства, хотя и это был теперь довольно высокий уровень для нашего социопата... Но в данный момент он вообще не был расположен к общению, он сам не знал, зачем сюда пришёл, и, немного покивав, поулыбавшись и «попожимав» руки, уже не помнил, кому он их пожал, как будто это была одна рука или даже кистевой эспандер... После чего он выскользнул из большой шумной комнаты в коридор, где увидел ещё одного такого же, как и он, неуверенного... как будто не только в том, что не пора уходить, но даже в том, что он вообще пришёл... и от этого, как бы застрявшего, гостя, который там топтался — в прихожей, в полутьме, в одиночестве, с бокалом, в котором у него там — на доньшке, казалось, был *сухой остаток*... не только сухого вина, но и вообще всего на свете, ну да, всех этих кислых щей, профессор и писатель...

Да, Паша узнал в большом квадратном чловеке писателя, с которым познакомился на другом таком «сборище»...

И Паша ещё перед тем, как познакомился, что-то читал, один его роман... ну, может, сколько-то там страниц он пропустил, то есть пролистал вполне без ущерба.

Ну потому, что проза г-на Нехоженного была, что называется, «аддитивной», как Паша и сам

называл с некоторых пор подобные тексты — вслед за выступавшим на других подобных посиделках литературоведом Караевым.

Определение показалось Паше пустым, почти что тавтологическим — в смысле предиката, и во время выступления Караева Паша немного ерничал: «А что это значит? А что, лучше, когда там всё умножается? Сущности без надобности? И что, факториальная лучше аддитивной?»

Имея в виду, конечно, не «факты», а «факториалы» ($n! = 1 \times 2 \times 3 \times \dots \times n$), но Караев его сразу не так понял.

Короче говоря, они немного поспорили, в результате чего Паша примирился с нехитрым определением, ну аддитивная так аддитивная, что прибавить, что убавить — нет ущерба...

Но вот, возвращаясь к Нехоженому: что-то из романа у Паши всё-таки отложилось в памяти...

И личное его знакомство с писателем произошло примерно так...

Во время перерыва в лекции, которая происходила на дому у другого писателя и которую читал третий... писатель, ну да, конечно, раз он написал книгу, пусть и факто-реальную... И основной его профессией была журналистика... И вообще, у него реально была такая фамилия, что фактически... Ширин, который там тоже, конечно, присутствовал, — он и зазвал, как обычно, туда Пашу, не преминул рассказать ему на ушко короткий анекдот: «Прибывает поезд в Одес-

су, скрипача Яшу Хейфеца встречает большая толпа, и когда он показывается в дверях вагона, кто-то из толпы кричит: “Слушай, я только одно не могу понять: если ты Хейфец, зачем тебе играть на скрипке?”»

Впрочем, прочитавший им домашнюю лекцию о своей собственной книге был не единственным представителем знаменитой фамилии, продолжавшим это династийное занятие...

Да и не очень-то он писал к тому же, больше говорил с людьми, в том числе и с писателями...

Ну да, мегаизвестный журналист со сверхизвестной фамилией, написавший достаточно известную книгу, скажем так... о влиянии спецслужб на литературный процесс и о влиянии этого процесса на всю мировую историю... Мы не спешим называть всё своими именами только потому, что это бы увело сейчас наше и без того расхристанное, как та газета... на порывистом ветру... повествование... ещё дальше от его — какой-никакой — центральной всё-таки... линии... в том смысле, что белой пунктирной на асфальте, ну да... так вот: Паша подошёл в перерыве к Нехоженому и сказал, что читал его книгу.

Елей лить не стал, но дал понять интонацией, что не жалеет, что прочёл, а уже после этого сказал: «Вот... а можно вас спросить? Вот у вас там есть такой эпизод с Дожем... Вот вы на самом деле были с ним знакомы?» — «Вообще-то

такие вопросы не правомочны, — сказал Нехоженный, — на то она и литература, а не... сами понимаете, — и он куда-то кивнул. — Но ладно уж, в домашней обстановке вам скажу... Да, мы встречались, было дело... Мы достаточно много времени провели в одном и том же доме, мы были соседями. Нет-нет, не в Питере, — как-то нараспев, растягивая слоги, проговорил Нехоженный и сделал глоток вина, — мы отдыхали несколько лет в одном, так сказать, доме отдыха... В общем, знаком был, да уж, имел такое счастье... А что?»

«Да так, ничего, просто интересно», — сказал Паша.

«Вы знаете, мы с Дожем были такими разными...»

Паша чуть было тоже не сказал «да уж...», но промолчал.

— Не хотите завтра со мной съездить прогуляться в горы, — неожиданно сказал Нехоженный. — Симбирские, у которых я остановился в Мюнхене, обещали мне и вдруг отказались, какие-то возникли срочные дела у них, а я уже было и «настроился» — я ведь фактически никогда не был в здешних Альпах.

— А теоретически? — машинально сказал Паша... не зная сразу, что и сказать.

Нехоженный не был — для Паши — тем типом писателя — по Сэлинджеру, — которому он «хотел бы позвонить по телефону».

Но, с другой стороны, у Паши не было и ощущения, что это тот тип «Непризнанного Геня», который... «Нехоженный, — подумал Паша, — это вроде бы не тот случай: во-первых, он пишет отнюдь не в стол, что приносит ему, надо полагать, какие-то копейки, но, во-вторых, он ведь ещё и преподаёт в старинном университете...»

Причём не только «креативное письмо», но и «русскую философию»...

Всё это Нехоженный тогда же ему и поведал — при первом знакомстве, а вот о Доже они больше не говорили, то есть рассказ о Доже продолжился уже в горах...

Ну так вот, когда во время второй их встречи в чужих сенях грузный и одетый в какой-то сюртук-не-по-погоде — профессор, одним словом, Нехоженный, да — он там топтался, как оказалось, потому что среди гостей был «один тип», который ужасно раздражал его в свою очередь, ещё в прошлый раз, раздражил... но и уйти он как-то сразу не мог... ну там друзья, у которых он остановился в Мюнхене, никуда пока что не собирались уходить...

«А тут так сразу даже и непонятно... — подумал Паша, — парня в горы с собой возьми, рюкни... ну, разве что... почему бы и не... хотя тут... этот парень скорее — я...»

Надо сказать, что Паша, совершенно уже независимо от личности попугчика или от типа

писателя, не хотел быть тем парнем... за которого и за себя то есть, он совершенно не жаждал идти ни в какие такие горы...

— Да и машины у меня нет, — сказал Паша, вспомнив, что Нехоженный ждёт ответа, — а на поезде можно, конечно, но как-то... не тот колленкор... и в те места, куда я бы посоветовал... туда без машины не заедешь.

— Странно, что у вас нет машины, — сказал Нехоженный, — мне вас представляли как такого русского яппи.

— Это кто? — поднял кулак Паша. — Покажите мне этого человека.

Нехоженный засмеялся:

— Да нет, ну не совсем так... это я перефразирую.

— Ну, значит, нердом?

— Нерды-нарды... Ну что вы в самом деле, молодой человек! Да вас просто молодым успешным русским европейцем назвали, а вы сразу кукситесь... Но неважно, неважно: машина есть у меня. Так что, поедете?

— Ну, — сказал Паша и ещё на какое-то время задумался... Хотя он уже понял, что сейчас согласится...

С погодой им подфартило: было солнечно, хотя и ветрено, не без того, и ветер был холодным, но уговор ведь был такой: просто выехать куда-то — туда, на природу, побродить вокруг горного озера, никуда там не взбираться, не забираться...

и, глядя на цивильный костюм и туфли Нехоже-ного, в которых он заехал за Пашей в субботу, Паша понял, что уговор остаётся в силе... Да он и плохо представлял себе этого писателя лазающим по горам... но всё же кто его знает, — думал он, пожимая пухлую руку, — а может, решил поху-деть... но не в таком же костюме, это уж точно.

Паша сел в тёмно-малиновую «БМВ», и они покатались — потихоньку-помаленьку, и даже выехав на автобан, не стали сильно разгоняться, а поехали по полосе, предназначенной для тех, кто никуда не спешит.

— ...А как вам книга? — спрашивал Нехоже-ный, имея в виду уже не свою, а ту, которую Па-ша получил после домашней лекции, где они и познакомились, — получил то есть в подарок, как и другие гости, от автора...

— Ну так, ничего, — сказал Паша, — прикольно.

— А вы верите в то, что пощёчина Бретона сыграла ту роль в мировой истории, какую при-писал ей Иван?

Нехоженный имел в виду оплеуху, которую от-весил Эренбургу Бретон, из-за которой вместо Эренбурга на антифашистский конгресс срочно снарядили Пастернака, где он, увидев непосред-ственно перед собой *весь мир* в компримирован-но-делегированном виде, бурные аплодисменты которого — мира, не читавшего его стихов и ус-троившего ему, тем не менее, невероятную ова-цию... Б.Л. расценил как некий аванс бытия,

и в этот самый миг ему пришло в голову, что он *должен* написать роман, адекватный этакому... «овационному авансу», ну да, и у него зародился замысел «Живаго», выход которого, по мнению автора, и последовавшая — не без поддержки ЦРУ — Нобелевская премия изменили ход всей мировой истории.

Автор книги говорил и на лекции, что он уверен: без этого не было бы ни оттепели, ни впоследствии — перестройки, СССР бы не распался, мир имел бы тогда какую-то другую, Альтернативную Историю...

— Нет, — сказал Паша, — что Пастернак так повлиял на весь ход... не верю, нет. Скорее уже тогда Набоков.

— Почему Набоков? — удивился Нехоженный. — И каким же, позвольте полюбопытствовать... произведением?

— А... вообще никаким не произведением... Речь ведь идёт об «эффекте бабочки», — махнул рукой Паша, — вот и представьте себе: где-то во время прогулки, вот в этих самых Альпах, энтолог махнул... не сачком, а рукой... да и прихлопнул от досады... неинтересную какую-нибудь... капустницу, которую принял было за новый вид *nabokovi*, тем самым... полностью изменив ход мировой истории.

Нехоженный вежливо рассмеялся.

— Да-да, — сказал Паша, — я серьёзно. Я гораздо скорее поверю в это, чем в то, что пощёчина

сыграла роль «бабочки»... Перешла, понимаете ли... в массовые аплодисменты, а те в свою очередь вызвали оттепель и лавину... Да мне кажется, что и автор прекрасно понимает, что это — просто «гон», у него это так, для эффектности... пощёчина... хлопок одной ладони... овации...

— У меня был когда-то знакомый писатель, — сказал Нехоженный, — лет десять назад познакомились, и я уже забыл даже, как его звали, немецко-индийский писатель, скажем так... Написавший роман «Путешествие в страну пощёчин» — о своей поездке в Россию, просто вспомнилось, по аналогии... путешествие «В страну хлопков в ладоши»... Может быть, вы и правы, — сказал он после этого уже другим тоном, — но всё-таки это было интересно, этакий «фантастический логотризм»... хотя он вообще-то меня удивил этой книгой, не ожидал от него, притом что давно знал, что он что-то такое пишет...

— Вы давно знакомы?

— Да, — кивнул Нехоженный.

— Кстати, о ЖЗЛ... Вы обещали рассказать о Доже.

— А что именно вас интересует?

— Мне почему-то интересно, что он собирался делать, как жить дальше, прежде чем произошло известное событие... Какие у него были планы? Я читал, что он собирался вернуться назад...

— Да нет! Я видел его последним, по крайней мере, из знакомых ему людей, из русских... По-

сле того эпизода, который вас так заинтересовал в моём романе, Ливня никто больше не встречал... Так что остальное — домыслы. А я знаю. Потому что я его оставил в такой очереди, откуда меньше всего вероятность попасть как раз обратно в Россию...

Поясним вкратце: в романе Антона Нехоженого — в одном из коротких промежуточных эпизодов — была описана странная жизнь Дожа в Нью-Йорке конца восьмидесятых — поначалу игра в барах, потом — вперемешку — на улице, в метро, а потом и работа на стройке, пока в один прекрасный день... «Он сказал мне, что сам Господь запретил ему зарабатывать деньги грубым физическим трудом, — сказал на своём языке, и он понял, это был уже не первый их диалог... После того как он проработал два дня подряд по двадцать четыре часа на стройке, а все деньги, весь “кэш”, который он там получил, у него украли... Дож валился с ног, кофе в метро вылил на себя, не сразу почувствовав... что кофе с молоком из бумажного пакетика он “принял на грудь”... и даже когда увидел, оцепенело смотрел на свою руку — как из неё льётся жидкость, смутно вспоминая, что если вы не можете поручиться, что это рука ваша, даже сам Витгенштейн тогда не сможет поручиться за всё остальное... а потом, видимо, совсем отключился, и кто-то вытянул у него кошелек из-за пазухи... И после этого Дож понял: больше никаких строек века... “Бог запретил мне зараба-

тывать грубой физической работой”... Я спросил его: а что же ты будешь делать, если музыка не прокормит... Дождь ответил: “Что я буду делать? В Голливуд пойду!” Я было рассмеялся, мы шли по Западному Бродвею, был странный такой свет в тот день и тени... Дождь взял меня за локоть и сказал: “Смотри. Это на кастинг — мне туда. Прощай, старик, увидишь меня на экране”. И с этими словами действительно встал — спросив у какой-то негритянки, кто последний, — встал за ней следом в длиннющую очередь, сравнимую разве что с советскими — в мавзолей или в магазин, где “выбрасывали сапоги”. Это было так, как будто он мгновенно — просто к слову — нарисовал в воздухе всю эту картину, махнув чёрным рукавом, эту бесконечную очередь, и всё вокруг стало чёрно-белым и похожим на какой-то фильм о временах Великой депрессии...»

— В мавзолей или «за сапогами», — сказал Паша, — хорошо звучит, да, я помню, конечно, это место, — просто я думал, что в жизни, может быть, вы его видели ещё раз впоследствии.

— Нет, через день это случилось, а где он был до этого, неизвестно, его никто не встречал, не думаю, конечно, что он уже был на съёмках... Хотя... как такая сонная игра ума, знаете... порой невольно ловил себя на мысли, когда начинался сеанс и занавес открывался, особенно в кинотеатре с красным бархатным... занавесом... что Дождь сейчас окажется там... или во вре-

мя показа казалось, что он мелькнул... двадцать пятым кадром... или дождиком царапин на старой плёнке... — задумчиво проговорил Нехоженный. — Ну да, Дождь, а в Венеции он так и не побывал, да и вообще, в Италии, мечтал... нет-нет, он не собирался возвращаться в Россию, это уже через десять лет, или пятнадцать, или даже больше... ну, когда эта его песня стала вдруг чем-то вроде гимна... по крайней мере для многих, вот им приятнее стало думать, что Дождь собирался вернуться, это соответствовало его новому имиджу... Совершенно ложному, конечно. Он был западный человек, больше, чем мы с вами, смею вас заверить, я-то уж его давно знал... А вообще... я вам говорил: мы были такие разные... я ведь на дух не выношу эту музыку, то есть не только его песни, но — в принципе.

— Только классика?

— Ну конечно. И то, что Дождь, понимая это, — а он это прекрасно знал, прекрасно... и, несмотря на это, его тянуло...

— ...к чему-то по-настоящему прекрасному-доброму, — сказал Паша.

Нехоженный кивнул:

— Вот-вот... Дождя тянуло ко мне потому, что он понимал, что я не обычный человек.

Паше интересно было, чем Нехоженный нарушит молчание, затянувшееся после этого откровения, но вскоре он понял, что молчание для Нехоженного ничуть не неловкое, что он сказал

и забыл, как нечто само собой разумеющееся или, по крайней мере, совершенно очевидное для всех, кто имел счастье с ним пообщаться...

В окне мелькали домики очередного посёлка. Чем ближе к горам, тем больше на белых стенах проступало росписей-панно со сценами охоты, или из жизни местных святых, или ещё что-то... и всё больше дров — чем дальше... тем выше становились штабеля во двориках и гуще лес за ними, прозрачнее воздух... и горы вдаль уже выросли, подросли за это время, машина теперь ехала на ста восьмидесяти примерно километрах в час, и Паша решил, что Нехоженный молчит просто потому, что развил большую для себя скорость — сосредоточен на дороге... «Ну что, у каждого свои недостатки... — подумал Паша, — как говорили... “в джазе только девушки”... или “некоторые любят это горячим”... вот-вот, и каждый уверен... что именно он источник огня... но это не тема для новой войны...»

Последнее — парафраз — промелькнул у него в голове чуть позже ещё раз — после того как в сельском трактире, куда они завернули (Нехоженный сказал, что уже проголодался. Дома у Симбирских бедняга не позавтракал — те ещё спали), Паша выпил кофе и съел штрудель с тёплой ванильной подливой, Нехоженный подкреплялся белыми сосисками со сладкой горчицей... и они снова разговорились о книге, которая как бы их и познакомила...

Ну да, «о Пастернаке, о Шиллере, о славе...»

Паша то есть, услышав старую тему — какое-то новое соображение пришло Нехоженому в голову по поводу всей этой истории с Живаго... и Паша хотел сказать, что ему надоела эта тема (вдруг подумав, что понятно же, почему Нехоженого это так волнует... нет, не чёрт-дьявол, как гэбэ-цэрэу... а вот именно: *нобелевка!*), но решил — из вежливости, всё-таки как-то, чтобы поддержать разговор...

— А вы знаете, — сказал Паша, — что в статье об «Отмытом романе» в «Зюддойче цайтунг»...

— Но это же левая газета! — воскликнул Нехоженый таким тоном, что как бы и не о чем тут уже больше говорить... Но он всё же добавил: — Как можно её читать! — после чего положил нож и вилку.

Паша чуть было не сказал «ну так а я какой?», но... вместо этого он подумал — молча, — от пересказа статьи в «левой» газете «Зюддойче цайтунг» о книге... он легко отказался — он ведь думал это сделать из вежливости, только для поддержания беседы, да... А раз уж она левая... «То о чём уже тут говорить», — подумал он, и в голове его машинально прокрутились старые... зубчатые колёсики... «больше всего после коммунистов не люблю анти...» — и всё это в свою очередь показалось вдруг Паше таким ржавым... что Паша улыбнулся, пожал плечами и вообще ничего не сказал.

Но о левых и правых вспомнить всё-таки пришлось.

Чуть позже, когда он подумал, что не сказанное за завтраком как-то сказалось впоследствии — в том смысле, в каком не сказанное вообще иногда на чём-то *сказывается*... — и это была ещё не самая иррациональная мысль в ряду тех, что мелькали в его голове, когда он вынужден был сесть налево, то есть за руль, наш герой, да, у которого вообще-то не было прав.

Я не уверен, что нам с вами удастся распутать клубок мыслей, который катался у Паши в голове во время нелепого роуд-муви, в котором он неожиданно для себя оказался, но... по крайней мере, чтобы попытаться, нужно для начала сказать, что, собственно, произошло — отчего Нехоженный и Шестопалов вдруг поменялись местами, как будто левому полагается сидеть только слева, даже если он вслух не назвался груздём — полезай, да... а правому, соответственно, — справа, как в какой-то абсурдистской механистической пьесе...

На самом деле было так: когда они ехали вверх по серпантину, Нехоженный ни слова не сказал о том, что он боится высоты, и не просто боится, а — болезненно.

Ведь можно было остаться на первом, нижнем озере, это было бы проще всего, но нет же, ни слова не говоря о своём синдроме, Нехоженный быстро поднялся по серпантину ко вто-

рому — он сказал, что ему непременно туда хочется, на верхнее... Что-то он читал о нём, огромная глубина — двести метров, от чего, говорят, какой-то необыкновенный цвет воды... Миф о гигантском соме, что живёт там на дне... ну да, ну да, у каждого озера своя Несси...

Оба озера были соединены между собой, и там была плотина с одной из первых гидроэлектростанций на планете, во всяком случае, так Паша говорил Нехоженому, пока тот лихо поворачивал руль направо и кивал своей большой головой...

— ...Смотрите-ка, Мюнхен ваш... и освещение электрическое впервые было там — уличное, фонари... в общем, не просто «Мюнхен светился», а — «первым»...

— Ну да, — сказал Паша. — Просто родина электричества... И белые сосиски, кстати, здесь изобрели, в забегаловке на Мариенплац, примерно тогда же, когда и улицы впервые осветили... Может быть, поэтому забегаловка называется «К вечному свету!». И этим город гордится больше всего — изобретением белых со...

— Вы любите Платонова...

— Ну да...

И так далее — так они взобрались-взвинтились к верхнему озеру, плотнее окружённому горами, часть из которых была с покрытыми снегом вершинами, да и склоны уже белели... и обходить всё это «О-зеро» — как его («по-би-

товски» — сам же и уточнил) назвал Нехоженный — они не стали, но немного прошлись вдоль воды...

Паша только здесь заметил, что Нехоженный прихрамывает, но не сильно, ходьбе это не мешало — это было явно что-то давнее... И останавливались они вовсе не из-за его хромоты, а — от красоты, ну да, ну да: Нехоженный стоял неподвижно, смотрел на тяжёлую кобальтовую воду, на ветви деревьев, которые в неё опускались, на отражение горы, на дальний берег, покрытый синей «тайгой», как он выразился, прежде чем замолчал... людей же вокруг вообще не было, и Паша отнюдь не жалел, что поехал, что-то такое было в этой реликтовой панораме, в этой тишине... И так они там стояли с Нехоженным... то есть больше даже стояли, чем ходили, или что-то ходило вокруг них, сосны скрипели, проявлялись следы на воде, краски перетекали с озера в небо — как будто там выше, в облаках, было третье озеро, ещё одна плотина... и то ли течения, то ли другие какие следы — на воде...

Дух, казалось, вот только теперь и веет там, где всегда хотел...

А Нехоженный только изредка издавал что-то бессловесное, больше похожее на вздох, типа «да-а-а», но в основном они, к радости Паши, час примерно молча общались с тем, что оба — может быть, немножко в разной степени — мнили природой...

Ну да, и только когда пошли к машине, Нехоженный нарушил эту тишину, Нехоженный заговорил... и Паше в первый момент показалось, что он неправильно его понял — ветер как-то перекрутил слова профессора...

— Нет, вы всё правильно поняли, — сказал Нехоженный, — вам придётся сесть за руль.

Паша не стал спрашивать, сошел он с ума или не сошел... Он просто признался, что у него нет прав.

— И тем не менее, — сказал Нехоженный, и вот тут уже Паша не выдержал:

— Вы что, с ума сошли?

— Называйте это как хотите... У меня синдром вертиго, понимаете... Боязнь высоты, я ничего не могу с этим поделать.

— Но сюда же вы преспокойно ехали! — ещё больше удивился Паша.

— Это возникает от нарушения симметричности сенсорных сигналов, поступающих в мозг от вестибулярного аппарата с обеих сторон головы... Когда мы ехали сюда, я был не так близко от края.

— Какого ещё края? А, ну да...

— Вот именно, края пропасти. А назад я буду слишком близко... к ней, и я не смогу — просто не смогу при этом вести машину. Поймите!

Паша понял, что Нехоженный, как ни странно, не шутит...

— Ну неужели вы никогда не водили машину? — сказал Нехоженный. — Только спуститься,

потихоньку, очень медленно, еле-еле, я вам покажу... нога всё время на педали, не убирайте её ни на секунду... а там внизу сразу же переседем.

И вот так они спускались — Паша ближе к краю, вцепившись в руль мёртвой хваткой, покрывшись противным холодным потом... «вро-чем, пот мог быть и от прогулки, слишком тёплый свитер, sweetheart... — думал он, — всё-таки солнце в горах, ничего страшного, мы с тобой сделаем это...» — думал он, поворачивая руль всё время налево, и где-то за одним из поворотов ему невольно вспомнилось... как Семёнов учил его водить — один раз в жизни, они ехали откуда-то на семёновском джипе, с какой-то загородной вечеринки, кажется, производителей спиртного... и дистрибьюторов, да... и где-то ещё даже не на кольцевой... «Сейчас я покажу тебе, что такое русский обгон», — сказал Семёнов и съехал через обочину в чистое поле, смеясь, как он тогда уже смеялся, немного жутковато то есть... А в доску пьяным ездить он начал ещё раньше... Хотя ничего страшного в тот раз как раз не было: длинный поезд, составленный из застрявших машин, остался выше — на трассе, они съехали вниз, превратились в этакий отцепившийся зелёный вагон-фургон. «Давай я тебя тогда уже поучу немного водить», — сказал Семёнов... Поле было плоское — поле, ну да, и голое, всё собрано или выгорело, и некуда было там врезаться, колоски только звенели, пустота, марево... они

поменялись местами — с Семёновым, да... и Паша немного повертел руль, так что даже голова закружилась, как на детском автодроме... Вот и всё, что было у него из «школы вождения», «русский обгон», — покатавшись по полю, они пересели, и семёновский джип вынырнул перед первой машиной пробки, и они помчались по шоссе дальше...

И всё это, этот «урок», лучше было бы сейчас не вспоминать, но память ведь работает на автопилоте, особенно когда ты вот так вцепился руками в руль...

Нехоженный отвернулся и, кажется, закрыл глаза, чтобы не видеть не только край, но и руки Паши... а может, и то, что будет за краем...

Краем глаза... Паша это заметил, писатель как будто бы спал, и Паша подумал, что... может быть, он специально всё это подстроил... Какого хрена?.. А-а-а... жить надоело, ну да, в пропáсть — пропáсть... такой придумал себе конец, вместе с единственным своим читателем... Но нет, — хотя Паша и покрылся новой порцией пота, и теперь уже точно не от свитера... он подумал, что наверняка не было у Нехоженного никаких таких замыслов...

«Да просто баран, — думал Паша, — просто есть левосторонние бараны — их вывел какой-то физик-теоретик, и у них правые две ноги короче, чем две левые... потому что взбираются на холм всегда по часовой стрелке... и есть право-

сторонние — которые делают это наоборот... и спускаются — соответственно... вот и вся разница... между правыми и левыми...»

Краем правого глаза он вдруг увидел... что среди жёлтых и зелёных, и уже немного прозрачных, деревьев выросла огромная чёрная скала-голова Пастернака... и произнесла слова, которые он бы так, наверно, и не вспомнил...

«Скоты интеллектуализма...» — услышал Паша и, на мгновение скосив взгляд налево, едва не повторил это вслух — на ухо Нехоженому...

Взгляд его был прикован к дороге, и он не мог знать, ушла ли Голова обратно в плечи леса, горы... и открывает ли всё-таки глаза периодически — Нехоженный... и у Паши было такое же примерно ощущение, как будто он поднялся в воздух, например, во сне и теперь сосредоточенно, кругами, как бумажный самолётик или человек с крылом-парашютом... цвета попугая... спускался по склонам ветра... к тому же машину он иногда водил во сне — это он тоже вспомнил сейчас, и тоже некстати, — вот только не хватало сейчас проснуться... «Или повторить урок “русский обгон”, которому меня учил Семёнов... Да, но откуда он мог это знать, Нехоженный, что я владею манёвром... и в чистом поле васильки...»

Про «скотов интеллектуализма» он вспомнил ещё раз, когда дорога уже стала горизонтальной... «...и левосторонние бараны... и правосто-

ронние... вместе справились с задачей, — думал он, — всем спасибо, сцепление, тормоза, коробка передач, ура...»

Ему теперь хотелось нажать как следует на газ, а не на тормоз, и если бы не зашевелившийся рядом с ним профессор словесности, наверно, Паша бы так и сделал... Или если бы этот спуск так не выпотрошил его «морально»... А так он только сказал Нехоженому «с добрым утром» и послушно остановил машину, после чего они поменялись местами, и Нехоженный сказал, что он приглашает Пашу пообедать за его счёт, на что Паша сказал, что нет уж, это он приглашает, раз это он среди них «яппи»... и так они немного потолкались в невидимой двери, как те гоголевские персонажи... пока не перешли к более важному вопросу: выбору трактира.

Паша вспомнил, что где-то здесь, недалеко, должен быть съезд к месту, где по-настоящему хорошо готовят суровые баварские блюда.

Он был там с компанией сотрудников, выезжавших в горы на двух машинах, причём одна была почти антикварная «феррари», красивая, как все «олди», и какие-то там были смешные подробности... Паша вспомнил, что хозяин её на заправке собственноручно добавлял — доливал в бензин — свинец... и что машина была похожа на перьевую авторучку, которую положили на край стола так, чтобы она выступала за край... а потом резко ударили по ней ладонью,

и она полетела — так примерно она стартовала каждый раз... и так они это делали в школе, только не с перьевыми, конечно, с авторучками... Но вспомнить, где конкретно туда надо съезжать с автобана, Паша не смог, и они с Нехоженным заехали, можно сказать, в первый попавшийся ресторан с нарисованными стенами, с оленьими рогами на фронтоне и дежурным набором блюд в меню...

Оказавшимися, впрочем, такими вкусными, что Паша даже усомнился: может, это и был тот самый трактир, куда он заезжал с коллегами, и потом ещё у него было пару раз это чувство — что это уже было...

«Это влияние... этих двух озёр, между которыми мы вошли в вираж Мёбиуса... или залезли в бутылку Клейна — эти озера-дежавю, стоящие отвесно, из которых вода никогда не выливается... и они встречают тебя двойниками... что вверху, то и внизу... каждый раз, ещё раньше, до этого дня, когда я поднимался к верхнему, в первый миг казалось, что это нижнее... и наоборот... а теперь ещё за рулём, сцепление... да-да, это влияние вождения без прав... езды кругами-кольцами... чужого ада... — думал он, — как будто оно, это состояние, на самом деле растянулось до бесконечности... и мы так и будем по нему водить... залитой свинцовыми чернилами ручкой...»

Однако он зря беспокоился: эту свою тяжёлую вечность Нехоженный, попрощавшись, за-

брал с собой. Паша это сразу же почувствовал, как только «БМВ» профессора отъехала, высадив его возле западного входа в спящий молл. Было уже темно, в его доме над моллом почти не было светлых окон — два-три... И Паша *это* сразу почувствовал, «да-да, вот именно.... будто гора с плеч», — сказал он вслух, потянул затёкшие за время езды конечности и, глубоко вдохнув — всей грудью, пошёл к своему подъезду. Ночью вход в нору был только сквозь подъезд — молл ведь был закрыт и через него невозможно было пройти...

У входа в подъезд Паша передумал: он отвязал велосипед и поехал на заправку за пивом, а там ему почему-то вдруг захотелось выпить не пива, а чего-то другого... рому, ну да, он взял чекучку «заморского» — “Übersee rum”, думал было купить к ней в придачу колу... но вдруг понял, что нет, будет пить сейчас ром с чаем — что он делал только в случае простуды, а сейчас был вроде бы здоров, но тем не менее его слегка... слегка-слегка... да-да... совсем немножко так... морозило.

Воздушный поцелуй

До посадки было ещё много времени, и, сдав чемодан, он решил выпить кофе где-нибудь неподалёку от терминала.

Глядя на псевдотехнические декоративные конструкции, заполнявшие большую часть пространства, подумал: «Как будто я уже в самолёте — только что разобранном... не развалившемся, а разобранном... или, точнее, ещё не собранном — самолёте... детский деконструктор, вывалившийся из коробки... вот эти алюминиевые отрезки в круглых дырочках, их соединения в пучки, чёрные гаечки...»

«Смешно, — думал он, допивая кофе. — В прошлый раз я перелетел из “Франца Йозефа Штрауса” прямо в “Шарля де Голля”... теперь — в “Графа Шереметева”».

Но на этот раз он был согласен с Шириным: ещё час назад, в молле, катя по сверкающему по-

лу свой чемодан-капсулу к выходу, Паша уже чувствовал себя в аэропорту.

«Срослось, — думал он, — и Ширин был отчасти прав, когда нёс эту пургу, и писатели, писавшие про город под колпаком...»

И на другом конце — приехав в аэропорт на эске, — он почувствовал себя как дома: тот же проспект внутреннего города с магазинами и кафе — тот же молл, который был частью его квартиры и открывался тем же ключом, и, соответственно, аэропорт, ну да.

Теперь слева от него были облака, а справа... так сразу и не скажешь — какая-то безвозрастная девчонка, то есть, наверно, его возраста — «...из безоблачного детства моего», — вспомнилось Паше...

И в самолёте ему сразу захотелось спать; это была первая поездка в Россию с тех пор, как он оттуда уехал, и последние дни было у него тревожение, мешавшее уснуть, к тому же на работе был аврал, сдача проекта — мозг разогревался так, что ночью продолжал тихонько гудеть в темноте...

Но соседка его спать вовсе не хотела, и Паше пока что ничего не оставалось делать, как слушать...

— ...И вот теперь, за полгода до получения гражданства, эта сволочь выставила меня за дверь, — говорила Люся, — я, видишь ли, для него оказалась слишком «проста». Два года, б..,

пел мне серенады... да, у меня только клиторный оргазм, но ведь сукин сын говорил, что ему это даже больше нравится, и я ведь это взаимно, мастерица, да-да... А теперь оказалось, что нет, ему, видите ли, нравится, когда женщина кончает от его штыря, а так ему неинтересно... и вообще, я, по его словам, моральный урод.

— Послушай, — сказал Паша, — ты уверена, что именно мне нужно всё это рассказывать?

— А кому же ещё? — сказала Люся, взмахнув ресницами. — Как не случайному попутчику? Мой «терра-пойт»* остался там, — она махнула рукой назад и вниз в сторону терры... — как и всё вообще... и мне теперь надо привыкать к новой жизни... А это кресло — чем не «коуч»? А ты был когда-нибудь у террапойта?

— Нет, — сказал Паша и молча несколько раз ткнул воздух пальцем — показывая на передние кресла...

— А, по хую... Ну, так вот, когда ты у него окажешься и заплатишь столько, сколько Йохан платил за меня — в час... Главные абцокеры** — это же адвокаты и психотерапевты, ты уже понял?.. Вот ты поймёшь тогда, что тебе не хочется ему рассказывать о мелочах жизни, делая вид, что самое главное для тебя сейчас — это что чулок у тебя порвался, например... ты понимаешь, о чём я?

* Therapeut (нем.) — психоаналитик.

** От нем. Abzocker — те, кто высасывает деньги.

— Честно говоря, не совсем, — сказал Паша.

— Я так ответила на первом сеансе... а потом — меня прорвало, меня, б., а не чулок. Ну и вот... имитировать я не умею, ты понимаешь, он хитрый фашист... злобучий... И вообще, ему неинтересно, понимаешь, со мной?! Не только это! Нет слияния и духовного — невозможно! Я слишком простая! Я слишком uncool, б.! Я не знаю даже названия лучших современных духов!

— Каких дүхов?

— Духóв! Парфюм! Лучших я не знаю, я уже забыла снова... а ты знаешь?

— «Zeitgeist»?

— Нет. Что-то с «трансом»...

— «Трансмутация»?

— Трансмудак! Вот кто он.

— Ну и хрен с ним тогда, — сказал Паша, — тоже мне, «Парфюмер».

— Да, и ты не знаешь эти духи, никому не дарил? Это приятно, я думала, я одна такая бескультурная... Да, но тебе не надо жить с этим гадом и вообще выходить замуж, ха-ха... Это у меня смех сквозь слёзы... Он сказал, что это была последняя капля — да, представь себе, последняя была каплей... каких-то сраных духов, ха-ха-ха...

И её матерок Паше что-то вдруг напомнил, старых подруг... то есть не то чтобы он сильно соскучился за эти годы по такому вот... Да нет, за границей всё оказалось не так страшно — как

рисовалось тому советскому лётчику из рассказа Пьецуха... который угонял самолёт и вдруг, подлетая к границе... подумал, что он летит туда, где его никто не сможет послать нах... после чего направил свой самолёт в землю.

«Нет-нет, это вообще не в тему воспоминание, — подумал Паша, — не помню, где я тогда взял тот сборник, у Шириных или в Баварской библиотеке... или в Толстовской... но в самолёты такие книги вообще не берут... Запрещено, нельзя...» — и он слушал дальше как бы живую аудиокнигу, тихонько кивая...

— ...И — «о чём со мной можно после этого говорить...» Как, знаешь... как будто перемкнуло... Как будто слизал своим бычьим языком с меня вместе с коксом какие-то слои, как на лотерейном билетике, помнишь, такие продавались...

— Ну, там ногтем или ножом, соскабливали... — сказал Паша, прикрывая рукой зевок.

— По крайней мере ногти скотина научилась, живя со мной, подрезать... А до ножей дело не дошло, хотя мне и хотелось иногда его прирезать, на хуй, или отрезать... Слава богу, он не всегда был дома, и у нас был-был такой «шпас» с некоторыми друзьями и подружками, с «путцфрау», например... Да, я люблю женщин, ты уже понял, наверно... Но и не только...

— Ну да, лучше “bi”, чем “nie”, — кивнул Паша.

— Ну, это не про меня, ха-ха-ха... У меня это не от недостатка, а от избытка!.. чувств... я так устроена, понял...

— Он был богат?

— И есть! Но мне по условиям контракта — вот что! — она показала Паше дулю. — Да, богатенький буратино... голубых кровей, ха-ха... но и только — кровей, а так не... А жаль, у меня вот подружка вышла за голубого, она ему нужна только для прикрытия, такой постоянный эскорт, ха-ха-ха...

— Странно, — сказал Паша, — кто-то ещё прикрывается... Я думал, что здесь-то это всё уже в прошлом, какие уж там прикрытия, ты была на Мюллерштрассе...

— Ну нет, не все же там на вечернем параде... гордости маршируют, нет-нет... Там такая среда, откуда он родом, болотистая... родственники там, мамаша-папаша, да и вообще, у него типа должность, пиар опять же другой нужен, не голубой и не розовый. Маринке повезло — вообще ни хуя делать не надо, живи себе как морская свинка и песенки пой... Не слышал, как морские свинки поют? Вот так, — и она смешным голоском запела: «Ка-кой чудесный день, ха-ха-а-а...»

— Ну что, ты не хочешь меня поцеловать? — помолчав с минуту, спросила она Пашу. — Чтобы потом не было мучительно обидно.

Паша хотел было тупо переспросить: «Кому?» — но вместо этого... невидимая рука повер-

нула его голову — а до этого он сидел, глядя не на соседку, а на спинку переднего сиденья, уже даже не кивая, а поклёвывая воздух носом... но теперь, как бы проснувшись, приобнял соседку левой рукой за плечи — она слегка наклонилась вперёд — и... начался самый длительный Zungenkuss* если не в Книге рекордов Гиннеса, то, по крайней мере, в Пашиной жизни.

Да, это был только поцелуй — в чистом виде, ничего кроме поцелуя... На все попытки положить её руку на его пах или наоборот — его правую на её Люсины ручки реагировали твёрдым отпором без слов, только один раз уста разомкнулись, и она сказала: «Давай без рукопашной, ладно? Мы же в самолёте, эйч...»

Еду они полностью отвергли, один раз — жёсткими, другой раз, оторвавшись от него, она сказала стюардессе:

— Спасибо, мы ничего не хотим.

Он уже почти не удивлялся, что она говорит за него... Ему казалось, что это только начало... Несколько, правда, затянутое во времени... и в пространстве... Под конец ему казалось, что они уже почти как сиамские близнецы... Мелькнула где-то на периферии и его старая знакомая — такса от Парижа до Лондона, только теперь она была — поцелуем от Мюнхена до Москвы...

* Французский поцелуй (нем.).

Да мало ли ещё что у него там мелькало на веках — в воздухе... с учётом того, что он узнал на земле, это было и не так удивительно.

Когда они стояли в длинной очереди на паспортный контроль и Паша смотрел на кабинку с профилем пограничницы... Люся вдруг наклонилась к нему и прошептала на ушко: «Паш, прости, что я тебе сразу не сказала... Но у меня во рту была марка, я просто решила с тобой поделиться, чтобы не много было для меня... всё-таки перелёт, возвращение... а так — тебе половина и мне половина... Ничего?»

— Ничего, — почему-то громко сказал Паша, — будем считать, что это было вместо леденца. Знаешь, раньше выдавала стюардесса пассажирам «Аэрофлота», ты, наверно, этого не застала, да?

— Я старше тебя, Паша... их и сейчас дают — в «Аэрофлоте»... Но мы с тобой были на «Люфтганзе»... А теперь одновременно и на люфтваффе, ха-ха... Ты знаешь этот фашистский анекдот? Нет? Ну и не важно, бывший муж-сволочь мне рассказал — на дорожку, да хер с ним... Ты понимаешь, меня просто встречает один... леденец, да... из прошлой жизни... Так что давай мы тут с тобой и попрощаемся, дальше я пойду отдельно... Это, может быть, мой будущий... муженёк, знаешь... ему совсем не нужно видеть меня в первый же момент с молодым человеком, ну ты понимаешь... Не сердись, Паш, удачи тебе! — и с эти-

ми словами она поцеловала его в щёчку, быстро стёрла с него помаду — которую она успела в очереди нанести на губы... и — пошла к окошку со своим паспортом в чёрно-золотой обложке...

Паша подумал, что она оказалась значительно выше, чем он предполагал, когда она сидела в кресле...

«Потому что ноги длинные, — уже просто машинально отметил он, глядя, как она исчезает за мутновато-прозрачной кабинкой, — плюс каблуки...»

Потом его окружили водители машин, он бормотал «нет-нет» и шёл дальше — к выходу из аэровокзала...

Один парень довольно-таки интеллигентного вида... и как-то мало похожий на профессиональных убийц из фильмов о русской мафии — тех, что обязательно отрезают пальцы и голову... прежде чем выбросить труп... какое-то время шёл с Пашей рядом и произносил противоположный по смыслу... «киноассоциациям», которые первые пришли в голову Паше при взгляде на коллег этого парня... текст: «Нельзя на себе экономить... Нельзя на себе ездить... себя надо жалеть, любить надо себя... а так и загнать себя можно... ты же не лошадь, чтобы на себе ездить...» — но когда они вышли из здания и Паша, быстро катя за собой чемодан, направился пешком по касательной к зданию аэропорта, этот тоже постепенно отстал.

«Так будет лучше, — подумал Паша, оглядываясь по сторонам, — и безопаснее, и полтинник на дороге не валяется, и багажа у меня с гулькин нос... А про марку она, наверно, всё-таки шутила... Или это была такая “наша марка”... вызывающая трип “Москва”... “ха-ха”, — как она смеётся... Ну да... как там было в песенке на последнем квартирнике: “Просто жизнь это действие яда...” Или там было “эта”?.. Так всё-таки — “эта” или “это”? Это важно... “Не лошадь, чтобы на себе ездить”... Что это за лошадь такая, интересно, автокентавр... Кстати, лошадей полицейских в Амстердаме когда-то накормили кислотой, кажется, в буйные шестидесятые... Хотя кислота, по идее, на лошадей не действует... ага, так вот, значит, в чём дело...»

Катя чемодан в сторону автобусной остановки, Паша вспомнил ещё что-то бессмысленно-неуместное... Ну да, лицо одного прохожего с пышной седой шевелюрой и блаженной улыбкой, возможно, напомнило ему, как он недавно встретил на Иннер-Винер-штрассе самодеятельного философа Берга, принадлежавшего всё к той же — ширинской — компании... который нёс какую-то нафталиновую фигню, но при этом уговорил его немного пройтись с ним по городу — «попарипатетикствовать», как он выразился, а когда Паша, послушав его немного на ходу, сказал, что ему пора, и указал на ближайшую станцию метро, мыслитель, пожимая ему руку,

сказал, пытаясь заглянуть в глаза: «Ну, как вам эта прогулка вдоль края бездны, молодой человек?» И — нет, Берг, он не шутил, какая уж там ирония... разве что судьбы: за день до этого Паша второй раз в жизни попробовал кислоту, после чего взял отгул, сутки не покидал квартиру — для того чтобы осваивать новые топологические пространства, открывшиеся перед ним... выходить из квартиры не требовалось, разве что один раз он за чем-то спускался в молл, который и так был частью квартиры... Но в основном просто лежал у себя наверху, опустив жалюзи, укрывшись двумя одеялами, — его как-то непросто знобило, а потом он отыскал на «антресолях» пуховый — «полярный» — спальник, залез в него, застегнулся... Под утро почему-то всё время слышался звук вертолётных двигателей, один за другим, один за другим, казалось, они пролетают над его домом, очень низко, как в «Апокалипсисе нау», полёт валькирий... но смотреть калейдоскопическое световое шоу это почти не мешало... а когда яркость внутреннего экрана стала уменьшаться, Паша — для сравнения, что ли, — включил панель телевизора и увидел лопасти, вертолёт... как будто на крыше стояла камера и передавала ему непосредственно изображение... а звук сам проходил... и вертолёт приземлился — нет, не на его крыше, а на какой-то площадке, но по очертаниям зданий на заднем плане Паша понял, что это в Мюнхене, Мес-

сештадт-Ост... Из вертолѣта вышел Бенедикт XVI, которого Паша — разве что в первый момент... — принял за Императора из «Звѣздных войн»... просто, наверно, лопасти всё ещё вращались... как скрещѣнные лазерные мечи... как полосы от жалюзи на стене... «Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолѣте и бесплатно покажет кино...» — услышал внутри себя Паша... а Папа — снаружи — на трапе вертолѣта — сказал, хитро усмехнувшись: “Nun ja... wie man hier sagt: «Grüss Gott!»*” — после чего Паша выключил панель и, почувствовав, что озноб наконец прошѣл, а сон так и не пришѣл... то есть хоть он и не спал ни минуты вторые сутки подряд, пошѣл наконец, на работу.

И когда «православный философ» — как он сам себя называл — Берг, да, сказал ему в довершение всего... эту фразу про бездну — после прогулки по уютно-кукольным улочкам Хайдхаузена и повторения пошлых софизмов, которые были в ходу в позапрошлом веке... Паша подумал, что хорошо бы его тут же и порешить... чтоб не пиздел... и не толкался.

Берг имел, кроме всего прочего (банальности, дурацкий самодовольный смешок и т. п.), склонность неуклонно изменять траекторию своей прогулки — в сторону благодарного попутчика-собеседника, или неблагодарного, всё рав-

* Ну что, как тут говорят: «Привет богу!» (нем.).

но, — Берг как бы толкал вас к краю тротуара, иногда и наступал на ногу... но всё это были бы мелочи, если бы не то, *что* он при этом нёс про «духовность» (когда для Паши весь мир ещё только что перестал быть существом... и самое ценное в мире было как раз то, что там было ещё что-то как бы всё-таки неживое и тёмное, неорганика...) и «просветление» (что было особенно мило после того, как Паша два дня ждал, пока яркость внутри стала хотя бы не больше, чем снаружи) и прочая и прочая...

Невольно вспомнился Паше в тот момент... гинеколог из рассказанного Шириным анекдота... ну тот, что убил проститутку, да... «Дай десятку — покажу»... И потом у Паши ещё раз возникло желание прибить *философа* — в квартире у Симбирских, когда Берг как будто попытался своими скромными силами и в домашних условиях... возобновить притихший вроде бы в последние годы «спор историков»... С чего вдруг? А, кажется, речь за столом вначале зашла о том же Папе — Бенедикте, — а потом о Войтыле, кто-то их стал сравнивать, кто-то сказал — типа «сострил», — что единственная разница между ними — то, что один в детстве был в гитлерюгенде, а другой в комсомоле... На что Берг — всё с той же подмигивающей улыбочкой — сказал, что это-то как раз доказывает, что разницы никакой и нет! Паша сказал Бергу, что разница есть, — хотя бы в том, что если бы побе-

дил Гитлер, его бы, Берга, например, просто не было...

На что Берг, ещё больше расплываясь в улыбке, ответил: «А кто вам сказал, что не лучше вообще никогда не рождаться?» — после чего Паше сильно захотелось двинуть Берга в один из его подбородков...

Хотя сейчас вот, вспомнив всё это... почему-то стоя возле «Шереметьево-2», он подумал, что ничего такого *исключительно* мерзкого — как ему тогда показалось — в этих словах не было, скорее просто эта улыбка... Берга, ну да, напомнившая ему и про «край бездны», — но это не вызывало беспокойства, как тогда... когда он только ещё выкарабкался из этой самой бездны, цепляясь за всё подряд, камни и корни... два дня ждал, пока ослабнет яркость... и после этого встретил Берга, который там никогда не был, так что его можно было простить за его дурацкие слова, «просветление», «бездну», за его непредумышленное толкание...

Но вот в этом — «лучше не рождаться» — была уже какая-то невыносимая фальшь, невыносимая...

Сказано ведь это было — про то, «что на самом деле лучше...» — не так, как «именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться»... И дело было даже не в том, что не так, а — не к месту, чудовищно *не к месту*... вот именно, вот именно...

Паша вдруг подумал, что это его внутреннее брюзжание по поводу ничего не значащего, в сущности, кухонного трёпа-говорка... это что такое, преждевременная старость?

Оглядываясь по сторонам — он уже вспомнил, с какой стороны здесь автобусная остановка, — туда шли немногие, но всё-таки шли... некоторые люди, да, и автобусы, которые приезжали и уезжали, он уже видел, он просто так стоял ещё некоторое время на одном месте, всё ещё рядом со входом в аэропорт, вдыхая, так сказать, дым отечества... Пока не пошёл в сторону остановки по довольно гладкому тротуару, чемодан бесшумно катился сзади, как будто сам по себе, а напряжение, которое ещё какое-то время оставалось во всех его членах и на земле... наконец спало.

«На двоих марка не подействовала, видимо... Глянца в чертах твоих... не хватило, чтобы черкнуть... с той стороны... или же вообще никакой марки не было... просто шутница... “ха-ха”», — подумал Паша и уже было полностью забыл об этом, но... вспомнил снова, когда... — и это, конечно, надо было сказать на шаг раньше... перед ним что-то *мелькнуло* — упало сверху, ну да, буквально — с неба, — как ему, по крайней мере, показалось, — что что-то плюхнулось прямо под ноги, и поэтому он рассмотрел сам предмет — ну потому что и так смотрел под ноги — «первые неуверенные шаги по родной земле» и всё такое прочее...

«Началось...» — подумал Паша в тот момент, когда под ноги ему упало — или ему показалось, что упало... вот что: маленький тугой свёрток... в целлофане, ну да, плотно свёрнутые зелёные купюры — толстая такая округлая пачка, «ламинированная» — вспомнилось слово — в целлофан, как та «дурь», и такая же зелёная, только пакетик — «запаянный», побольше...

Паша не поднял пачку не потому, что что-то вспомнил из прошлой жизни... или из детства: «Ничего не поднимай с земли!», нет-нет... Он не поднял пачку стодолларовых купюр потому, что она стала, с его точки зрения, первым подтверждением его субъективного идеализма... «Glück — счастье, — подумал он, когда уже прошёл мимо пачки, — но мы уже не в Германии...» — да и прошёл мимо свалившегося на него с неба «счастья», уверенный, что это был просто «глюк».

Метеорит, так сказать, прилетевший из глубины перевернувшегося вверх дном микрокосмоса...

Такое никто, кроме тебя, не может увидеть — у Паши уже был некоторый опыт...

Но всё это тут же было опровергнуто парнем, который шёл за ним следом, и, кажется, Паша если и замечал его краем глаза, видимо, принимал за свою тень...

Но теперь эта «тень», быстро подобрав с земли пачку в прозрачной оболочке, положила её

в карман и пошла быстрее — немного обогнала Пашу, потом вдруг замедлила шаг и оказалась идущим рядом, не в ногу, парнем в просторном, немножко великоватом пиджаке...

«Ты что, ненормальный? — сказал Паше этот... может быть, тоже “глюк”... но антропоморфный и — говорящий, да, и он сказал: — Мимо таких денег проходить, ты что...»

На что Паша пожал плечами, подумав, что если деньги и не «марочные», то всё равно что-то здесь не то... не так... что-то замороженное... и он правильно сделал, что не взял их...

— Давай отойдём чуть в сторонку и поделим, — сказал парень, не глядя на Пашу — как будто за ними следили, хотя вокруг них вообще никого не было...

На парне был пиджак, похожий на тот, в котором Паша сдавал выпускной экзамен...

На улице было холодно, но под пиджаком у парня был надет ещё и тёплый свитер, к тому же видно было, что его теперь грела пачка, которая лежала у него за пазухой...

Как Пашу когда-то — шпаргалки, которыми с ним поделился внук писателя... «Но с чего это он решил делиться деньгами? Да, похоже, что это бред...» — Паша, не говоря ни слова — не разговаривая с говорящими глюками, упрямо шёл вперёд, чемодан послушно катился за ним... но и «пиджак» шёл теперь за ним вприпрыжку — он был маленького роста и шагом он больше не поспевал...

«Вы не видели мои деньги?!»

Высокий брюнет — на голову, как минимум, выше Паши и на две — «пиджака»... с лицом... «не предвещающим ничего хорошего»... догонял их на всех парах — полы серого плаща развивались...

— Нет, — сказал ему «пиджак», — мы ничего не видели.

Пашу, конечно, немного возмутило это «мы», но... и сказать, ткнув пальцем, — «вот он их взял», он не мог, разумеется...

— Я не брал никаких денег, — сказал он и продолжил было свой путь — к автобусной остановке, — но амбал в плаще заорал: «Стой!» — и схватил его за рукав...

— Пока вы мне не покажете свои деньги, — я вас не отпущу, — сказал он, удерживая другой рукой другого парня... который вдруг склонился... или, точнее, встал на цыпочки — и сказал Паше на ушко: «Лучше покажи... Это страшные люди, страшные, портовые, звери... я слышал, народ говорит... с ними лучше по-хорошему... Просто покажи ему свои, он и отстанет...» — с этими словами он достал кошелек из внутреннего кармана и показал Паше пример... Наверное, из левого кармана, а пачку он положил, соответственно, в правый... или даже в какой-то внутренне-боковой... И вот он достал свой лопатник, раскрыл и показал верзиле, — поглядывая на Пашу, как стюардесса, которая показывает перед рейсом,

как надевать спасательный жилет, если наш самолёт начнёт «уходить в сторону моря»...

Верзила заглянул внутрь кошелька и очень быстро — почти как автомат для счёта денег... перебрал несколько рублёвых бумажек, сказал: «Нет, не мои», — и повернул лицо к Паше, который подумал: «А вот и bad guy... или всё-таки bad trip? Но, в самом деле... в любом случае, наверно, так проще всего будет покончить с этой бредовой ситуацией», — и он достал кошелёк, раскрыл его и предъявил галлюцинации свои деньги, как только что предъявлял паспорт на контроле... Деньги же он там не предъявлял, пройдя по «зелёному коридору», ну да... и продолжал идти:

— Видите, — сказал Паша, — у меня вообще нет долларов... Одни евро.

— А откуда ты знаешь, что у меня там были доллары?

— Ты сам сказал.

— Нет, у меня там и евро были, внутри пачки... И все купюры у меня подписаны: и баксы, и евро.

Паша, немного подумав, ещё больше высунул из кошелька стоевровые бумажки, раздвинул их, как карты в преферансе, — как раз десять... и показал верзиле:

— Всё? — сказал он. — Вопрос закрыт?

— Погоди, — сказал тот, — погоди-погоди... у меня они подписаны очень мелкими буквами,

очень мелкими, специальными такими, прочесть можно только с лупой... я так не вижу, есть они или нет, мне надо вблизи, ближе, чуть ближе, — и он коснулся купюр пальцами и... нет, не потянул их на себя, а наоборот — немного приблизил к ним лицо и, сощурившись, быстро осмотрел их...

— Нет, — сказал он, убирая руку, — это не мои.

Паша пожал плечами, положил деньги в кошелек, а кошелек во внутренний карман куртки, взялся за ручку своего чемодана и уже сделал шаг, как вдруг... краем глаза увидел, что высокий «глюк» очень быстро запустил руку за пазуху низкому... и выхватил оттуда целлофановую пачку.

На самом деле Паша этого даже не увидел — так подробно всё движение, которое проделала длинная рука, — только короткий взмах, после которого в руке оказалась пачка...

— Вы взяли мои деньги! — заорал высокий глюк — на этот раз с сильным кавказским акцентом и потрясая ламинированной пачкой в воздухе. — Вы шли их делить, гады... Ну всё, я зову своих друзей, сейчас вас, гады, будут на куски резать, сейчас-сейчас... — и с этими словами он не то чтобы побежал, но... семимильными шагами пошёл ко входу в «Шереметьево», а коротышка — который оказался теперь ещё ниже, — втягивая голову в плечи... быстро проговорил: «Бежим, бежим! Это страшные люди, порвут...» — после чего и в самом деле побежал, пригибаясь,

как будто в них уже стреляли, — в противоположную сторону...

Паша остался на том же месте, пытаюсь, что ли, проснуться или... понять, что здесь вообще происходит. Что по эту сторону, что по ту... долларовый дождь... какие-то актёры, возникающие из-под земли... и так же быстро исчезающие... Уже в автобусе — в следующий момент рядом с ним остановился — как такси, резко притормозив, автобус, — двери распахнулись, и Паша, не думая больше, запрыгнул туда вместе со своим чемоданом...

Дверцы сразу же захлопнулись, так что ему показалось, что и автобус был частью сцены, жёлтой движущейся декорацией... Но смысла всего этого действия он пока что ещё не понимал, разве что склоняясь всё-таки к кислотной подоплёке происходящего, сначала то есть эта... вот именно — Люси... и потом с неба падают... если не алмазы, то баксы... и исчезают в кармане твоего дубля — после условного оператора: «Если ты не подобрал, то...» и так далее и так далее — обычный ветвящийся алгоритм... Но в чём был его смысл?

Прошло ещё несколько секунд, прежде чем Паша наконец догадался — или просто вспомнил ответ...

Оглянувшись, он увидел, что в автобусе кроме него есть ещё несколько пассажиров, которые, конечно, могли быть такими же «глюка-

ми», — конечно, конечно, «солипсизм пытается сказать то, что...» Но тут же он вспомнил и ещё что-то — он достал деньги из кошелька, пересчитал... и увидел, что там ровно половина: пятьсот евро вместо тысячи... Он рассмеялся — не очень громко, но некоторые пассажиры к нему всё же повернулись, и он, как будто очнувшись, наконец, от гипноза или что это там было... спрятал оставшиеся деньги в кошелёк, проверив заодно и другое отделение...

Все карточки были на месте, так что других транзакций вроде бы не предвиделось...

«Такой спектакль... — думал он, — пятьсот евро за билет... как партер в Баварской опере... за тридцать секунд... “прогулки над краем бездны”... “ха-ха-ха”... Ау, Берг...»

«Нет, но они же могут наверняка зарабатывать гораздо больше... такими фокусами, — думал он, глядя в окно на мелькающие ветви сосен, или осин... на что они разменивают свой талант... Он ведь касался денег секунду... и я при этом не выпускал их из рук... Лёгкий гипноз? Да нет, это — гезамткунстверк...»

И тут же он думал: «Да кунсткамера это, музейный перформанс...» — и теперь уже он точно что-то припоминал... да, конечно, он слышал об этой разводке... просто так давно, что с тех пор забыл, забыл напрочь...

«Да это вообще... какая-то классика, — думал он, — я слышал об этом в детстве... Куда я по-

пал?» — Паше хотелось спросить у пассажиров, какой сейчас год... Но вместо этого он спросил, можно ли с Планёрной добраться до Москвы на электричке... Он когда-то был в этом посёлке, пересаживался с одной машины на другую... и сейчас ему захотелось вдруг именно там сойти, что он и сделал через несколько остановок, и там свежий деревенский воздух промыл ему мозги... Но это через несколько минут, а в автобусе он был все ещё *под впечатлением...*

И ещё ему вспомнилось... описание Шириным одного из патентов, с которыми тот работал последнее время, — устройство называли “Wild Palm” — почти как старый голливудский фильм-антиутопию Оливера Стоуна — про bad guys, решивших стать властелинами мира при помощи смешивания реальности с голограммами... как-то так, да... Фильм то есть не видел ни Паша, ни Ширин, кто-то из них начинал, но быстро заскучал... Но зато его в своё время полностью посмотрел сам изобретатель, по телевизору, — он тогда жил в Штатах...

Да-да, изобретатель, которого звали Ханс-Петер Вебер, сказал, что взял такое название для своего нового устройства, потому что «palms» — не только пальмы, но и ладони...

Фильм про «пальмы» был старый, 1993 года, в воздухе тогда было ещё только предощущение, предчувствие виртуальной реальности...

На обсуждениях, которые проводили за круглым столом в студии ABC после каждой серии несколько интеллектуалов, среди которых был и человек с дредами, и его через двадцать лет Ханс-Петер Вебер узнал.

Это был Джарон Ланир, который и придумал, собственно, «виртуальную реальность», и как будто сразу сообразив, куда это всё ведёт...

— ...Тогда же написал об этом фильме эссе под названием “Mild Qualms”... А через двадцать лет — книгу «Ты не гаджет», — рассказывал Шестопалову Ширин, — о том, что Интернет оказался-таки да — оружием массового оглушения, голосом толпы...

— А что за «лёгкие дымки», — спросил Паша, — “mild qualms” — о чём это было, старое эссе?

— Да нет, — улыбнулся Ширин, — «лёгкие подозрения»... О фильме, я же говорю, а так я не читал... В Сети есть ссылка, но если кликаешь, получается 404.

— Milde Qualle, — если уж изобретатель Ханс-Петер... Хотя это я спьяну стебусь, писал же не он.

— Мягкие медузы — это масло масляное, Паша... Нет, это вот именно лёгкие опасения, дурные предчувствия, которые у Ланира, похоже, оказались не ложными — по крайней мере, с его точки зрения, всё подтверждается двадцать лет спустя... Нет, нет, он писал не о медузах, а о головоногих... об осьминогах, об их мимикрии... и не только цветовой, их невероятной способ-

ности к имитации... — говорил Ширин, глядя в экран, — я смотрю в Википедию — которую Ланир, кстати, в свою очередь осуждает как часть общего оглупления... И ещё — об «экстрапианизмусе», — и вот это слово вместе с «медузой» даст тебе некоторое представление об изобретении.

— Довольно туманное... Ну, представил я себе осьминога, играющего на пьяно... Ну, то есть, туманнее — вообще не бывает... И про этого Ланира я так и не понял... как переводить его «mild qualms»... И кто он, соответственно, Argwhonaut* или Psychonaut?

— Да, такой вот... ёжик в тумане, — рассмеялся Ширин, — посмотри, — Ширин повернул к Паше лэптоп, и Паша увидел человека с дредами, больше похожего не на ёжика... а вот именно на *головоногого* — голова и дреды-щупальцы...

— ...О том, что там конкретно придумал Ханс-Петер Вебер, я не могу тебе ничего более подробного рассказать, прости. Это строгая служебная тайна, — сказал Ширин то ли в шутку, то ли всерьёз... Но, напустив туману, он и в самом деле предложил сменить тему, и Паша тогда махнул рукой, мол, не очень-то и надо, столько сейчас всего этого, так и прёт отовсюду... И стал пе-

* Этот неологизм, придуманный Пашей задолго до приведенной беседы в качестве собственной характеристики, был образован им от немецкого слова «Argwohn», то есть мнительность, подозрительность.

рассказывать Ширину — к слову об осьминогах — мокьюментари, которое видел по ARTE в первый же вечер после того, как купил «панель», и которое первые минуты принимал за «документари» из мира животных, от чего у него и вправду чуть не поехала крыша... На большом экране появился кальмар крупным планом, раскачивавшийся на толстой ветви дерева, в лесу, — нет, не мультфильм, а всё выглядело настоящим... а потом он полетел — ну, как летают белки-летяги и летучие собаки, — пока не схватился щупальцами за ветвь другого дерева... совершил на ней, как на перекладине, несколько гимнастических... переворотов туловища... а голос за кадром тем временем рассказал, что к 2150 году головоногие — которые всегда отличались от всех других земных существ сильным интеллектом... и вот эти мозгляки к тому времени настолько уже развились, что решили выйти и на сушу, образовать там новую цивилизацию...

Куда при этом делись люди, Паша не дослушал, но увиденные кадры так чётко запомнились, что сейчас он как бы снова видел вокруг себя лес, населённый кальмарами...

Он вспомнил — вместе с пальцами «артиста», — но по-прежнему не видя, как сквозь эти пальцы... исчезают — растворяются в воздухе — бледно-зелёные бумажки с изображениями арочного моста... виадука, да... и какой-то известной арки — с другой стороны купюры...

Да, это было прикосновение щупалец кальмара к тачскрину... хотя его тачскрин лежал в футляре, а футляр в сумке, и его никто не тронул... но было-было... теперь у Паши такое ощущение — когда всё это снова прокручивалось в памяти, — что всё это происходило на самом деле... в его гаджете... а он сам — не гаджет... и значит, это было не субъективно, но... отсюда и была эта сказочная лёгкость исчезновения купюр — пальцы-щупальцы просто снимают на расширенном тачскрине слой за слоем, слой за слоем, слой...

Но мы что-то слишком увлеклись описанием Пашиного, скажем так, удивления — граничившего с восхищением мелкими жуликами... это же надо было, чтобы, отправляясь плясать от них, мысль нашего гарсона пошла растекашеся по виртуальным слоям аж до их предтечи Джарона...

Или разве что ещё два слова, как бы эпилог... нет, не ко всему роману (вся эта глава — нечто «вместо эпилога»), а только к этому эпизоду.

Через год-два Паша попал случайно в компанию, где был один мюнхенский писатель... Он был другом Пашиного коллеги, звали его Франц Мюллендорф, и он ещё работал на радио и немного на телевидении, но коллега представил его Паше уже тогда — как писателя, у него незадолго до этого вышел роман «Последний шут» (“Der letzte Hofnarr”).

И вот когда Франц рассказал о том, как он в прошлом году был в Киеве — днём он снимал там документальный фильм, а вечером просто гулял, и где-то там он нашёл на асфальте полторы тысячи евро...

Паша тогда прервал его: «Знаю, знаю всё, что было дальше, со мной тоже такое было, только в Москве...»

И все с интересом выслушали, что было с Пашей в Москве... после чего Франц сказал, что у него всё было немного иначе. Он просто положил эти деньги в карман — и всё.

Нет! Никто не подбегал к нему, никто его не «разводил», более того: деньги оказались настоящими, не фальшивыми, и пачка была не «куклой», и «кукольного» спектакля или запуск пошагового алгоритма, если угодно, не следовало.

«Ну ладно, пятьсот евро, конечно, на дороге не валяются, — думал Паша в автобусе (не зная ещё, что в Киеве — вполне, и даже полторы), — но не так трагично... Ну да, скорее как фарс... Был такой театр, замечательный, “Фарсы”... но я не о том... как фарс — повторилось... в сущности, то же, что тогда проделал банк... то, из-за чего всё началось, — эвакуация в Москву, оттуда в Мюнхен, с пересадкой на планер в Планёрной... шутка, на другую машину... но ты помнишь, как всё серьёзно было тогда, не до каламбуров... А теперь — фарс, они ведь как будто повторили

то же самое, но в тысячу раз быстрее и с меньшей — в тысячу раз — кучей зелёных... Кальмары, или кто там, осьминоги — великие головоногие... имитаторы... великих комбинаторов... почему-то только сейчас дошло, ну что же: смешно, смешно... как фарс, да... Это — как итальянские клички у бригадиров, которые обслуживали банк... возникли из сериала “Спрут”, который показывали, ещё когда я в детский сад ходил... то есть тут было подражание спруту, изначально — фарс, фарс, мне же всегда было смешно, когда я слышал эти их “имена”... пока это не коснулось меня самого, банк, щупальцы, кредит с засланным на подставу казачком... и далее по тексту... с вложением всех денег в трактора-призраки... которые и теперь, наверно, где-то ездят... по полю страны дураков...»

Всё это теперь мелькало внутри пачки с «куклой»... если Паша пытался её разворачивать в уме, хотя он... как раз сейчас попытался этого больше *не* делать — ему совсем не хотелось вспоминать...

Несмотря на то что история эта стала давно уже *историей*... во всяком случае, после того, как отец рассказал ему по телефону, что банка больше не существует, по крайней мере, в этом мире... После того как банк попытался повторить свой «чики-брык» с очередными клиентами... Те — с виду сущие ботаники, полезшие в бизнес, готовые мёртвые души... оказались с какими-

то страшными связями в Москве... В результате чего — в отличие от Паши, сбежавшего в Москву, — благодаря тому что у него был помнивший ещё Семёнова информатор, который его и предупредил за два часа до готовившейся финальной акции... а потом — дальше, потому что в Москве тоже было для него небезопасно, щупальца банка торчали далеко, и благодаря связям дяди Сани Папа оказался в Мюнхене как бы по гостевой...

Поначалу, то есть в гостях у Ширина, с которым изобретательный дядя Саня был знаком ещё до перестройки как с патентоведом, потом просто пили-дружили, пытались заниматься каким-то общим делом, пока Ширин не уехал...

Да, так вот, чтобы уже вкратце дорассказать... В отличие от Паши, наезд на юных ботаников... в смысле — на других ботаников, потому что Паша-то как раз считал единственной альтернативой ботаникам — гопников, к которым он, во всяком случае, себя не причислял... Так вот, в отношении очередных жертв банковский гоп-стоп сработал таким образом, что... не юннаты бежали в Москву, а наоборот, Москва прикатилась в N-ск в виде отряда автоматчиков, афган-чечня, чей-то дядя, боевой генерал, а теперь... чёрт его знает кто — «лучше вообще не знать»... В общем, в N-ске высадился десант, и всё руководство банка вместе с их знаменитой бригадой полегло в процессе недолгой перестрелки.

Паша не поверил даже родному отцу... Да что отцу — «своим собственным ушам»... пока отец не прислал ему в сканированном виде короткую заметку в местной газете, где были упущены подробности — которые отец рассказал ему перед этим по телефону, и хотя они были... строго говоря, домыслами... зная отца, Паша понимал, что объяснение этих удивительных событий у отца, скорее всего, верное... А город подумал, ученья идут... причём отец сообщил об этом не сразу — он выждал больше двух лет, и только когда всё это уже быльём поросло...

Поэтому так свободно и говорил по телефону, а заметка показалась Паше какой-то даже пожелтевшей, в смысле скан вырезки — желтоватым, — ну, может, эта N-ская газета просто всегда печаталась на такой бумаге... не путать всё же с жёлтой прессой, просто газетка, и всё... После чего отец не сказал Паше «добро пожаловать домой в N-ск!», напротив... он сказал, что с тех пор ничего, в сущности, не изменилось — если не стало ещё хуже... и возвращаться насовсем не стоит... но ещё через год-другой он как-то в разговоре мимоходом заметил, что в принципе Паша теперь может по крайней мере посетить «пенаты»...

Всю эту считалку-скороговорку, которую мы вот сейчас — явно с запозданием — попытались вытащить наружу и поместить в облачко возле фигурки персонажа, как в комиксе... Ну да, сра-

зу же всё стало больше похоже на комикс, то есть ещё больше... Но, может быть, это потому, что просто «жизнь подражает комиксу» — сказал ведь известный философ жизни... Ну, наверно, нужно было, если уж стенографировать эту предысторию, то где-нибудь раньше, в первой главе, что ли... но в своё оправдание заметим, что Паша вспоминать всё это подробно не любил и все эти годы редко это делал... и не только потому, что... ну, понятно, что это не самое приятное воспоминание — тело начинало само по себе фантазировать, что бы с ним было, если бы тебя не предупредили за два часа... Плюс ещё за всем этим неизбежно всплывала в Пашином сознании смерть Семёнова, которая стала началом многих событий в N-ске... и в том числе и тех, которые обратили Пашу, оставшегося без крыши, в бегство, всё это ясно — дело ясное, что дело тёмное, да-да... Что не мешает ему быть самой банальной историей... Но ко всему этому было ещё вот что: Паше теперь — в эти первые его часы в Москве — казалось, что он, доехав до конца по тупиковой ветке времени — из которой он только замечал в Мюнхене, изредка, этакие пробоины, кратковременные прострелы света — из соседнего тоннеля... да, как будто бы в метро, когда открывается на мгновение соседний тоннель, ты видишь параллельный встречный поезд, людей... А теперь у него было такое ощущение, что он перескочил в этот встречный и на

полной скорости несётся в прошлое... И это было бы не так удивительно — это ощущение, если бы он уже пересел с автобуса на пригородную электричку... но он ведь всё ещё был в автобусе... который сам по себе казался ему, впрочем, наложением разных времён, какие-то чёрно-белые таблички «Разговаривать с водителем во время движения запрещено!»... были там ещё когда он не родился... а какие-то — маленькие цветные наклейки — были приметами более нового времени, рекламой чёрт знает чего, с сиденья не разглядеть... и были ещё какие-то плакаты, все вместе составлявшие как бы объёмный коллаж... так что даже воздух казался слоёным в этом трясущемся тарантасе, запахи сложили составляли штрудель разных времён...

А пространство здесь было ещё, может быть, более запутанное, всё сплошь в состоянии, которое в квантовой механике так и называется — «перепутанным» и в котором — по мнению Пенроуза, например, — самое странное даже не его существование... а то, что оно не проявляется тотально и повсеместно, что всё со всем не перепутано везде, — вот что странно на самом деле... но здесь, казалось, Паша въезжал в область проявления вот именно «перепутанных» состояний... и всё это вместе с видением щупалец, которые только что, слегка прикоснувшись, слизнули половину нала... оказавшегося в кошельке, кстати, только потому, что Паше накануне вер-

нули долг — вот он его и прихватил с собой, то есть некстати... Сойдя в Планёрном, он пока- тил, а потом понёс, потому что под ногами те- перь была трава, он сошёл с просёлочной тро- пинки и стоял почти по пояс в траве и смотрел на закат, который казался слишком близким — как будто Паша, как самолётик в тире — по про- волке, соскользнул со своего балкона прямо вот сюда, в букет полевых... Нет, не цветов, но — красок... и запахов, в котором было столько всей этой гребенщиковской метадеревенщи- ны... что Паша даже зажмурился.

Запахи, да, как в детстве... В общем, всё это требовало минуту внимания, минуту молчания... Паша взял в руки листья дерева — не срывая их — и некоторое время держал в пальцах, вспо- миная, как он... только что держал в пальцах другую зелень, стоя около «Шереметьево-2», — ему казалось, что это уже было в той, домюнхен- ской жизни.

Потом он прошёл несколько метров по высо- кой траве — брючины до колена были уже мок- рыми — и снова остановился... трудно было по- верить, что это то же самое красное солнце, ко- торое он видел с балкона, — казалось, что оно другое — так же как трава и деревья, деревен- ские дома и линия горизонта, — всё пахло совер- шенно иначе, это было просто поразительно... «сырой резедой»... всё это проносилось в голо- ве, наверно, это был самый почвеннический

миг в жизни Паши, своего рода апофеоз почвы, да... и ему в этот момент показалось, что все эти годы он был под колпаком... что вся эта зелень зелёной Баварии была... оранжерейной, что ли... «Где-то... у раннего Набокова... о том, что поначалу нам всё кажется за границей каким-то искусственным, механическим, и деревья, и “птичка на пружинке” — как-то так... — думал Паша, — а потом привыкаешь... А потом, когда возвращаешься, ощущение всё-таки есть, да... что жил под колпаком, в инкапсулированном виде... или это как... Ханс-Петер Вебер, изобретатель расширения... прикосновения, касания... в интервью FAZ, — что после нескольких лет работы над проектом... он месяц ходил по лесу... “мне после этого надо было пощупать каждый листик, каждую травинку...”

“Да, но я каждый листик — не буду, нет... кто-то их ещё нумеровал, в фильме Гринуэя... каждый листик...”, “...у меня они все подписаны”... пасись, детка... “мой друг, я искренне жалею того, кто в тайной слепоте прошёл всю длинную аллею и не заметил на листе...”... но всё уже, всё, ты посмотрел — на жилки зелёных... wild palms... хиромант-ботаник... я не знаю, что ты там увидел, но знаю, что больше всего тебе хочется здесь остаться, постучаться вон в тот домик... “но нам остановиться не дано...”» — и, подхватив лежавший в траве обтекаемый чемодан, персонаж, не растворившийся под завязку

в сыром пейзаже — как было, наверное, задумано... зашагал всё-таки к железнодорожной станции.

Через день, хотя программа командировки была всё ещё довольно плотной и днём, в Сити, он уставал, а потом ещё и простудился, поднялась температура — в чём он был не уверен, пока Коля — его «партнёр по переговорам» — не заставил его померить...

После чего позвал его к себе домой — вместо обещанной прогулки в «Солянку» — и отпаивал там какими-то странными настойками, которые он сам изобретал, спирт на укропе, что-то странное, да, кубический графинчик, где укроп казался деревцами, лесополосой... ну да, такой маленький аквариум...

— А там внутри такой Укропинск... — сказал Паша, поворачивая в руках графинчик...

— Ты хотел сказать — Урюпинск, — усмехнулся Коля...

Коля рассказал про то, как тяжело он работал в позапрошлом году, так что, выбравшись наконец в отпуск на Крит, пережил там своеобразный «блэкаут»: три раза набрал неправильно пин, после чего мобильный был заперт, контрольный код он тем более не смог вспомнить и — забросил телефон в угол комнаты, пошёл на море, а там... он подумал, что ФИО, которые он помнит, на самом деле тоже неправильные, и вообще ничего, кроме ФИО, он не мог вспомнить,

и ему казалось, что он просто всегда вот здесь сидел и смотрел на эту воду, со времён сотворения воды и суши... И потом в интернет-кафе он долго не мог решиться набрать себя в «Гугле»... потому что ему казалось, если он и там три раза ошибётся... то всё тогда будет очень серьёзно, и, в отличие от мобильного, неизвестно ведь, кто тут провайдер...

Всё это он рассказывал Паше, угощая его и опаивая теперь (заметив, что его настойки Паша пьёт с внутренним усилием) уже просто коньяком.

— Ты не гаджет, — повторял ему Паша и снова кашлял...

— Ты молодой, — говорил Коля, — у молодых коньяк простуду снимает на раз, вот увидишь — завтра будешь здоров.

— Да я уже и так как бы... — говорил Паша, и они снова чокались...

Но на следующий день снова всё потекло: сопли, пот семью ручьями... Особенно в метро, где у него было уже полное ощущение, что он под водой...

В каком-то магазине, выйдя из метро наугад, он купил новую рубашку, почти без синтетики... но она почти сразу стала такой же мокрой, как предыдущая.

Вернувшись в метро, он почувствовал слабость, его клонило в сон, но до гостиницы было так далеко... что он решил просто проехать

ещё несколько остановок, благо людей в вагоне было немного, и он сидел... Проехать, а потом вернуться... Чтобы расположиться поудобнее, расслабиться, чтобы развалиться, чтобы не развалиться... в общем, зачем-то он машинально просунул локоть между краем бортика и металлическим поручнем, повторявшим контур... бортика, возле которого Паша и сидел, с закрытыми глазами, полулежал, задрав голову и немного приоткрыв рот... И когда он услышал, что следующая — конечная, и попытался «сгруппироваться» на выход, ничего не вышло — рука застряла... она не вынималась... как он ни дёргал, нет... расстояние между изогнутым поручнем и перегородкой оказалось слишком мало, обратно рука не проходила, никак...

Паше представилось, как он сейчас заедет в глубину, в депо... не то чтобы он боялся темноты — просто в этом состоянии такие идиотические приключения ни к чему... и там, наверно, холодно... а он мокрый, как из-под душа...

— Вы не можете укусить мою руку? — сказал он девушке, которая была с другой стороны бортика... Стояла там, хотя были свободные места на мятых дерматиновых сиденьях... но ей читать было, наверно, удобнее стоя... больше входит... она читала какую-то толстую книгу, название которой Паша отсюда не видел...

— Ну, или уколоть? — сказал он... уже вдогонку: девушка захлопнула книгу и быстро про-

шла к двери, Паша видел теперь её спину, серый короткий пуховик, длинные каштановые волосы...

А после слова «уколоть» она решила уйти ещё дальше — к другой двери — и прошла мимо него по салону, и Паша, несмотря на свой насморк, почувствовал ветерок-запах её духов... и крикнул:

— Булавкой! Я не могу без этого выдернуть руку! — но девушка стояла уже далеко, и снова — повернувшись спиной...

И такая вот быстрая реакция на его слова... а может, и не только слова: Паша подумал, что у него сейчас к тому же *тот ещё вид*...

Реакция напомнила, как в другом метро, в Мюнхене... увидев, что читает девушка рядом с ним, на платформе, ожидая электричку, — «American Psycho», — там он сумел прочесть название, заглянув под книгу... и спросил:

— Вам нравится эта книга?

Девушка молча кивнула, и он тогда сказал:

— А вы не хотите поиграть в эту книгу? Ну, знаете, как играют в книги... у нас там, например, играли в «Хоббитов» в лесах... ну там разыграть всё это в ролях, такое, знаешь, живое кино...

Он вдруг понял, что говорит это в пустоту — он даже не заметил, как она встала и ушла, её, что называется, как ветром сдуло... и вот так же теперь, здесь, эту пассажирку, которой он предлагал — как она, наверно, подумала, тоже что-то подобное... но только при этом другую роль...

мазохистом был бы он, да он и был... ему всё-таки удалось в конце концов, в последний момент, уже на конечной... выдернуть руку из капкана, да, но рука потом болела месяц... «Как будто она меня всё-таки укусила, — думал он, — ну а что было делать... не все волки, попав в капкан, способны сами отгрызть себе лапу...»

На конечной он подождал, пока поезд уехал, а потом прошёл дальше того зеркальца, что стояло на высокой ножке в конце платформы, несколько шагов в тоннель... Там снял куртку, свитер, рубашку и стал выкручивать... как после стирки, глядя в засасывающую темноту... и что-то как будто он снова вспоминал...

Да, этот внезапный «капкан» в вагоне только что... как бы напомнил ему об анизотропности пространства, а значит, и времени — пространство, время... и всё же (хотя он понимал, что это глупо... но всё было глупо, всё казалось каким-то матовым, бессмысленным и утомительно-глупым) он проехал в метро назад в этой желтоватой смеси времени и пространства... на десяток станций назад — в то место, где в его сознании была точка какого-то, пусть непонятного, но всё-таки отсчёта...

И там застыл в дверях и — так же, как на Планёрной — флору, долго созерцал здешнюю теперешнюю фауну, стоя на пороге заведения... в котором восемь лет назад намечалась траектория и где он, наверно, и в самом деле оттолкнулся

тогда ногой от дна какой-то подземной Яузы... а не только пригубил виски, которое и было ценой — хотя бы и формальной — его бегства...

Да, «Дно реки», вот так оно и называлось, на шотландском, естественно, то есть на кельтско-гаэльском... да-да, Паша навсегда запомнил и этот странный вкус, и это название: BUNNAHABHAIN... прозвучавшее в устах Реша так неожиданно, что он тогда вздрогнул, приняв его в первый момент за какое-то издевательское «бу-га-га-га»...

Но это оказалась цена вопроса, то есть то, что им надо было «поставить», только и всего... Выглядело как шутка, Паша потом даже думал, что это и была шутка, а настоящую цену дядя заплатил позже, хотя... с чего бы ему скрывать от него — он уже был взрослый мальчик...

Помещение внутри было тогда совсем другим, совсем... Настолько, что Паша теперь в первый момент даже подумал было, что ошибся дверью.

Но нет, адрес-то он не забыл.. как вкус того самого виски... или, по крайней мере, запах... он вспомнил, когда после очень сильного ливня ехал от Шириных на велосипеде, и было уже темно, но в парке фонари, и он не включал фару, и, подъезжая к тому месту, где дорожка ныряла под мост, Паша издали не увидел, что там собралась вода, или он принял её за тень от моста или просто за темь, сгущение темноты. То, что это чёрная вода, он понял, когда уже бы-

ло не свернуть и не затормозить — крутой уклон, он нёсся на большой скорости и только за несколько метров понял, что въезжает в лужу, но подумал, что проскочит её сухим — у него были «крылья»... но не за спиной, только над колёсами... а лужа оказалась намного глубже, чем он подумал... Паша въехал в воду по пояс, велосипед остановился, «спицы увязли»... велосипед остановился сам по себе, он не тормозил — он-то думал пролететь... а оказался вдруг сидящим в седле по пояс в чёрной воде, под мостом...

Он вышел из холодной — дело было осенью — и вязкой, по сути, сточной... чёрной воды с редкими блёстками отражений, вброд, катя велосипед... вылил из новых ботинок — Dockers — воду и — по пояс мокрый — помчался по парку дальше... Дома сразу забросил в стирку джинсы и носки, ботинки же выставил на балкон, на следующий день перенёс их в комнату — неделю они там сохли, и вот когда они полностью высохли и Паша, впервые после этого их надевая, поднёс один из них к носу и поводил его вокруг... как рюмку с виски... но это уже он подумал потом... он услышал тот самый запах — и даже вспомнил «Bunnahabhain!» — слово, которое тогда, восемь лет назад, показалось ему сначала смехом, а потом — заклинанием... Которое произнёс Реш в ответ на вопрос дяди «что мы должны?», да, притом что запах ещё тогда, в Москве,

напомнил ему... запах портянок, которые сушат у костра... столовских тряпок, всей затхлости мира, дымных досок, затопленных подвалов... и вот теперь оказалось, что это был запах... ботинок будущего... побывавших на дне как бы приснившейся речки... И подумал, что когда-нибудь, если даже всё это воспоминание о встрече с Решем высохнет в его памяти, *запах* всё равно останется.

Пока же он хорошо помнил не только вкус виски (по словам Реша, «лучшего скотча на Земле», пахнущего, кстати, для кого-то... Паша и эти слова Реша запомнил, «морем и дымом... да, дымком парохода...») и не только бутылку с морячком, берущим под козырёк — на этикетке... но и морячков-официантов вокруг, да и всё вообще пространство — помещение — в том его, прежнем, виде — его и себя в нём — в тот момент, когда ещё не знал, что с ним будет дальше... и будет ли это «дальше»... Так хорошо, так хорошо... он его запомнил, что теперь, стоя на его пороге и глядя на весёлых людей, шумно отмечавших день рожденья какого-то средневекового архитектора, — как позже он узнал от опоздавшего Семёнова... фотографа, конечно, фотографа... Глядя на яркий свет, на довольные лица, многие из которых мелькали в фейсбучном «миксере», предлагавшем «добавить их в друзья»... ему казалось, что только там, сойдя в Планёрной, он на несколько мгновений из неё вы-

ходил — из виртуальной реальности, ну да, вываливался из неё в траву... а теперь вот вернулся, Син Сити... компьютерная игра... подземная готика... он забыл, какой высоты здесь своды в метро, переходы между мирами, катакомбные костёлы... и теперь у него было ощущение, что он за это время стал ещё меньше, совсем маленьким, да-да... и простуда началась так, как в детстве, со щекотки... в носоглотке, а потом разыгралась вовсю, и теперь Паша имел довольно жалкий и бледный вид, стоя на пороге ярко-красного зала...

Может быть, ещё и по контрасту: там были люди, поразительно довольные жизнью...

Лысины сияли, усы вились, Паша узнавал известного... то карикатуриста, то психиатра, а может, и в одном лице... и были ещё другие — медийные — лица, которые даже он, годами не видевший русское ТВ, всё-таки узнавал, да...

И все они были какими-то пышущими... здоровьем, радостью жизни, да, просто купающимися в своей очаровательности без ложной скромности, они как будто все повторяли друг другу «С лёгким паром!» и — несмотря на возраст некоторых — все они ещё и продолжали расти.

Паша же сам себе казался маленьким, таким маленьким, всё меньше... ему даже было стыдно — куда он попал, пацан, пацанва... Хотя там были и явно младше, чем он... Но он чувствовал себя даже не маленьким, а вообще не челове-

ком — на фоне этих лысин, жилеток и усов — каким-то *братом меньшим...*

И вдруг он увидел даже отчётливее этой сочной картины — совсем другое: ...а вот то, как он здесь был... в гостях у Снежной королевы... Вот этот же самый зал восемь лет назад... здесь было темно... только узкие конусы... белого света — там были софиты... и конусы поменьше — высокие салфетки... стояли на столах... и всё пространство было тогда стилизовано даже не под театральную сцену, а под съёмочную... площадку... чёрные древние кинокамеры возвышались на треножниках над белыми столами, похожими на сугробы... и старинные репродукторы, тоже чёрные... а между столами стояли синие тачки... или даже дрезины — какие-то там были бутафорские рельсы... и тачки — с россыпями льдинок... в которых темнели куски сырой рыбы, суши... и головы — наверно, просто так, для красоты, торчали... большие головы каких-то осетровых... и щупальца с присосками... впрочем, в последнем Паша был не уверен — что он не дорисовывает их вот сейчас...

Хотя нет: он точно вот припомнил... были там рассеченные головоногие — в россыпях льда, на тележках, и куски сырой рыбы... И вокруг ходили многочисленные официанты и официантки, ряженые, одетые в матросов и, соответственно, в каких-то морских снегурок-мальвин...

И ещё он вспомнил эту руку во льду, да, отдельную человеческую кисть, чёрную, или тёмно-серую в таком свете... пока он не понял, что это толстая рабочая перчатка, которую кто-то там забыл, но он успел вздрогнуть — Паша, да... теперь ещё и вспоминая передачу, которую случайно увидел в Мюнхене — про двор частного дома с замороженными телами, в глубинке...

Пашина просьба принести ему чашку кофе, которую услышала не только подошедшая «снегурочка» с кокошником... но и все остальные, — никого не удивила, нарисованные брови не взметнулись, нет-нет, никаких вопросов «а что ещё?» — просто принесли кофе, молоко, белый фарфор-фаянс... и он сидел, и ждал дядю... который тоже, кроме кофе, ничего не заказал — не его была идея встретиться в таком месте: они пришли сюда, потому что нужно было «поговорить с человеком, которого называют Реш»... И так как, помимо двух людей, всё время говоривших по мобильным — сидя за одним столом, напротив друг друга... и как будто друг с другом они там говорили, по «сотовым», ну да... потому что всё это было как бы ещё и под водой — такое было чувство, садковское, — ещё до того, как на столе оказалось это самое «дно реки»... и это у них особые, подводные, телефоны, без которых ничего не было слышно — Паше, хотя он сидел не так далеко от них... и он помнил, как один из них — тот, которого он принимал за Реша...

бросил трубку, встал и зашагал... кругами — между тележек, между столиков, что-то задел, посыпались куски льда... и он, закрыв лицо руками, вдруг... громко завыл-заревел — белугой, да-да... как будто провалился в прорубь... а потом этот рёв перешёл в поток «б...е...», и его визави тоже встал из-за стола и стал его, видимо, утешать... утихомиривать, обняв за плечи, указывая на мультяж кинокамеры... и Паше показалось, что он слышит, что он говорит, «что наша жизнь...», хотя звук по-прежнему плохо распространялся... после этого внезапного рёва снова было удивительно тихо, Паша очень медленно пил кофе и как будто читал по губам рыбины, голова которой торчала изо льда, что никакой это не Реш...

Тот ещё не пришёл, и они с дядей Саней — который появился через полчаса после Паши — ещё час примерно просидели, ничего не заказывая, не считая кофе, никто их ни о чём не спрашивал, а те двое с мобильниками... так и сидели по-прежнему, в другом конце зала, по пояс в сугробе, к ним подвозили на тележках всё новые суши, сушини, водку, и вот эта картина, при всём её освещении — искусственной ночи... снаружи в тот день шёл первый снег и сразу таял или скапливался вот здесь... это рисовалось Паше сейчас едва ли не чётче, чем ярко освещённое и всё-таки... какое-то ещё более призрачное, что ли, чем то... настоящее, сегодняшнее содержимое помещения.

Наверно, у него была высокая, да... но и не очень высокая — температура, а не марочный флешбэк... то есть он не бредил — он просто находился в таком своеобразном оцепенении — как на той же Планёрной, только теперь это было не от пейзажа... а от этого — как будто, наоборот, поверх того другого, тёмного царства... нарисованного лучом в воздухе сабантуйа...

Теперь были люстры, пылал хрусталь, столы были все заняты, у всех были сияющие лица, вокруг которых плавали, как мыльные пузыри, круглые розовые бокалы... и радостные люди, *выдувавшие* их... тоже вставали и плавали по залу, и всё это перемешивалось, как в Фейсбуке, наполненное каким-то веселящим газом, люди то и дело отодвигали стулья и пересаживались от одного столика к другому... от нашего — к вашему... они знали друг друга... они обнимали друг друга за плечи... трепали друг друга по щёчкам... они наперебой ворковали-хохотали... и Паша, как бы сквозь лёгкую дымку, узнавал некоторые лица...

Фамилий он не знал, но лица, лица... каким-то непостижимым образом не узнать было невозможно, и, живя за семью границами... и не только в Фейсбуке — в Фейсбуке он их в общем потоке узнавал как раз потому, что уже где-то видел...

Может быть, ещё в N-ске... где он тоже, впрочем, едва ли смотрел телевизор в зрелом возрасте...

Он подумал, что потому-то и знает не всех, наверно... например... вдруг он заметил, что напротив него, примерно в двух метрах, стоит и смотрит — прямо на него — маленький человек...

Да, Паше, по-прежнему стоящему на пороге заведения в мокром свитере — куртку он уже повесил на крючок гардероба... — только что казалось, как чеховскому архиерею, что он сам маленький, а все вокруг него огромны... теперь же перед ним стоял маленький человечек, живой плеоназм... и он подумал, что очередность этих «пульсаций»... этих «увеличений» и «уменьшений» — утешительна на самом деле... у архиерея было как раз наоборот, а он, может быть, в этот раз выживет, просто простуда, интерференция...

Человек в клетчатом пиджачке не уходил, он стоял перед Пашей и, сморщив маленький лоб, смотрел на него, как будто читал в нём, перехватив незаметно его взгляд...

Да-да, когда Паша в свою очередь посмотрел на человечка, он успел заметить на этом лице как будто отражение... своих собственных мыслей... или, во всяком случае, того, что человечек принял за его мысли...

Он напоминал какого-то известного актёра... не Светин, нет... какой-то новый... при этом у Паши не было сомнений, что это не он, то есть если и актёр, то не тот — фамилию которого он, впрочем, так и не смог вспомнить... просто, наверно, у этого был тот же самый — очень

выразительный — способ показать, что он прочёл мысли собеседника и... морщась и как бы одновременно ругая себя за то, что лезет не в своё... дело, и чуть ли не побивая себя самого за это — сам на себя замахиваясь... и даже уже заранее извиняясь перед вами, но всё это — бесшумно... Вслух же... человек, стоявший перед Пашей... морщась, как от лёгкой боли, от своей догадки и про себя уже ругая себя за это и... как будто уже готовый сразу извиниться... всё-таки выговорил:

— You are the communist?

Оглавление

Собеседование	7
Торговые комплексы	101
Книгоноша	193
В страдательном залоге	330
Воздушный поцелуй	364

Литературно-художественное издание

Мильштейн Александр Моисеевич

КОНТОРА КУКА

Роман

Заведующая редакцией *Е.Д. Шубина*
Выпускающий редактор *П.Л. Потехина*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректоры *О.В. Грецова, И.Н. Волохова*
Компьютерная верстка *Ю.Б. Анищенко*

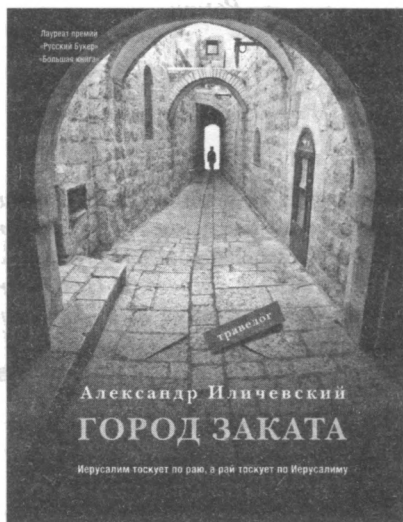
ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательство «Астрель» представляет

Александр Иличевский ГОРОД ЗАКАТА

«Город заката» — новая книга-травелог Александра Иличевского, посвященная Иерусалиму.

Романы Иличевского часто граничат с эссеистикой — наравне с действием и героями в них важно место: современная Москва или вершина Ай-Петри, Апшерон или Мещера...

Книга эссе «Город заката» построена по всем законам романа, в котором есть герой — Иерусалим — и любовная линия — автора и города.

Александр Мильштейн

КОНТОРА КУКА

ОСтальгический вестерн

Александр Мильштейн

уроженец Харькова, по образованию математик, ныне живет в Мюнхене;

Автор романов «Пиноккио», «Параллельная акция», «Серпантин»;

Его прозу называют находкой для интеллектуалов, сравнивают с кинематографом Фассбиндера, Линча, Вима Вендерса.

Новый роман Мильштейна «Контора Кука» сам автор назвал «остальгическим вестерном». Видимо, имея в виду, что герой, молодой человек из России, пытается завоевать Европу, как когда-то его ровесники — Дикий Запад. На глазах у читателя творится динамичная картина из множества персон: художников, программистов, барменов, русских эмигрантов, немецких писателей и совсем странных существ.

Под ровной поверхностью этой прозы бежит в сумасшедшем темпе весьма нетривиальное сознание... Каждый играет в жмурки с судьбой. Скука жизни преодолевается только скоростью. Быт, поделенный на предложения, летит сквозь человека со скоростью облаков в ветреный день...

В мильштейновский роман будто можно засунуть руку и почувствовать слова на ощупь...

Колоссальная масса живых слов.

Лев Данилкин

ISBN 978-5-271-45552-0

9 785271 455520